

*Воспоминания
о Сретенской
духовной
семинарии*

Москва
Сретенский монастырь
2011 год

Содержание

Воспоминания преподавателей

- 4 **Архимандрит Тихон (Шевкунов).** Мы должны вслушиваться в волю Божию и идти за Господом
- 12 **Иеромонах Иов (Гумеров).** Святой праведный Иоанн Кронштадтский говорил: «Великое лицо – достойный священник, он друг Божий»
- 19 **Протоиерей Андрей Рахновский.** Преподавание дает ощущение, что ты трудишься в целом для Церкви и ее будущего
- 30 **Диакон Владимир Василик.** Слово Божие присутствует и в святых церковных Таинствах, и в духовно-христоносных людях
- 43 **Профессор Алексей Константинович Светозарский.** Вспоминая московских пастырей...
- 50 **Профессор Лариса Ивановна Маршева.** Пастырь должен быть современен Христу»
- 57 **Иеромонах Иоанн (Лудищев).** Современный человек способен на христианский подвиг

Воспоминания выпускников 2011 года

- 66 **Священник Тихон Кречетов.** Никакое знание не проходит бесследно
- 74 **Священник Евгений Марков.** Общаясь с людьми, священник не может отложить ответ, уйти от него — он обязан отвечать
- 81 **Священник Алексий Кузьмичев.** Нужно помнить, что подлинным нравственным идеалом для нас является Христос
- 84 **Инок Иларион (Баширов).** Всякое можно потерпеть, лишь бы не было в главном убытка
- 86 **Чтец Виталий Бровко.** Учебу в семинарии я понимаю как важную веху на пути к личному спасению
- 91 **Чтец Алексей Щербенко.** Семинаристы не имеют права забывать, для чего они пришли в духовную школу
- 108 **Чтец Максим Воронин.** Хочу пожелать семинаристам, чтобы они слушали своих наставников и побольше терпели
- 112 **Чтец Георгий Чирков.** Общежитие учит быть снисходительным, уважать собратьев, следить за своими поступками
- 118 **Чтец Вадим Шестаков.** Наши преподаватели заложили в нас не только глубинное понимание своих предметов, но и правильное отношение к служению пастыря
- 123 **Чтец Александр Бобраков.** С выбором духовной школы я определился быстро — ею стала Сретенская семинария
- 126 **Чтец Дмитрий Гизитдинов.** Если воспринимать семинарию как очередную ступеньку на пути к небу, то принесет она только несметную пользу
- 133 **Чтец Егор Ланцев.** Жизнь семинариста в первую очередь складывается из каждого-дневной молитвы

Пожелания выпускников 2011 года студентам

Сретенской семинарии 151

Фотогалерея 157

Воспоминания преподавателей

...by the Legislature
without and now
as to encourage
Establishing Judicature
State of New York...
a Legislature
ion, and in acknowledging the
trial, from pecuniary
es on us with the
free State
roduced
of English...
the same about
For suspending our own Legis-
lative Protection and waging War
nies of force, Mercenaries to
orthy the Slave's civility, and
the known rule of warfare, is an undi-
cated. Pittoresque have been answered by the
attention to our British brethren. We have
the instances of our emigration and settlement here. We
fifty, which denounces our Separation and
the United States of America, in General and
Lives, solemnly publish and declare, and that
all political connection between them and the
and that all Peace, contract Alliance
with a firm reliance on the protec-

Мы должны слушиваться в волю Божию и идти за Господом

Архимандрит
Тихон (Шевкунов)

Отец Тихон, как бы вы охарактеризовали современный период церковной жизни?

— В череде событий, которые произошли за последние годы, самым важным является создание Межсоборного присутствия. Очень интересная форма, правильная. В свое время у меня была статья, которая называлась «Собор или парламент?», где говорилось о том, что соборная жизнь, конечно, необходима, и это доказал знаменательный Поместный Собор 1917–1918 гг., но все же самым насущным следует признать актуальное, постоянное обсуждение злободневных церковных вопросов на уровне мирян, священников и епископов. Для того, чтобы эти уже обсужденные, выношенные и даже выстраданные наказы были переданы архиерею и он озвучил их на Архиерейском или Поместном Соборе. Поэтому я с огромной радостью воспринял это нововведение, вернее — старовведение, так как Предсоборное присутствие действовало в начале XX века.

Патриарх старается повысить управляемость Церкви, сейчас мы это почувствовали на себе, в том числе и особой требовательностью, и созданием новых структур. Начал свою работу Высший церковный совет, куда входят руководители всех синодальных учреждений. В нашем монастыре функционирует Патриарший совет по культуре.

— Расскажите, пожалуйста, о его деятельности, о реализуемых им проектах подробнее.

— Председателем Патриаршего совета по культуре является сам Святейший Патриарх. Мы ищем те формы работы, которые сейчас необходимы для эффективного взаимодействия, например музейного сообщества и Церкви. В настоящее время, как известно, ей передается большое количество собственности. И это будет сопровождаться, и уже сопровождается, проблемами, которые были озвучены в СМИ. Мы сейчас в Патриаршем совете готовим очень хорошую и важную книжку, которая будет пособием для всех священников Русской

Православной Церкви, в том числе и зарубежных. Предназначена она в первую очередь как раз для тех приходов и монастырей, которые являются с государственной, музейной, точки зрения древними памятниками. Там будет сказано, что можно, а что нельзя, как надо обустраивать эти помещения, как надо заботиться об иконах. Ведь священник отвечает полностью за то, что ему поручено.

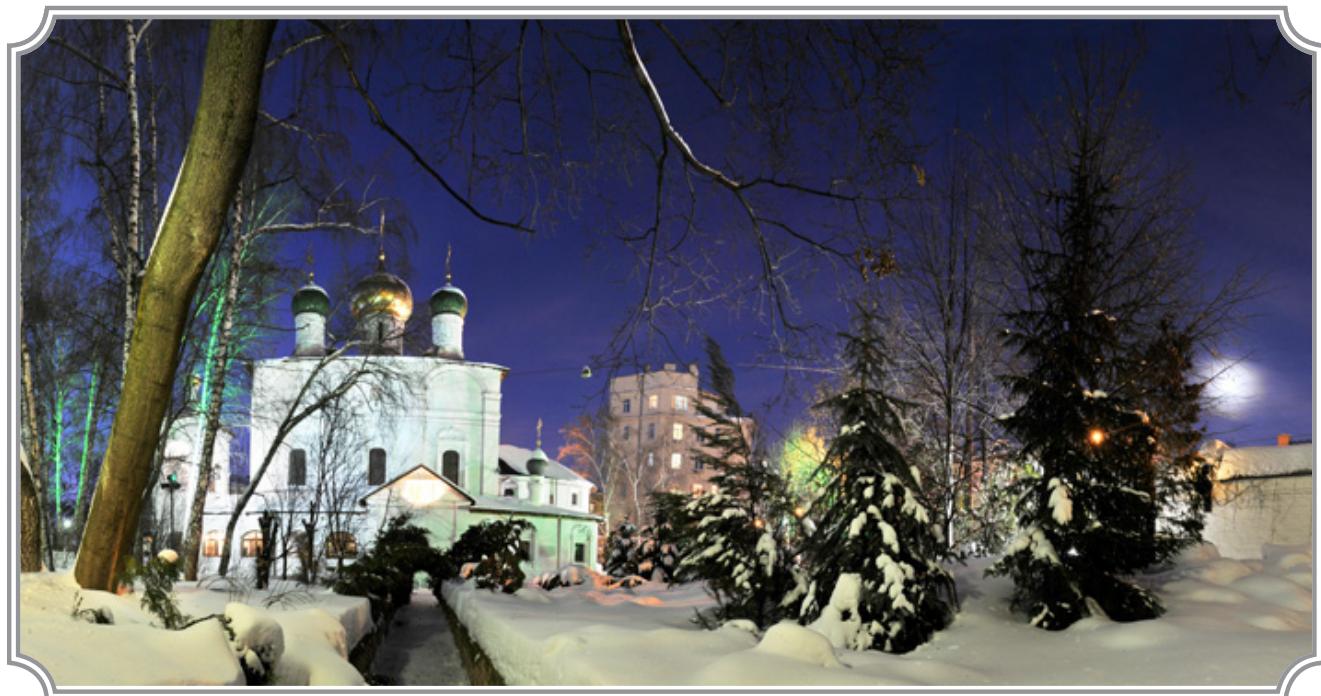
Есть у нас и еще несколько проектов, которые мы сами уже предложили Святейшему, и он их одобрил. Сейчас мы их осуществляем — работы много. В этом году исполняется 20 лет — а наши семинаристы как раз и находятся в этом возрасте — с тех пор как в 1991 году Церковь обрела свою внешнюю свободу после многолетнего засилья советской власти. Внутренняя свобода была у Церкви всегда: хочешь быть свободным — будь, а не хочешь... Но вот внешнюю свободу Церкви дали только в 1991 году. И за прошедшие 20 лет произошло то, чего не было за всю историю христианства, а именно: возрождено и построено более тридцати тысяч храмов. Вы себе даже такого представить не можете, что это такое — тридцать тысяч храмов. В Москве к 1988 году было всего сорок храмов, а сейчас восемьсот. Представляете, масштаб какой? Действующих монастырей было 7–8, сегодня — 600–800. Духовные

учебные заведения располагались в Москве, Питере, Одессе. В настоящее время их насчитывается около пятидесяти. Православное книгоиздательство в тысячи раз увеличилось, церковное искусство и т. д.

И мы сейчас готовим выставку «Русская Православная Церковь — итоги двадцатилетия». Мы покажем возрождение Православия как общее дело миллионов людей, живущих на всей канонической территории Русской Православной Церкви. Мы готовим выставку художественных работ — кроме икон, которые будут показаны отдельно. Мы представим изделия прикладного искусства, великолепные картины. Мы себе даже представить не можем, сколько у нас молодых художников, которые за эти двадцать лет нарисовали поразительные полотна, о которых мало кто знает. А мы соберем их в одном месте, лучшие из лучших.

Сделаем мы и выставку, которая будет называться «Церковная архитектура Русской Православной Церкви в начале XXI века». На рубеже столетий построено большое число соборов и храмов, которые являются собой соединение преемственных особенностей и того, что присуще исключительно новейшему времени, но находящемуся в русле традиций.

Мы, если Господь благословит, планируем большую конференцию на тему

Сретенский монастырь зимой

«Русская религиозно-философская мысль конца XX — начала XXI вв.» Надеюсь, что проведет ее Наталья Алексеевна Нарочницкая, известный историк и общественный деятель.

В качестве проекта мы рассматриваем и конференцию «Основные проблемы жизни Православной Церкви сегодняшнего дня». Было бы очень полезно, чтобы ее участники рассказали не только об очевидных достижениях, но и о том, что наболело, о наших проблемах.

Еще будут большой кинофорум и огромная книжная выставка и т. д. Пройдут они осенью, основные мероприятия будут организованы в Манеже.

Нам необходимо помнить — главный смысл проповеди заключается в евангельских словах: «Приди и виждь». Это очень важно, поскольку в качестве итога за эти двадцать лет Россия, к сожалению, может представить миру очень немногое. Но Церковь может показать возрождение, красоту, новые художественные формы, показать не разрушение, а созидание, осуществленное руками крепких, здоровых, красивых людей, которые нашли смысл жизни. Все это надо представить, повторю еще раз, как дело миллионов, не хвастаясь, а ставя себе целью именно миссию через проповедь.

Есть у нас еще несколько проектов.

— Как Православная Церковь должна заявлять себя в современном информационном пространстве? Какие формы являются здесь недопустимыми?

— Церковь, я уверен, должна иметь свое особое место в информационном пространстве. Но еще раз подчеркну — свое и особое. Мы не должны до бесконечности мелькать на экранах, на страницах печатных изданий. И мы должны говорить в первую очередь — о Христе. У нас был период, инерцию которого нам сейчас удалось переломить (хотя и не до конца), когда, например, наступает Крещение, на экране появляются священники и начинают говорить: «Надо окунуться, взять водички...» Все это грубо, нелепо, безграмотно.

Иначе говоря, чтобы выходить в информационное пространство, священнослужители должны быть очень подготовленными и понимать всю меру ответственности. Потому что они в данном случае действительно представляют Церковь. Это очень сложный вопрос, и его нужно обсуждать и с семинаристами,

поскольку большинство из них, рукоположившись, так или иначе будет соприкасаться со средствами массовой информации. Ведь вообще исключить присутствие духовенства из информационного пространства невозможно — очень многие готовы увидеть и услышать священника. Но здесь столько подводных камней, что к таким выступлениям надо самым серьезным образом готовиться.

— От отдельных священнослужителей, выступающих сегодня в СМИ, можно услышать о том, что Православию угрожают. Прокомментируйте, пожалуйста, такие высказывания.

— Да не существует никаких угроз Православию! Разве есть угрозы Богу в этом мире? Нет! Единственная угроза Православию — мы с вами, с нашими грехами и нашей глупостью. Даже дьявол, как лев, ищущий, кого поглотить, становится угрозой, только когда мы сами перестаем быть православными христианами.

— Должен ли священник стремиться к дополнительному образованию, пройдя полный семинарский курс?

— Возможно. Но ни в коем случае не вместо семинарского и не за счет его. Закончили семинарию, чувствуете, что вам надо еще одно образование, тогда рукополагайтесь и идите учиться. И не будет вам упрека от Церкви. А то бывает ведь так: «Вот я сейчас семинарию закончил, пойду еще какое-нибудь образование получу, а потом еще подумаю, куда мне идти». Эти измышления можно «перевести» так: «Господи, конечно, Ты меня призвал, но что-то мне непонятно еще, стоит или не стоит становиться священнослужителем». Горько это! Тебе Промысл Божий все указал, но значит, ты в него и не веришь. Сколько пришлось видеть таких людей — положив руку на духовное рало, они обращаются вспять. И все заканчивается крахом их духовной жизни и в конце концов несостоятельностью даже и на светском поприще, которое они для себя выбирают. Выпускник семинарии должен всем сердцем желать служить Богу — это безусловно!

— С какими трудностями вы столкнулись, когда, по благословению почивших Патриарха Алексия Второго и архимандрита Иоанна (Крестьянкина), приступили к восстановлению Сретенского монастыря? И как вы преодолевали возникающие сложности?

— Когда я начал исполнять их благословение, то был один. Здесь находился, как вы

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) и отец Тихон в келье старца

знаете, приход священника отца Георгия Ко-четкова, и его община крайне недоброжела-тельно ко мне отнеслась. Моими соработни-ками поначалу стали несколько прихожан из Донского монастыря. Территория, передан-ная обители, была ничтожно мала. Место, где мы сейчас живем и учимся, занимали несколь-ко государственных учреждений. Мне была выделена одна комната в административном корпuse, восемь квадратных метров, и там было все — от ризницы и кельи до бухгалтерии и издательства.

С самого первого дня мы положили себе за правило — каждый день служить литургию. И с тех пор это уже восемнадцать лет неукос-нительно исполняется. Особенно тяжело было в первый период, когда я был один. И даже когда нас стало двое. Но все равно мы это делали — неукоснительно. Ведь только молитвой к Богу любой дом становится домом Божиим. А когда есть дом Божий, то привлекается и все остальное. Приходят люди, которые начинают и помогать, и быть твоими соратниками в Бо-жием деле. Это самое главное.

Иными словами, восстанавливая, созиная храм, обитель, сразу надо ориентироваться на духовные вопросы и побольше времени уделять людям — это альфа и омега. Мы обязаны всегда быть пастырями. Потом, когда приход, монастырь разрастется, поневоле придется меньше отводить на это времени. А потому ло-вите эти начальные годы, когда вы будете свя-щенниками и будете закладывать фундамент всей вашей дальнейшей пастырской деятель-ности. Ведь вы будете воспитывать своих помо-щников, соратников, людей, которые разде-ляют с вами ваше дело.

Но, помимо пастырского делания, надо уметь зарабатывать, абсолютно не побоюсь этого слова. Надо стать финансово независимыми. Конечно, если это небольшой храм и настоя-тель занимается пастырской деятельностью, и у него нет других послушаний — семинарии, детского дома, строительства, то Господь по-шлет все необходимое. Но и вы не упускайте возможнсти что-нибудь придумать на пользу храма и дела Божия. Кто-то владеет компььюте-ром, умеет верстать книги — и таким образом

может заработать. Финансовая независимость дает внешнюю свободу. Я видел немало священников, которые стали несвободными из-за того, что попали в тотальное подчинение к своим так называемым благотворителям, спонсорам. Это плохо, нельзя делаться рабами людей — даже в малейшей, казалось бы, степени. Если чувствуете, что кто-то начинает хоть как-то распоряжаться вашей духовной жизнью, надо это жестко пресекать. Ничего не нужно, никаких благ, даже для храма, если нет внутренней свободы.

Поэтому мы почти сразу развернули издательскую деятельность. Мы поняли: нам необходима финансовая независимость, чтобы самим направлять нашу жизнь в то русло, которое мы считаем правильным и нужным. Да, на этом пути немало подводных камней — будьте здесь внимательны, продумывайте каждый свой шаг.

Я уже говорил, если приход многочисленный, то часть проблем снимается: люди исправно помогают. А у нас, вокруг Сретенского монастыря, вы сами видите, жилых домов почти нет. И в наш храм ходили, когда его покинула община отца Георгия Кочеткова, где-то пять-семь человек из округи. И у нас, повторюсь, только и было, что одна комната в разрушенном доме. Вся территория в запустении, руинах. На восстановление обители, по мнению представителей Министерства культуры, нужно было изыскать громадные средства.

Для справки: финансовый приход от нашего храма — то, что мы получаем от записок, которые читают в том числе и наши семинаристы, за что мы им очень благодарны, от сорокустов, от свечей, — не обеспечивает и половины содержания «большого» хора.

Когда наши студенты будут священниками, настоятелями, они столкнутся со многими вопросами: электричество, вода, тепло. Это все очень затратные сферы.

Здесь задают вопрос, почему монахи идут только в богатые монастыри? Я совершенно не согласен с этим. Во-первых, даже если это уже обеспеченная обитель и ни в чем не имеет нужды на сегодняшний день, поживите в монастыре и увидите, что это такое, что это за брань. Не имеет значения, где вы будете находиться, на Большой Лубянке или в глухом лесу.

Господь Сам приводит человека туда, куда ему нужно, — у меня в этом нет абсолютно никакого сомнения. Я ушел в Псково-Печерский монастырь и думал, что никогда в жизни больше не окажусь в Москве. А оказался не просто в столице, а в самом ее центре. Всюду ставит и приводит нас Сам Господь — у меня в этом даже йоты сомнения нет.

А во-вторых — основная часть монахов пришла в Сретенский, например, когда мы были нищие как церковные крысы и богаты только нескончаемыми проблемами.

Монашеский постриг
в Сретенском монастыре

Владимирский собор Сретенского монастыря. Внутренний вид

— Как сегодня миряину строить свою христианскую жизнь? Большая часть аскетических книг написана очень трудным языком и предлагает обычно сугубо монашескую практику. К тому же традиция православного воспитания прервалась после 1917 года...

— Традиция православного воспитания прервалась задолго до 1917 года. Если бы она присутствовала в обществе, никакой бы революции не было. Поэтому сейчас мы должны читать аскетические книги, каким бы трудным языком они ни были бы написаны. Это образец и для монахов, и для мирян, это образец для христиан. Но ко всему нужно относиться трезво, и, если вы прочли «Лествицу», это совершенно не значит, что вы должны сразу буквально заточить себя в покаянную тюрьму, как описывается в этой книге. Все надо делать, как вы знаете, с рассуждением.

Если мы сейчас будем писать книги по аскетике отдельно для монахов, отдельно для продвинутых мирян, отдельно для непродвинутых мирян, это будет, по меньшей мере, смешно. Есть великие труды, написанные святыми. И нам нужно понимать тот уровень, на который

мы могли бы взойти, но, к сожалению, не восходим, и стремиться туда.

— Что такое, по-вашему, послушание для мирянина?

— В первую очередь это должно быть разумное послушание. В нашей семинарии, монастыре, сколько я помню, мы всегда говорили в ходе духовнических встреч, на занятиях по пастырскому богословию, что священнослужители сейчас призваны вместе с мирянами, которые к ним приходят, терпеливо искать волю Божию о каждом отдельном человеке. Пришел к тебе человек, знай: основная твоя задача — найти волю Божию о нем. Это самая главная цель, достижению которой предшествует многотрудный процесс. Надо вместе молиться, надо исповедоваться, надо внимательнейшим образом следить за всеми обстоятельствами жизни. И тогда воля Божия сама откроется в сердце человека и в обстоятельствах жизни. В данном случае послушание надо понимать не как «надо слушаться», а как «надо слушать». Слушать и священнику, и миряину голос Божий. Плохо, когда батюшка начинает приказывать: «Сделай так-то,

женись на той-то». Надо бежать от таких священнослужителей, иначе будет трагедия. Мы должны вслушиваться в волю Божию и идти за Господом — ничего нет важнее этого!

— К сожалению, в настоящее время на монашескую стезю многие люди встают из-за страха перед внешними проблемами, отсутствия любви, взаимопонимания... Как правильно сориентироваться в выборе своего жизненного пути — мирского или иноческого?

— Понятно, что внешние неудачи, страх перед жизнью не должны становиться причиной для выбора монашеского пути. Я в своей книге, над которой сейчас работаю, поместил рассказ о том, как мы, молодые послушники, забравшись на стену Псково-Печерского монастыря, вспоминали, когда же мы пришли в монастырь и как его выбрали? Был среди нас 24-летний художник — самый знаменитый в тогдашнем Ленинграде (сейчас он замечательный иконописец). Действие происходит в 1985 году, а в 1984-м у него с большим успехом прошла персональная выставка, которую иные ждут до шестидесяти лет. А у него в двадцати три, в общем, по светским меркам, полное счастье и ощущение того, что жизнь состоялась. Второй

герой закончил мехмат с отличием. Третий — сын священника, талантливый резчик, кровь с молоком, здоровый, жизнерадостный парнишка. Четвертым был я, который закончил ВГИК, считавшийся элитным институтом, работа меня ждала перспективная, никаких проблем в жизни не было — только безбрежное и счастливое будущее. Казалось бы. Но все мы на некоем пике нашей жизни, когда мир открывал перед нами потрясающие горизонты, решили пойти в монастырь. Мы выбрали совершенно другой путь, вступив на него радостно, хотя и не без страха.

...Святитель Игнатий (Брянчанинов) окончил инженерное училище в Санкт-Петербурге, был любимцем императора, был двадцатилетним офицером, входил в высшее общество, приятельствовал с Пушкиным. И вдруг он все бросает и уходит в монастырь. Позже святитель Игнатий напишет, что он страшно этого хотел, но кинулся в монастырь, как в реку холодную, так это было страшно, но в то же время и прекрасно, и желанно.

Причины выбора иноческой стези кроются, конечно, не в беспрозрачности мирской жизни.

Причины выбора монашества всегда бесконечно светлы и радостны. Надо дождаться, когда ты увидишь, почувствуешь, что монашество открывает перед тобой светлый, лучезарный горизонт. Ты его увидишь — и тебя уже ничто не остановит.

— Какой должна быть подготовка священника к служению литургии, если он несет недельную череду? Как часто он должен исповедоваться?

— Считаю, священнику надо исповедоваться перед каждой литургией. Если вы это возьмете себе за неукоснительное правило, вы навсегда сохраните в себе страх Божий. Исповедуйтесь перед каждой литургией, даже если вы служите ежедневно.

Можно подумать: «А в чем исповедоваться постоянно?» Поверьте, если человек заглянет в свою душу, ему откроется многое. Более всего берегите в себе страх Божий.

Если вы вдруг посчитали, что нам особо не в чем исповедоваться, самое лучшее, что может сделать человек, — подойти к стенке и как следует удариться об нее головой. Чтобы в следующий раз правильно мыслить.

— Батюшка, в каких случаях следует применять полноту канонических прещений для кающихся? Как строго нужно относиться к исповеди малоцерковных людей? Ведь, с одной стороны, священник не должен испугать и обидеть их, а с другой — недопустимо, чтобы Таинство превращалось в профанацию.

— Здесь нужно четко разграничивать две вещи. С одной стороны, милосердие, которое ждут от священника. Оно должно быть обязательно. А с другой стороны, нельзя впадать в попустительство. Нам дано право не только решить, но и вязать. Понятно, что со временем батюшка сам понимает, сам видит меру прещения. Нужно пытаться разумно и правильно увершевать людей, обязательно дать им объяснение. Я обычно говорю людям, мало знающим о дисциплине и Церкви вообще: «Знаешь, за совершенное тобою духовное преступление Церковь налагает наказание христианину в виде отлучения от причащения сроком (к примеру) на десять лет. Я тебя так наказать не могу, потому что ты просто сломаешься. И поэтому я вынужден брать все на себя. Вот тебе такая-то епитимия, но знай, что это замена, нам с тобой придется либо исправиться, либо отвечать за это на Страшном суде». И это не психотерапевтический прием.

В каждом случае нужно много размышлять, и прежде всего о том, что бы на вас повлияло: какие слова, какое наказание. Думайте. Это дело по-настоящему творческое.

Что касается жестких запретов, здесь надо быть предельно осторожными. Но если человек все время повторяет один и тот же грех, надо применять власть.

— Можно ли считать — хотя бы в определенной мере — практику совершения богослужений в Сретенском монастыре образцом и для приходских храмов?

— С учетом особенностей монастырского устава и богослужения в многолюдном городском монастыре — дерзну сказать, что да. Мне очень нравится практика совершения богослужений в нашей обители. Служба не длинная и не короткая, не бесконечно утомительная и не совсем уж легкая. Мы читаем одну кафизму, поскольку в монашеском правиле есть одна кафизма. Был бы наш монастырь в провинции, возможно, мы бы и три кафизмы читали и выслушивали длинный канон. Но у нас более динамичная жизнь, чем в отдаленных епархиях, — здесь ничего не поделаешь. Поэтому, я думаю, мы сумели найти хороший литургический ритм.

...Когда мы начинали воссоздавать монастырь, продумывать богослужебный распорядок, все наши прихожане читали неусыпаемую Псалтирь. Это очень хорошая, правильная практика. И она, несомненно, приемлема и для приходов.

Убежден, что приходская жизнь сама многое подскажет. Священнослужители увидят, сколько у них прихожан и что является для них нормой. Главное — нужно понимать, и духовенству, и верующим: люди идут в Церковь не для комфорта, а для подвига. Это важнее всего. Мы идем для внутреннего подвига перед Богом. Поэтому не надо бояться даже и утомить людей молитвой и службой. Но и не неволить, конечно. Здесь надо найти некий баланс.

В Сретенской обители за без малого двадцать лет сложилась богослужебная практика, своя уникальная традиция. Об этом, безусловно, свидетельствуют и число наших прихожан, и те отзывы, которые мы получаем, в том числе и через Интернет. Мы и семинаристов за пять лет приучаем к этому богослужебному ритму — для нас это важная задача.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский говорил: «Великое лицо – достойный священник, он друг Божий»

Иеромонах Иов (Гумеров)

Отец Иов, расскажите, пожалуйста, как вы стали священником?

— Священником я стал по послушанию. Сначала я был обычным прихожанином. Вся наша семья воцерковилась 17 апреля 1984 года. Хорошо помню: это был Великий Вторник. Потом я стал духовным чадом иерея Сергия Романова (сейчас он протоиерей). Он и возложил на меня послушание священнослужения.

Когда я крестился и стал православным христианином, передо мной открылся особый мир, в который я вошел с великой радостью и надеждой. Исполнение того, что мне говорил духовный отец, было для меня аксиомой. По прошествии пяти лет после начала моей жизни в Церкви отец Сергий однажды мне сказал: «Вам надо преподавать в Духовной академии». Это было для меня совершенно неожиданно. Преподавание в Духовной академии казалось настолько не похожим на мои тогдашние научные занятия, что даже мысль

об этом ни разу не приходила мне на ум. Сейчас я не сомневаюсь, что это соответствовало воле Божией, Его замыслу обо мне.

А потому все и устроилось без каких-либо препятствий. Я встретился с проректором Московской Духовной академии и семинарии — профессором Михаилом Степановичем Ивановым, который, предложил мне курс под названием «Христианство и культура». Он попросил написать программу. В назначенный день мы вместе с ним пришли к владыке Александру (Тимофееву) — тогдашнему ректору академии. Видимо, решение им уже было принято, поэтому беседа была недолгой. После нескольких вступительных фраз он взглянул на листочки, которые были у меня в руках, и спросил: «А что это у вас?» Я сказал: «Это программа курса». Он взял листы, положил палец на какую-то строчку и спросил, как я понимаю данный вопрос. Я сразу ответил, и это его удовлетворило. Вопросов больше у него не было. Повернувшись к Михаилу

Степановичу, с присущей ему энергичностью владыка сказал: «Готовьте на Совет». Так я стал преподавателем Духовной академии, никогда не стремясь к этому.

При владыке Александре было обязательное требование: преподаватели, пришедшие из светских институтов и не имевшие духовного образования, должны были экстерном окончить семинарию, а затем академию. Семинарию я закончил в мае 1990 года, а экзамены за академию сдал в следующем учебном году. Осенью 1991 года защитил диссертацию на степень кандидата богословия. С сентября 1990 года я стал преподавать в академии Священное Писание Ветхого Завета, а в семинарии — Основное богословие.

В конце мая 1990 года отец Сергий Романов сказал, что мне надо подавать прошение о рукоположении в диакона. Я вновь без всяких колебаний и сомнений ответил: «Хорошо». В ближайшее время после этого я встретил в коридоре архиепископа Александра и попросил принять меня. Он спросил: «По какому поводу?» — «По поводу рукоположения». Он назначил день. Когда я пришел, он сразу же без вступительных слов произнес: «В день Святой Троицы». Затем прибавил: «Приезжайте дня за три. Поживите в лавре. Помолитесь».

В сентябре начался второй год моего преподавания в академии. Отец Сергий говорит, что пора подавать прошение на священника. И я с той же готовностью согласился. Прошло некоторое время. И вот однажды (это было в субботу около полудня) мне позвонил проректор по воспитательной работе, архимандрит Венедикт (Князев). Он сказал: «Приезжайте сегодня на всенощное бдение, завтра вас уже рукополагают». Я сразу же собрался и поехал. В воскресенье, в неделю перед Воздвижением, между двумя великими праздниками (Рождества Пресвятой Богородицы и Воздвижения Креста Господня) — 23 сентября, меня рукоположили. Так я по послушанию стал священником. Я вижу в этом волю Божию. Своей я не прилагал.

— Как получилось, что вы пришли в Церковь из неправославной семьи? Ведь это тоже имело большое значение для вашего последующего пастырского служения.

— Я думаю, что самое большое влияние на меня оказала мама, которая крестилась

в старости, но по устроению души (любви-обилию, желанию жить со всеми в мире, отзывчивости ко всем) была всегда очень близка к христианству внутренне. Она не упускала ни одного случая сказать нам какое-нибудь ласковое слово. Это была ее потребность. Она никогда не ругала нас. Уже в старости рассказала мне, что ей это запретила ее мать, моя бабушка. Мы должны были уехать, поскольку папу часто переводили в разные города. Когда бабушка последний раз виделась со своей дочкой, она сказала: «Об одном прошу — не бей детей и не ругай. Если ударишь хоть раз даже по руке, мое материнское благословение отойдет от тебя». Но мама никогда и не сделала бы так: она на это была просто неспособна.

Мама моя родилась в 1915 году в Урде Астраханской губернии. Она рассказывала, что, когда она была отрокницей, ей приходилось регулярно водить в церковь одну старушку. Вероятно, это была соседка.

Родители мамы по нравственному складу не были типичными мусульманами, каких мы знаем из жизни и книг. Бабушка Зайнаб и дедушка Хасан даже (пусть и своеобразно) принимали участие в празднике Пасхи. У бабушки был ящичек с земелькой. В нем она заранее высевала траву и клала туда крашеные яйца. В день Пасхи они шли поздравлять своих православных знакомых. Ведь город, где они жили, был со смешанным населением.

Маме было семь лет, когда ей послано было особое испытание. И она оказалась способна на жертвенную любовь. Ее отец Хасан заболел. Кажется, это был тиф. Когда обнаружили у него признаки смертельной болезни, ему построили на огороде шалаш, чтобы он лежал там. Это была суровая, но необходимая мера, чтобы сохранить от болезни остальных членов семьи (у него было шесть детей). Так как за ним нужен был уход, то было решено, что моя мама будет жить в шалаше, кормить его и ухаживать за ним. Приносили и ставили в определенное место еду. Мама брала и кормила отца, стирала одежду, переодевала. Она была достаточно взрослой, чтобы понимать смертельную опасность болезни и сознавать, что ее ожидало. Однако она не отказалась от этого и не убежала, а проявила ту жертвенность, которая всегда ее отличала. Отец умер, а ее Господь Бог сохранил, хотя жили в одном шалаше и близко общались.

С того времени между нею и ее покойным отцом установилась особая связь, благодаря которой она несколько раз избежала смерти. В войну, когда мы с братом (он старше меня на два года) еще были совсем маленькими, в Челкаре, где мы жили, вспыхнула эпидемия тифа. Были устроены бараки для больных. К несчастью, у мамы в это время появилась какая-то болезнь. Поднялась температура. Участковый врач потребовала, чтобы она перешла в барак для больных. Мама отказалась. Сказала, что там она заразится и умрет, а ее малолетние дети не выживут. Так как мама решительно отказывалась, то участковый врач несколько раз предупреждала, что приведет милиционера. Но она все равно не соглашалась, и та сделала последнее предупреждение: «Если сегодня не ляжете, то завтра утром приду с милиционером». Ночью мама спать не могла. Она ожидала, что утром произойдет непоправимое. И вот, когда она находилась в самом тревожном состоянии, явился ее отец и сказал: «Иди на опытную станцию. Тебе поможет профессор...» Фамилию, к моему великому огорчению, я не запомнил. Явление было настолько значимым, что мама, несмотря на ночь (а идти надо было несколько километров), пошла. Это была Приаральская опытная станция Всесоюзного института растениеводства, которую организовал академик Николай Иванович Вавилов. Она находилась в песках Большие Барсучки в Челкарском районе. Там работало немало ссыльных специалистов. Мама нашла дом профессора, которого все в Челкаре знали. Работать по специальности врача он не мог, потому что был ссыльным. Однако к нему неофициально люди, конечно, обращались. Мама разбудила его. Он проявил доброту и внимание. Сразу же оценил ситуацию и на свой страх и риск поставил диагноз. Тифа он у мамы не нашел. Написанное им заключение не имело силы справки, но так все Господь устроил, что оно защитило маму. Когда утром пришли врач и милиционер, мама протянула бумагу от профессора. Участковый врач посмотрела и сказала: «Ладно, оставайтесь».

Мама мне неоднократно рассказывала эту удивительную историю, в которой так очевидно проявилось действие Божественного Промысла. Она говорила, что отец несколько раз являлся ей и подсказывал то или иное решение, когда над ней была угроза гибели.

Рассказанная мною история для кого-то покажется невероятной, и к ней можно отнести с недоверием. Но ведь «невероятным» нужно признать и то, что из всех шести детей Хасана одна моя мама стала христианкой — причащалась, соборовалась. Она дожила до рукоположения в диакона старшего внука Павла (сейчас он уже священник). Я послал ей фотографию, где он сфотографирован с нами в день хиротонии во дворе лавры. Потом, когда я разговаривал с ней по телефону, она сказала: «Солидно!» Сейчас два внука священника и сын священник постоянно поминают ее на литургии.

Кто-то может сказать, что она потому пришла к христианству, что православным священником стал ее сын. Это поверхностное объяснение. Его главный недостаток в том, что переставлены местами причина и следствие.

Несомненно, сам я пришел к христианству исключительно благодаря тому воспитанию, которое она мне дала. Ее нравственное влияние на меня было решающим.

— А что еще способствовало вашему приходу в христианство, которое произошло еще в советские годы?

— Русская и европейская культура. С детства мое образование и воспитание проходили в культуре, которая генетически связана с христианством: русская и западноевропейская литературная классика, живопись, история. Поэтому в годы зарождения моей религиозности передо мной не стояла проблема выбора. Для меня невозможна была никакая религия, кроме христианства. Помню, еще в конце 60-х годов я носил нательный крест. Не могу вспомнить, как он у меня оказался. Это был обычный церковный крест из светлого металла с изображением распятого Спасителя и надписью «Спаси и сохрани». Носил я его настолько долго, что изображение частично стерлось и стало едва заметным.

Когда я думаю о моем пути к христианству, то прихожу к мысли, которая для меня очевидна: к вере меня вел Господь Бог. Он не только действовал через маму, которую тоже с детства готовил к христианству, но и хранил меня.

Я был порой неудержимо активным. По этой причине несколько раз оказывался в лапах смерти. Но Господь сохранил меня. На всю жизнь запомнился такой случай. Недалеко от нас был трест «Зеленого строительства». Войти на его

Будущий отец Иов с семьей

территорию можно было через огромные металлические решетчатые ворота. Перед входом была глубокая лужа. В какой-то момент ворота почему-то были сняты с петель и прислонены к металлическим столбам. Я был в летней обуви. Пройти через лужу не мог. Тогда я решил воспользоваться одной из створок ворот. Я просовывал ножки между вертикальными прутьями и ставил их, как на ступени, на поперечный брус, которым были скреплены прутья. Я переставлял ноги и двигался боком — с одного края створки к другой. Поскольку я висел на ней, то под тяжестью моего тела она стала падать. Я упал спиной в глубокую лужу. А на меня упали тяжелые ворота. Они бы прибили меня, если бы не слой жижки, в которую я погрузился. Не захлебнулся я, потому что смог просунуть свое лицо между металлическими прутьями. Приподнять ворота и вылезти я не мог. Они были очень тяжелыми. Тогда я стал, держась за прутья, ползти на спине к верхнему краю ворот. Мне это удавалось до тех пор, пока голова не уперлась в верхний поперечный брус, который связывал, как и нижний, металлические прутья. Почему-то в это время

никого близко не было, чтобы помочь мне. Тогда произошло, как я думаю, чудо. Я своими маленькими ручками смог приподнять тяжеленную створку ворот и вылезти. Вся моя одежда до последней нитки была пропитана грязью. Мама меня тогда не ругала. Но удивлялась: «Где можно было так сильно испачкаться?» Чтобы ее не напугать случившимся, я эту историю рассказывать не стал.

Еще больше переживаний вызвал другой случай. Мы жили на территории радиоцентра (папа работал начальником радиосвязи аэропорта). Должны были поставить еще одну мачту. В то время использовались длинные куски рельсов, чтобы их закопать и зафиксировать оттяжки мачты. Я находился во дворе и увидел, что в ворота въезжает телега. Она везла рельсы. Я побежал навстречу и быстро вскочил на телегу, усевшись сверху рельсов. Лошадь с трудом везла груз. К месту установки мачты надо было проехать по дорожке между грядками. Вдруг одно колесо съехало с твердого грунта и оказалось на вскопанной земле. Груз вдавил его в рыхлую землю. У лошади не хватало сил

Служба в армии

тащить дальше телегу. Возница, который, в отличие от меня, шел рядом, стал хлестать ее кнутом. Бедное животное сделало рывок, но воз не сдвинулся с места. Тогда лошадь стала уходить в бок и повернула оглобли под прямым углом к телеге. Возница не успел сообразить и хлестнул лошадь. Она дернулась вперед. Все, кто ездил на телегах, знают: если во время езды оглобли повернутся под прямым углом, телега опрокинется. Так и произошло. Первым упал я, потом посыпались на землю рельсы. Я оказался под ними. Совсем не помню, как убирали рельсы. Я лежал в узкой, но достаточно глубокой ложбинке между грядками, а сверху попerek легли рельсы, не причинив мне никакого вреда.

Были и другие случаи, когда мне явно грозила опасность, но я оставался жив и даже не получалувечья. Сейчас я знаю, что это было чудо. Бог хранил меня. Тогда я мыслил, конечно, в иных категориях. Однако всякий раз у меня было смутное сознание, что произошло что-то

необычное, что кто-то меня спас. Уверен, что эти происшествия и благополучный их исход незаметно приготавляли меня к осознанной вере, которую я обрел через несколько десятилетий.

— **Насколько священнику необходимо знание культуры?**

— Если человек культурен, то ему легче понимать и общаться со всеми — как простыми, так и образованными людьми. Для священника это открывает более широкие возможности для миссионерства. Речь идет о внутренней миссии, так как наше общество — общество массового безверия. Культура дает возможность глубже и полнее понять величие христианства. Она открывает видение христианства в истории, его духовно-нравственную уникальность. На историческом материале можно видеть отличия жизни христиан от представителей нехристианских обществ (например, язычников).

— **Какие качества необходимы священнослужителю в первую очередь, без которых он немыслим совсем?**

— Очевидно, что важнейшими духовными качествами являются, как для священника, так и для любого христианина, вера и любовь. Однако известно, что ни одна добродетель не является автономной. Преподобный Макарий Великий говорит: «Все добродетели между собою связаны как звенья в духовной цепи, одна от другой зависят: молитва — от любви, любовь — от радости, радость — от кротости, кротость — от смирения, смирение — от служения, служение — от надежды, надежда — от веры, вера — от послушания, послушание — от простоты» («Духовные беседы», 40.1).

Поскольку мы решили все же аналитически выделить важнейшие духовно-нравственные качества, то назову еще одну добродетель — духовное мужество. Дело в том, что вера и любовь постоянно испытываются в жизни. И мужество не дает поколебаться. Святой апостол Павел призывает: «Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды» (1 Кор. 16,13).

Священник — соработник Богу, и когда человек принимает священство, он делает прямой вызов демоническим силам. При этом он может явно об этом и не задумываться. Человеку приходится преодолевать и внешние препятствия, и внутренние. То враг искушает и соблазняет сойти с этой стези, то обнаруживаются человеческие немощи, а иногда нужно иметь мужество, чтобы поступить по совести перед лицом трудностей и опасностей.

И еще прибавлю: священник должен быть абсолютно свободен от корыстолюбия. Если есть хоть малая кручинка, она может незаметно начать расти и пагубно себя проявить.

— **Если говорить о современной ситуации, что вас больше всего беспокоит в молодых священниках?**

— Больше всего беспокоит оторванность от церковно-священнической традиции. Это ощущается очень болезненно. До конца 80-х годов прошлого века храмов было немного. После рукоположения молодой священник приходил служить в храм, где были служители не только среднего возраста, но пожилые и даже очень старые. Они были хранителями опыта предшествующих поколений. Совместное служение с такими отцами бесценно. Я застал, когда был рукоположен в девяностом году, в храме Святителя Николая Чудотворца двух протоиереев — Дмитрия Акинфиева и Михаила Клочкива. Оба 1928 года рождения. Они имели огромный опыт священства. Отец Дмитрий прослужил 54 года. Он в совершенстве знал Богослужебный Устав. У него я многому научился.

Можно успешно учиться в семинарии и даже в академии, но отсутствие опыта поколений никакими знаниями восполнить не возможно. За последние двадцать лет число храмов в стране выросло в несколько раз. Например, в Подмосковье — в 10 раз. Это значит, что почти 90 процентов священников начали

Причащение мирян
в Сретенском монастыре

служение одни — во вновь открытых храмах. Они оказались реально оторванными от опыта предшествующих поколений и от традиции, не имеют возможности воспринять живой опыт многих поколений.

Хорошо вижу, как серьезно это сказывается на служении. Дело не только в отсутствии литургического опыта, но и пастырско-этического.

Другая причина многих болезненных явлений в современной церковной жизни заключается в том, что священнослужители — часть современного общества. В духовные школы юноши поступают не из какого-то особого племени. Их поставляет наше нравственно больное общество. В 18 лет человек имеет уже вполне сформировавшийся духовный облик. За пять лет учебы его нелегко перевоспитать. Многие выросли в нецерковных семьях, родители у некоторых до сих пор еще не воцерковлены. Многие к вере пришли в школе. Некоторым недостает обычного воспитания. Все это приводит к тому, что некоторые семинаристы очень легко подпадают под влияние духа

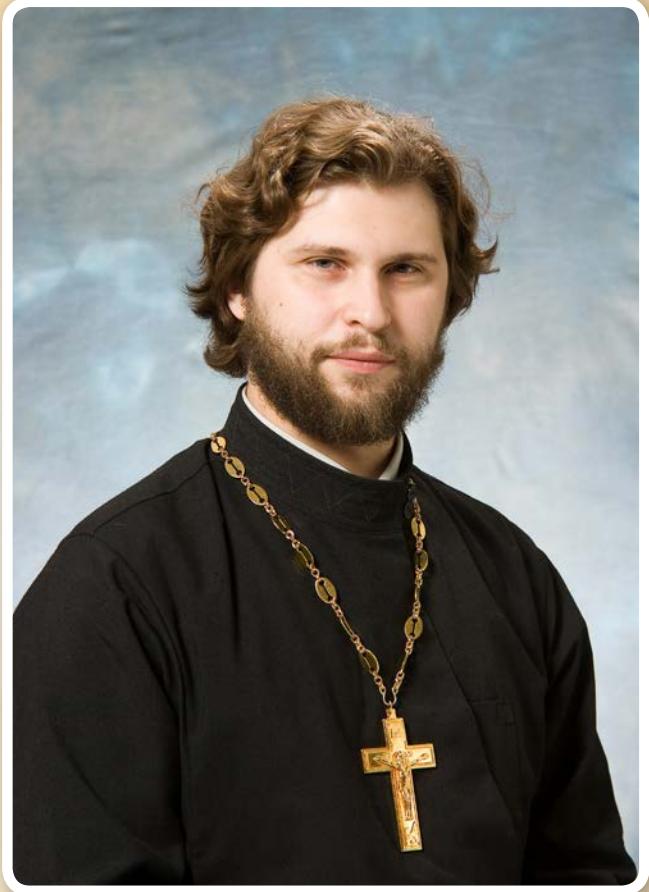
времени. Это сказывается и потом на их служении. Чаще всего это проявляется в стремлении соединять высокое служение Богу и людям со служением себе, не упуская возможности что-то приобрести, завести друзей среди состоятельных людей. Вот в этом мне видятся серьезные последствия разрушения традиций.

— Батюшка, что бы вы хотели пожелать выпускникам семинарии?

— Надо постоянно и напряженно работать над собой. Советую хорошо изучить жизнь и пастырский подвиг таких благодатных священников, как святые Иоанн Кронштадтский, Алексий Мечев, протоиерей Валентин Амфитеатров и др. Необходимо взять их служение за образец и упорно работать в течение всей жизни, чтобы приближаться к совершенству служению. Ни на минуту нельзя забывать о своем избранничестве: «Великое лицо — достойный священник, он друг Божий, поставленный исполнять волю Его» (святой праведный Иоанн Кронштадтский).

*Преподавание
дает ощущение,
что ты трудишься
в целом
для Церкви
и ее будущего*

Протоиерей Андрей Рахновский

Отец Андрей, какие события в вашей жизни стали поворотными и повлияли на то, что вы выбрали путь священства?

— Прежде всего расскажу, почему я поступил в семинарию. Вообще, я с десяти лет мечтал быть врачом и всю юность усердно готовился к поступлению в медицинский институт. Уже наметил даже куда и посещал курсы. Но и одновременно с этим в моей жизни происходила и совсем другая история. Я где-то в лет четырнадцать-пятнадцать стал посещать храм, крестился же в тринадцать лет. Со временем у меня появился духовник в Троице-Сергиевой лавре и начали зреть мысли по поводу семинарии. Потому что появилось желание служить Церкви. Я поначалу колебался, поскольку экзамены в семинарию в августе, а в медицинский — в июле. Я решил так: сдам экзамены в медицинский, а затем и в семинарию и, соответственно, туда и сюда поступлю. А когда я приехал к своему духовнику, он мне сказал: «Так не годится. Нельзя поступать

в семинарию по остаточному принципу, надо уже четко решить, куда ты идешь». В результате я не поехал на экзамены в медицинский, а отправился в духовную школу, в которую и поступил с первого раза. Может быть, это был если не самый первый, но очень важный момент в жизни. Я понял: есть в жизни какие-то моменты, когда надо делать решительный выбор, ведь на двух стульях не усидишь.

— Встречи с какими людьми формировали вас как священника? Кого из них вы можете вспомнить?

— Я скажу так. Несмотря на то, что многие ребята за годы обучения в семинарии приходили к некому скептицизму, какому-то разочарованию, к критическому анализу, я избежал этого, может, потому, что на мне не было розовых очков. Лично мне очень помогли сформироваться как священнослужителю именно семинария и все те люди, которых я там встретил: преподаватели-миряне, священники, со курсниками. То есть я не могу сказать, что какой-то один человек определил мой путь.

— Тогда расскажите, пожалуйста, как строились ваши отношения с духовником?

— Я могу некоторые интересные моменты рассказать. Он простой лаврский иеромонах. Подчеркну: никакого духовнического гнета и наставления я никогда не ощущал. Когда я только начинал к нему ездить, меня очень смущало, что в моем отношении он был мягок, советовал не строго поститься: «Как это так? Монах, и такие советы дает». Потом понял, ведь я тогда был еще неофит, и он увидел юношу, который на небо возносится, а значит, надо его схватить и сдернуть вниз. То есть нужно было человека притормаживать, чтобы неофитский задор не завел меня далеко. А когда человек уже прошел какой-то путь жизни в Церкви, появляется уже некоторое расслабление, и тут уже нужно, наоборот, человека в более строгие рамки ставить. Разумеется, в этом кроется мудрость. Мой духовник поначалу, отвечая на вопросы, которые меня волновали, как-то отшучивался, уходил в сторону, а то и вовсе молчал. А вот сейчас я понимаю: если бы он мне тогда сказал, как надо, я бы не смог сделать. То есть я потом до этого дошел и осознал: нужно делать именно так, и незачем было тогда вообще такой вопрос задавать. И вот этому я стараюсь у своего духовника учиться.

— А как часто вы ходили к своему духовнику, будучи семинаристом?

— До семинарии я ездил каждую неделю, а во время учебы бывал у него где-то раз в один-два месяца. Во многом это зависело от учебного и бытового ритма духовной школы. Не так просто было найти достаточное количество времени, зато сейчас я поддерживаю с батюшкой регулярные отношения.

— Решив учиться в духовных школах, не сожалели ли вы о том, что не получили светского образования?

— Не то, чтобы жалею, но я считаю, что человеку очень полезно до семинарии получить светское образование. Хотя сам я этого и не сделал. Просто человек, который уже прошел вуз и выдержал все искушения в светском учебном заведении, сохранил себя, он может потом и в семинарии учиться более спокойно, что ли. Но скажу еще раз: у каждого свой путь, мне трудно на чём-то настаивать, так как сам я этого не проходил.

— Считаете ли вы необходимым для будущего священнослужителя прохождение службы в армии?

— Здесь тоже не могу ничего определенного говорить, ведь сам я в армии не служил. Думаю, служба в армии — это нормально. Но только тогда, когда человека учат быть солдатом, а не издеваются над ним, не унижают. А сложности есть везде. И воинская служба — не исключение. Я хочу, чтобы мой сын служил в армии, но при этом я все усилия приложу, чтобы он попал в ту часть, где его будут учить быть солдатом и настоящим мужчиной.

— А вы знаете такие части?..

— У нас просто есть знакомые военные и есть возможность попасть в части, где действительно будут человека учить служить, защищать Родину, а не заставлять дачу строить генералу.

— Как священнику совместить научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность с полноценной семейной жизнью?

— Это во многом зависит от человека. Но я считаю: все это совмещать возможно. Не хочу сказать, что у меня это здорово получается, поскольку из всего вышеперечисленного у меня есть только приходское служение, семейная жизнь и преподавательская работа. А вот на научно-исследовательскую деятельность времени уже не хватает.

— А у тех священнослужителей, с которыми вам доводится соприкасаться, это получается?

— С кем я общаюсь, все пытаются это совмещать в той или иной мере. Наверное, нужно какое-то одно направление выбирать, но многое, повторюсь, зависит от человека. Я бы не смог так. Ведь семейная жизнь — это вообще основа, и без нормальной семейной жизни, без внимания в семье все остальное будет рушиться. Недаром один из священных канонов предписывает, что в священники можно поставить только тех, у кого в семье верующие даже дети. То есть непросто же так это установлено: в Церкви всегда хотели, чтобы сначала была нормально построена семья. И только потом человек (если, конечно, не монах) может принимать священный сан. Это очень важный фактор. Для меня лично совершенно немыслимо заниматься только преподаванием без приходской жизни. Потому что приходская жизнь — самое существенное в Церкви, это то, что сообщает Церкви силу. Без христианской общины с ее живыми, динамичными взаимоотношениями нельзя. Но и не мог бы я заниматься приходским служением без преподавания, поскольку

последнее дает ощущение, что ты трудишься не только для своего прихода, но и в целом для Церкви и ее будущего.

— Как, на ваш взгляд, в семинарии должно распределяться время на учебу и послушания? Что является приоритетным?

— Я являюсь сторонником того, чтобы в семинарии занимались исключительно учебой. Но какие-то минимальные послушания могут быть, чтобы не заржаветь, скажем, так. Свое мнение я никому не навязываю, знаю, здесь есть разные точки зрения. Но я считаю, что нужно все усилия употреблять на учебу.

— Отец Андрей, а какие послушания несли вы, обучаясь в семинарии?

— Сначала я был просто в рабочей группе, потом пел в хоре, а потом был иподиаконом. А потому единственными полезными и необходимыми поручениями для семинаристов я считаю богослужебные послушания: алтарничество, иподиаконство, пение. Но и они не должны отвлекать от учебы. Она приоритетна, ведь ради нее мы и поступаем в учебное заведение.

— Как известно, многие семинарии располагаются в стенах монастыря: Московская, Сретенская... И это, без сомнения, накладывает отпечаток на характер послушаний учащихся. А если духовно-учебные заведения находятся вне обителей?..

— Что касается богослужебных послушаний, то ничего не меняется. В любом случае при семинарии есть свой храм, и студенты должны там нести послушание. Понимаете, ведь соседство не со всяким монастырем благотворно, к сожалению. Если монастырь правильно устроен, то для семинаристов это прекрасная возможность частого участия в службах, накопления опыта, приобщения к традициям. В этом смысле Московскую и Сретенскую семинарии я считаю образцовыми. Вообще, когда меня спрашивают, в какие семинарии лучше всего поступать, я сразу отвечаю: или Сретенская, или Московская. Недавно, кстати, ко мне один молодой человек подошел, ему двадцать пять лет, и он уже закончил высшее учебное заведение, сейчас работает в судебной системе, наш прихожанин: «Отец Андрей, я понимаю, что это все не то, мне хочется служить именно Церкви». У него есть желание поступать в семинарию, и я ему порекомендовал Московскую либо Сретенскую. Он пока, конечно, думает...

Купол Владимирского собора Сретенского монастыря

— Почему, по-вашему, у одних семинария рождает скепсис, а у других — формирует стержень, который позволяет им стать истинными священниками?

— Трудно сказать, это, наверное, зависит от того, какие трудности возникают в семинарии — впрочем, как и в любом другом сообществе, и насколько они способны внутренне человека поколебать: вплоть до того, что он теряет веру в людей, честность, правду, искреннее благочестие. То есть может произойти некоторый надлом ввиду жизненных испытаний и внутренних искушений. Понимаете, тут две крайности бывают. Первая связана с розовыми очками, когда человек не видит людей в их истинном свете и не желает их принимать такими, какие они есть, имея о них слишком возвышенные представления. Конечно, такое мировоззрение рано или поздно рушится, потому что люди несовершены. А бывает другая крайность — скепсис и цинизм. «Всяк человек лож» — но не в библейском смысле, а в мирском, озлобленном. В общем, трудно сказать,

почему одни люди ломаются, а другие, наоборот, крепнут и вырастают. Эта способность во многом объясняется какими-то событиями. И, безусловно, здесь очень важна помошь духовника, который может наставить, разумить, поддержать, сообщить трезвый взгляд на вещи. Во всяком случае, я без серьезных проблем прошел семинарию благодаря своему духовнику и помощи Божией. То есть своей заслуги не вижу никакой.

В сложных случаях я приходил к духовнику, и он мне помогал, объяснял, что все мы люди и у всех есть немощи. И все каются, а мы не видим их покаяния. Да, он согрешил, но, может, он сразу же покаялся, и сам ведь ты тоже грешишь. С помощью духовника преодолевалось многое, что могло поколебать и внушить скептическое отношение к действительности. Самыми тяжелыми в семинарии, безусловно, являются первые полгода — сложная интеграция в новую обстановку. Потом все меняется в лучшую сторону — становится спокойнее.

— Почему вы выбрали стезю священнослужения?

— Я с самого начала своего воцерковления был на это настроен. Был твердо убежден: «Если ты хочешь служить Церкви, должен быть священником».

— Можно ли накапливать пастырский опыт, обучаясь в семинарии?

— Это проблема, поскольку в семинарии дают в основном теоретические знания. И пока ты пастырем не станешь, опыт не появится. Многие вещи, даже при очень детальном обсуждении и рассмотрении, непонятны, пока человек не стал священником. Но все же вопросы пастырской деятельности нужно активно обсуждать на занятиях по пастырскому богословию, аскетике и др. Причем студенты высказывают пожелание, чтобы предмет «Пастырское богословие» велся на пятом курсе, чтобы начальные знания оставались актуальными как можно дольше. А еще: я сейчас у пятикурсников веду русскую патрологию, и, знаете, мы обсуждаем пастырские вопросы. Поскольку

Занятие в Сретенской семинарии

многие стали священниками и непосредственно столкнулись с этим, и требуется разрешение многих проблем. То есть все надо обсуждать, даже если это голая теория — все равно по ее поводу стоит размышлять. Ведь потом, в соответствующих ситуациях, когда уже будешь непосредственно пастырем, тебе это все равно поможет. Не могу не сказать и о такой проблеме, как отсутствие у нас в Церкви системы вхождения молодого пастыря в приходскую жизнь. То есть его рукоположили, отслужил он сорокоуст — и на приход. Он там сразу начинает исповедовать, крестить и отпевать. Но мне, кажется, молодому священнику нужно в приходскую жизнь входить постепенно. Не стоит сразу привлекать к исповеди, а сначала готовить его к этому под руководством опытного пастыря — настоятеля, к примеру. Вот когда я рукоположился в иерея, владыка Арсений мне не разрешил исповедовать взрослых. И настоятелю сказал, чтобы я исповедовал только детей. Ведь нужно понимать: «Тебя хиротонисали в священника, и это тебе дает власть совершать церковные Таинства. А пастырский опыт, духовничество — то, что приходит с годами и в рукоположении тебе это не дается, это уже личный опыт». Необходимо как можно больше прислушиваться к советам опытных священнослужителей, духовников. Слава Богу, что у нас в Москве очень хорошие епархиальные духовники: протоиерей Георгий Бреев и протоиерей Николай Важнов, с которыми всегда можно посоветоваться. И этим нельзя пренебрегать. Можно и к епископам обращаться с определенными вопросами. Не стоит во всем полагаться на свое суждение, особенно в сложных случаях, при епитимиях или отлучениях. Иначе говоря, нужна целая система вхождения пастыря в приходскую жизнь. Сейчас, кроме сорокоуста, ничего нет, к сожалению.

— Если посмотреть назад, что вам дала семинария?

— Я отвечу на ваш вопрос как бы с другой стороны. Когда я поступил в семинарию, мне духовник сказал: «Ни с кем и ни в коем случае не пей алкоголь в семинарии». Я этого совета твердо держался, и всегда получалось так: ребята собираются, что-то там у них происходит. Я отказываюсь, на меня обзываются, и потом обязательно это событие имеет какие-то последствия. Инспекция узнавала, ребят

вызывали для объяснений, наказывали. А я, наверное, благодаря этому совету за все время обучения в семинарии не написал ни одной объяснительной. Если говорить о формировании каких-то принципов, то этого не было, ведь у нас есть единые христианские принципы, которых мы все стараемся придерживаться. Конечно, в семинарские годы я проходил через пробы и ошибки, какое-то смятение, а иногда и непонимание — в силу юного возраста.

— А теперь обратимся к такой составляющей части вашей деятельности, как преподавание. Вы сейчас разрабатываете пособие по Священному Писанию Нового Завета. Как оно строится, каково его содержание? Что оно будет представлять из себя? И вообще, как вы представляете место преподаваемого вами предмета в Болонской системе, которая стала краеугольным камнем современной реформы духовного образования?

— Насколько мне известно, будет увеличиваться время на самостоятельную работу студентов. А значит, должны сокращаться аудиторные часы — часы общения с преподавателями. Несомненно, ребята должны научиться самостоятельно работать, писать, изучать, размышлять, читать разные источники. Но все-таки общение с преподавателем трудно переоценить. И еще: Болонская система создавалась для определенной ситуации. И будет не совсем хорошо, если мы будем применять ее не творчески. Из нее надо брать то, что нам действительно подходит. Что касается моего пособия, то я пока конкретно не ориентирую его на определенное количество часов. Просто я пишу такую книгу, какую мне самому бы захотелось прочитать и по какой бы я сам изучал Священное Писание. Но по окончании работы, конечно, буду что-то дорабатывать — в зависимости от конкретных программных рамок.

— Какой предмет, на ваш взгляд, является наиболее важным в учебной программе семинарии?

— Конечно же, это Священное Писание, все богословие и святоотеческое наследие, ведь оно вырастает из Священного Писания, являясь его комментариями. То есть святоотеческое наследие — это именно созерцание священных книг. Но студент духовной школы должен быть всесторонне образован. Поэтому, насколько возможно, нужно включать предметы, которые бы расширяли кругозор, мировоззрение семинаристов.

— А теперь о вашем приходском служении. Из чего складывается жизнь прихода, где вы служите? На чем она базируется?

— Прежде всего жизнь любого прихода должна складываться вокруг богослужения, во главе которого находится Евхаристия. А еще обязательна социальная деятельность — служение милосердия. Приходская община без горячей молитвы и деятельного благочестия не будет здоровой, да и общиной не будет. Если мы замкнемся только на молитве и внешнем благочестии без милосердия, духовная жизнь будет однобокой и мы воспитаем духовных эгоистов. Но и оскудение молитвы — даже в пользу социальной деятельности, не даст благодати, не выработает правильного отношения к христианству. А еще: в общине люди должны знать друг друга, помогать друг другу и совместно решать какие-то вопросы. И мне бы очень хотелось, чтобы приход, где я служу, постепенно пришел именно к такому состоянию. Я считаю, что мы на пути к этому.

— В чем ваше личное участие в приходской жизни?

— Разумеется, как любой священник, я служу, совершаю Таинства, оглашаю перед Крещением. То есть мы не сразу крестим, сначала люди знакомятся со священником, он их готовит к Таинству. Но в этом нет жесткой системы — все очень гибко и многое от самих людей зависит, от их жизненной ситуации. Еще я курирую деятельность группы милосердия: мы ухаживаем за больными в больнице, причем ежедневно. Я как священник им помогаю и вдохновляю, и они в свою очередь меня вдохновляют.

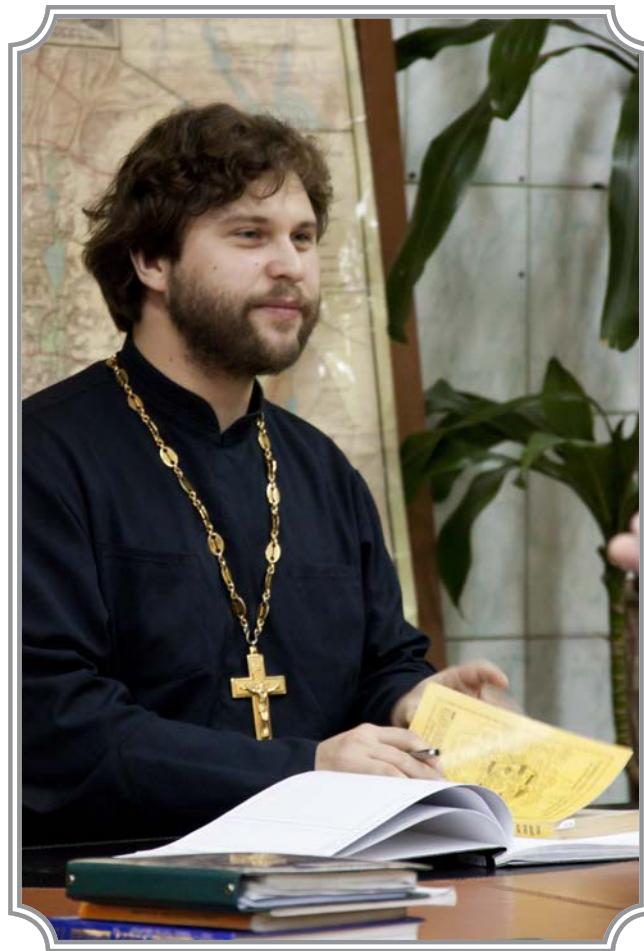
— А как вы создали эту группу милосердия?

— Просто обратился к прихожанам: «Дорогие братья и сестры, настоящая христианская жизнь невозможна без деятельного милосердия. Давайте организуемся и будем помогать нашей больнице № 20, нашим больным, которые лежат в своих нечистотах и зачастую вообще беспризорные». Наше дело важно и с миссионерской точки зрения, так как по желанию к пациентам может прийти священник. Еще служу в тюрьме, в Матросской Тишине, с несколькими священниками из нашего благочиния. Занимаюсь также молодежной работой на приходе, мы собираемся регулярно — каждую неделю проводим вечера общения, обсуждаем что-то, изучаем

Священное Писание, в детский дом ездим, для больных людей на дорогостоящие операции собираем деньги, проводим благотворительные ярмарки.

— В продолжение ваших размышлений такой вопрос: сейчас в Церкви очень остро стоит проблема того, как направлять только что крестившихся людей. Что, по-вашему, нужно делать в этом направлении? Эффективны ли катехизаторские беседы на приходах?

— Катехизаторские беседы организовывать обязательно нужно, но они не всегда имеют желаемый эффект и полностью на них полагаться нельзя. Приведу такой пример. Вы организуете у себя на приходе огласительные беседы, и к вам приходят люди, слушают, воспринимают, крестятся... и после Крещения в храм не ходят. Поэтому, помимо организации огласительных бесед, нужно подумать над тем, как ввести новокрещеного в богослужебно-литургическую жизнь. То есть прежде всего нужно не оглашение, нужно, чтобы люди, которые захотели крестить ребенка или сами захотели креститься, подружились со священником, который не должен сразу что-то требовать. Для начала необходимо просто познакомиться с человеком. Не надо говорить, что мы вас сейчас будем готовить, а надо сказать: «Мы сначала в храме знакомимся, надо настроиться и подготовиться к Крещению. Давайте вместе подумаем, как мы это сделаем». Иными словами, должен завязаться личный контакт. Потому что если ты просто провел огласительную беседу, это, конечно, хорошо, но ты все равно для людей — посторонний. Нельзя полагаться на их одобрительные кивки — здесь нужен именно контакт, обязательно надо несколько раз до Крещения встретиться, побеседовать, объяснить заповеди, Символ веры, «Отче наш». Следует направить человека, чтобы он начал читать Священное Писание. А самое важное — нужно сломать стереотип: «Вот я крещусь и буду ходить в церковь». Наоборот: «Ты сначала ходи в церковь, а потом уже будешь креститься». И община, приход должна быть готова принять таких людей. У прихожан должна быть дисциплина, любовь и тактичность, вы ведь знаете, как иногда могут у нас на место поставить, скажем так. Здесь требуется индивидуальный и очень гибкий подход, так как у людей разные ситуации. Допустим,

приходит ко мне парень, желает креститься, а самому в армию скоро. Поэтому я провожу с ним беседы, что называется, по укороченной программе. Хотя я сам сторонник оглашения длительного. Но с ним мы посидели, поговорили, я его исповедовал, он, слава Богу, живет целомудренно. Мне как-то на душе спокойно, я крестил его достаточно быстро, ведь он в армию идет, а что там будет?.. А с иными нужно разговаривать долго, по много раз. Так или иначе, мы должны помнить: нам нужны живые члены христианской Церкви, которые будут служить ей в меру своих сил и веры.

— С какими трудностями сталкивается молодой священник на приходе? Не могли бы вы рассказать случаи из своей пастырской практики?

— Трудности бывают двух видов — внешние и внутренние. Самые главные, конечно, вторые. Это недостаток опыта, ригоризм, очень строгое отношение к себе и другим. Оно должно быть, но там, где приносит пользу. Разумеется, есть какие-то случаи, где мы не можем смягчать, например, если человек живет

в блуде, мы не можем допустить его до Причастия. Но есть вещи, где можно снисходить. У молодого священника из-за недостатка опыта не всегда есть возможность предвидеть, как может развиваться та или иная ситуация. Поэтому возникают разные неловкие положения. Очень трудно научиться общаться с людьми — не просто, а как священнику? При этом учитывать: с одной стороны, у людей есть благие намерения и желания жить по-христиански, но, с другой стороны, действует грех, страсти. И как возрастить доброе и не обратить страсти на себя?.. Как сделать, чтобы тебя не слишком почитали, но и не относились с ненавистью. Что уж говорить, лучше почитайте «Шесть слов о священстве» Иоанна Златоуста или «Третье слово о священстве» Григория Богослова, где они описывают все трудности пастырской жизни, а ведь ничего с тех пор и не изменилось. Так же нужно научиться понимать людей, правильно общаться с ними, адекватно применять к людям то, что ты изучал на семинарских занятиях. С людьми ведь очень трудно. Нельзя не учитывать и пастырское тщеславие, гордыню, непонимание. Поэтому я в очередной раз говорю: во всех ситуациях важны духовное руководство, опытный пастырь. Повторю также и то, что вводить священника в приходскую жизнь нужно постепенно. Касательно случаев из моей пастырской практики скажу так: самые сложные ситуации возникают тогда, когда человеку нужна помощь, а у тебя нет возможности помочь ничем, кроме молитвы. И возникает ощущение бессилия — его непросто перебороть.

— Можно ли научить пастырскому общению воспитанников семинарии?

— Конечно, это дар, не всякий может общаться с людьми — в силу застенчивости, например. Поэтому мне кажется, что каждый семинарист должен принять для себя решение. Не надо преследовать много целей: «Я приду на приход священником и разверну там кипучую деятельность». Нужно начать просто с основ. Для начала будь благоговейным совершителем Таинств, руководствуясь самыми общими соображениями, не вникай в какие-то тонкости, в сложную духовническую практику и т. п. То есть важно смирение — оно помогает. И человек должен ему научиться в семинарии — не надо претендовать сразу на многое. Как отец Киприан (Керн)

Здание Сретенской семинарии

говорил: как в батюшки рукоположат, так сразу начинает кронштадтить. А надо чтобы не кронштадтило, до всего потом священник дойдет и все приобретет, накопит пастырский опыт, если сначала не будет на многое претендовать, просто будет делать правильно то немногое, что священник и должен делать, причем без претензий. Если это семинарист поймет, ему, уверен, будет легче делать первые шаги в приходской жизни. Конечно, я советую студентам больше общаться с людьми, научиться их понимать, читать художественную литературу, которая дает понимание человеческой души — пусть и идеализированное. Очень важны, хотя и сложны, контакты с нецерковными людьми. И было бы очень полезно устраивать встречи семинаристов со светскими студентами. Это хороший повод для общения с самыми разными людьми.

— Вот вы упомянули о художественной литературе. Что вы можете посоветовать почитать воспитанникам семинарии?

— Понимаете, я тут скажу то, что сказал бы каждый человек. У нас богатейшая русская

литература, в которой значимы все имена. Я не могу сказать, что их произведения дадут семинаристам все, ведь наши классики жили в другое время. Но литература помогает воспитать живое чувство понимания. Если ты учишься понимать книгу и научился понимать книги, ты можешь научиться понимать и людей. Ведь польза книги не в том, что она тебе расскажет, как общаться с разными типами людей, а воспитает в тебе способность искать ключ к пониманию человека. То же можно сказать и об учебе: главное — не количество знаний, а навык для их приобретения. Я вот очень люблю Лескова (не все, конечно, произведения — у него многое зависит от настроения, от перестройки мировоззрения). Но он неизменно дает очень правдивые образы церковных людей, наших подвижников. Он показывает их людьми, но святыми. Очень реалистично. Например, «На краю света» — удивительное произведение. Если говорить о зарубежной литературе, есть удивительный роман, который стоит прочитать каждому священнику: «Сила и слава» Грэма Грина. Главный герой там, скажем так,

не пример для подражания. Но это книга о поступках, она дает понимание, что такое духовный путь и подвижничество и как все непросто бывает.

— Чем, на ваш взгляд, обусловлены перемены, которые происходят со священнослужителями в разные периоды их пастырской деятельности?

— Мне кажется, что духовный путь священника ничем внутренне не отличается от такого же пути любого христианина. Он просто осложнен тем, что ему приходится внимать не только себе, но еще и всему стаду. И здесь возникает целый ряд сложностей, о которых отчасти мы уже говорили. Так, бывает, что священнослужитель привыкает к благодати. Это ведь происходит и у других: наступает в жизни момент, когда все приедается. Когда он все уже знает, все как бы обычно, на обыденном, автоматическом уровне. И в этот момент священник должен поймать и как-то разбудить себя. Я вот недавно поймал себя на подобной мысли — что-то на меня нашло. На всеоощущенной встал у престола и думаю: «Что-то ноги устали, надо сесть». И тут меня прямо пронзило: «Почему я стремлюсь уйти от престола? Ведь для священника это должно быть самое сладостное состояние, а я все пытаюсь отойти, или присесть, или с диаконом поговорить?..» В этой ситуации меня разбудили дневники Иоанна Кронштадтского — они мне очень помогли, буквально перевернули — да так, что я сейчас их читаю перед каждой службой. Просто откроешь страницу, и совершенно все по-другому становится, настолько он удивительная личность. То, что там написано, я вроде понимал и знал теоретически, но его дневники сообщили какую-то жизнь всему этому. То есть если человек себя разбудит в сложный момент и что-то с ним произойдет, его ждут благие изменения. А если застринет, не вскользнется, то может потихоньку скатиться вниз.

— Как часто вы советуете причащаться своим духовным чадам?

— Опять-таки все зависит от самого духовного чада. Но вообще я считаю, что еженедельное причащение для благочестивой жизни — это норма. Но не всякий человек на это способен, здесь нужны внутренние силы. Поэтому одно дело — некие идеалы, а другое дело — путь к ним, одно дело — стратегия, а другое — тактика. Люди, которые приходят на исповедь раз

в год, слышат от меня: «Вы хотя бы приходите каждый пост на исповедь и причащение». А если человек только постом приходит, я ему говорю, «Приходите каждый месяц»... Понимаете, это приблизительная схема, в которую нужно входить потихоньку, и обязательно добиваться, чтобы человек сам старался.

— А теперь, если позволите, вопросы о вашей семье. Молитесь ли вы вместе со своей семьей или у вас есть свое отдельное правило?

— В основном мы вместе молимся, у нас есть несколько сокращенное домашнее правило, так как наши дети — маленькие. Кроме того, не всегда силы остаются после службы, поэтому лучше я небольшое правило прочитаю с детьми и с женой, чем у нас будет раздельная молитва. Это очень важный, момент, и мне кажется, священник должен обязательно — во что бы то ни стало, выкраивать время для семьи.

— На каких принципах вы строите отношения в семье?

— Принципы — христианские, они не меняются, а самая главная основа — любовь. Хотя, понятно, много бывает моментов, когда данный принцип подвергается в семье испытанию на прочность.

— Как часто ваша семья посещает храм?

— Как и все православные, мои домочадцы непременно раз в неделю приходят.

— Что для вас значит воспитание детей? В какое русло вы их направляете?

— Я стараюсь их направлять во все — правильные — стороны. За учебой мы следим очень строго, спорт я считаю обязательным занятием. Я не то что заставляю своих детей — они это сами любят, но я все же слежу, чтобы они росли крепкими и здоровыми. Сын у меня дзюдо занимается, дочка — спортивной гимнастикой, оба плавают. Для меня самое главное, что у детей не теряется интерес к спорту. И, конечно, мы несколько раз в неделю садимся вечером и читаем обычно Закон Божий — понемногу, глава или полглавы, обязательно читаем Евангелие. А потом они говорят: «Папа, а теперь вопросы». Они любят, чтобы я после чтения задавал вопросы. Для младших вопросы полегче — вспомнить, что было в тексте, а старшим я предлагаю поразмышлять. То есть родители должны воспитывать детей всесторонне: сопровождать их в учебе, занятиях спортом и,

конечно, в духовной жизни... Моему сыну уже тринадцать лет и живой интерес к вере у него, слава Богу, не угасает. Конечно, не всегда все будет получаться, так как жизнь вносит свои корректизы, у каждого ребенка сформирует свой характер. Но веру терять нельзя!

— Ваш сын сейчас переживает переходный возраст, когда многие подростки по разным причинам уходят из Церкви...

— Да, общая тенденция такова. Я за годы своего священства убедился, что это происходит именно тогда, когда родители дают своим детям духовное воспитание, на нервах, если так можно выразиться. Это когда не гибко, а жестко, когда у взрослых не хватает такта и понимания, когда вокруг веры создается некий конфликт. И дети рано или поздно уходят из Церкви, хотя многие потом возвращаются благодаря основам, которые были в детстве, а кто-то, к несчастью, удаляется на всегда. Воспитывать надо с пониманием и любовью, ребенку нужно давать свободу — и тогда вряд ли будет такое отторжение. У всех бывают периоды охлаждения, но чтобы человек ушел из Церкви, нельзя до этого доводить.

— С какими проблемами может столкнуться семинарист в своем желании создать семью?

— В первую очередь есть канонические требования: жена будущего священнослужителя должна быть девицей. А сейчас мало кто хранит целомудрие. Поэтому бывает так: семинарист полюбил девушку, но она не разделяет его аскетично-христианских воззрений, и им приходится расставаться. Поэтому нужно найти себе такую спутницу жизни, которая разделяла бы твои христианские взгляды, которая была бы целомудренна и добра. Конечно, возникают и денежные проблемы: не все же настоящими становятся и на богатый приход попадают. Не знаю, что еще и сказать. Прочитайте лучше «Записки попадьи» Юлии Сысоевой — там все ярко описано.

— А как понять, сможет ли предполагаемая избранница сопровождать мужа на поприще его священнослужения?

— Это надо обсуждать обязательно заранее, и здесь нужна полная искренность и взаимопонимание.

— Батюшка, как вы встретили свою будущую супругу?

— Мы были с ней сначала просто знакомыми — два года. А потом наступил такой момент,

в конце мая, когда мы стали встречаться, пятого августа обручились, двадцать пятого сентября венчались. То есть прошло меньше полгода, но я не пожалел о своем выборе. Мне мою жену Господь послал. Я считаю, что у меня матушка — вообще пример всем матушкам.

— Есть ли у вас время на саморазмышления, на внутренний анализ?

— Скажу вновь: все нужно делать одновременно и воспринимать целостно. Я считаю, что преподавание, приходское служение — это тоже часть внутренней духовной жизни. Да, ее главные части — молитва и богослужение. Но ведь преподаю я Священное Писание, а это богомыслие, своего рода молитва. Духовная жизнь как борьба со страстями должна параллельно всему сопутствовать. Понятно, что нельзя рассчитывать: «Вот у меня с двух до четырех — духовная жизнь, а с часу до двух — преподавание». Все нужно уметь увязывать. Вот, кстати, отец Иоанн Кронштадтский прекрасно умел делать это, о чем свидетельствуют его дневники. Он был погружен в кипучую деятельность, но и одновременно он вел напряженную духовную жизнь. И нужно учиться этому, ведь духовная жизнь все пронизывает, это то, что дает смысл всей остальной деятельности.

— Остается ли у вас время просто побывать с самим собой?

— Я стараюсь такое время оставлять обязательно. Наши святые тоже принимали людей, а потом удалялись для уединения. А что уж говорить о простом священнике — процесс самовосстановления необходим.

— В чем для вас заключается радость священнического служения, ведь сама христианская жизнь является мученичеством и свидетельством Христа миру?

— Насколько я усвоил из творений святых отцов, они говорили: священник — прежде всего христианин, и он должен желать спасения. Но, принимая иерейский сан, мы должны понимать, что это отягощение — как крест. Не в смысле обуза, но то, что все равно будет создавать сложности. Однако в этих трудностях Господь бесконечно утешает, и самое большое утешение — это служение литургии. Еще один светлый момент — когда человек кается, освобождается от грехов, как правило, тяжелых. Меня в свое время поразили слова

Иоанна Златоуста: нельзя держаться за священный сан. Потому что разные обстоятельства бывают в жизни: кто-то переступает через свою совесть — лишь бы сохранить служение. Как у нас, например, было в двадцатые годы двадцатого века: если человек принял обновленчество, значит, дальше служит, нет — обрекает себя на запрет.

— Отец Андрей, каковы ваши пожелания семинаристам?

— Очень хочется, чтобы наши семинаристы себя ощущали как некое братство. И не только в семинарии, но и после нее. Чтобы они как-то друг друга держались, даже на расстоянии помогали. Очень важно поддерживать живые связи друг с другом. Потому что все-таки человек, который учился в семинарии,

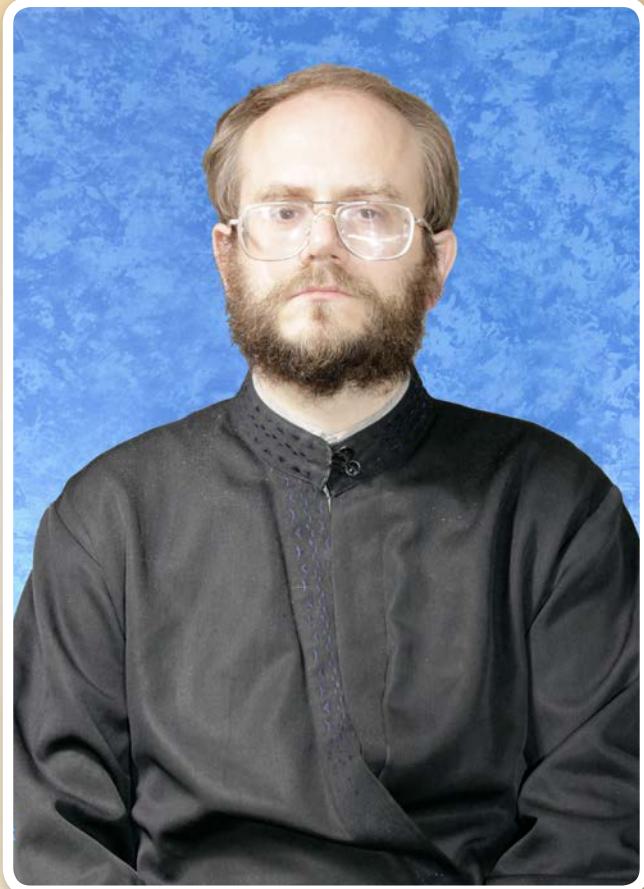
несмотря ни на что, прошел определенный искусств. Я в этом убежден, хотя у меня, разумеется, нет никакого пренебрежения к тем, кто семинаристом не был.

— Если ли у вас жизненное кредо?

— Разумеется, это евангельские принципы. И вообще, кредо — от латинского «верую». Скорее, я не пытаюсь формулировать девиз — я хочу понять, чего хочет от меня Господь. Ведь можно заниматься пастырской деятельностью и как бы создать вокруг себя виртуальную реальность. Можно думать, что служишь Богу всю жизнь, а на самом деле — своим представлениям. То есть вот как оно по-настоящему, в действительности, как тебя Господь оценивает и чего он от тебя хочет. Это очень важно понять и почувствовать!

*Слово Божие
присутствует
и в святых церковных
Таинствах,
и в духовных,
христоносных людях*

Диакон Владимир Василик

*В*ере меня воспитывали с детства. Низкий поклон за это моей маме, Галине Георгиевне, врачу с 50-летним стажем работы, которая трудится до сих пор, и уже покойной бабушке — Тамаре Васильевне Бакановой.

Свои первые уроки веры и благочестия я получал также от членов Александро-Невского братства, прежде всего от ныне здравствующего доктора математических наук Сергея Андреевича Зегжды, который до сих пор трудится в Санкт-Петербургском университете, а в свободное время много делает для канонизации новомучеников и исповедников российских.

Нельзя не вспомнить замечательного писателя, иконописца, художника, с которым Бог судил мне встретиться на заре юности, — Серафима Ильича Четверухина.

Кстати, он упомянут в «Архипелаге ГУЛАГа» Александра Солженицына. Там есть слова: «У любителя старины Четверухина отобрали рескрипт императора Александра

об объявлении войны 1812 года в качестве вещественного доказательства». Серафим Ильич Четверухин был сыном московского протоиерея Ильи Николаевича Четверухина, последнего настоятеля Николо-Толмачевской церкви, которая сейчас, слава Богу, восстановлена и находится на территории Третьяковской галереи. В 1990-е годы была опубликована его повесть «Толмачи», в которой Серафим Ильич рассказывает о своем отце, священномученике, протоиерее Илье Четверухине. Он был действительно человеком необыкновенным, сочетал в себе высокую культуру духа с удивительной евангельской простотой, несомненным пастырским и проповедническим даром. В 1929 году храм закрыли, его арестовали и бросили в лагерь в Малой Вишере. Во время предсмертной встречи со своей матушкой Евгенией Леонидовной он говорил: «Нет краше Господа, нет Его милее. Я так люблю Господа, что готов за Него пойти в огонь». И эти слова оказались пророческими — он

сгорел в бараке вместе с заключенными при пожаре. Серафима Ильича арестовали в 1936 году, семь лет он провел в лагерях, еще лет тринадцать — в ссылке. Меня поразило, насколько при всех своих страданиях и испытаниях, он был незлобивым и добрым человеком. Этот дар сердечности, доброты притягивал к нему очень и очень многих. Десятки русских интеллигентов под его влиянием возвращались к вере отцов и совершенно нерелигиозные люди, водимые красотой и обаянием его души, принимали Православие. Для многих он раскрыл религиозный смысл истории — как пути Бога в мире и смысл русской трагедии XX века. Один из его рассказов называется «Сквозь ночь идущие» — он говорит там о внутреннем свете, который двигал многими заключенными и который жил в их душах: «Вам этого не понять, слепые, и вам, видящие и зажавшие рты от страха, и вам, торгующие судьбами человеческими. Мы верим в рассвет». Вспоминается еще один рассказ Серафима Ильича — «Портрет». Когда

он на краткое время смог выбраться из ссылки в Москву, он на стене увидел портрет своего отца, написанный в лагере. И вот портрет отца как бы говорит ему: «Скажи: «Слава Богу за все», сын мой, прости обиды, причиненные тебе, чтобы и ты был прощен. Но прощай только за себя, за других прощать никто не имеет права. Я не был так молод, как ты, мне многое было трудно, но я хранил веру, она помогла мне, будучи искалеченным телесно, оставаться неискаченным духовно, и лагерь стал для меня второй духовной академией». Характерно, как Серафим Ильич писал о времени Великой Отечественной войны: «Началась война. Мы носили кличку врагов. Напали враги. Что с нами делать? Никто не знал. Кое-кого ликвидировали. Оставшихся прекратили освобождать. Прекратили переписку... И в это время наши страдания растворились в чаше страдания народного. Хриплый репродуктор оповещал об оставленных городах, селах, и у многих из нас там оставались близкие. Многие из нас стремились на фронт. Я и сам

Пасхальное украшение в Сретенском монастыре

хотел погибнуть за Отечество, но там, среди вольных людей, а не в этом нечистом месте».

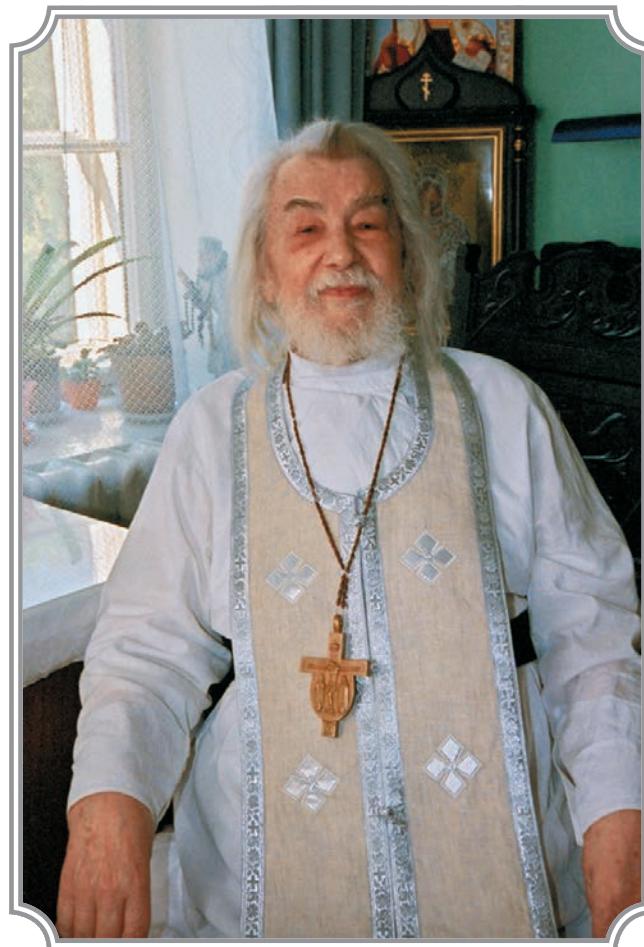
Серафиму Ильичу предлагали публиковаться за рубежом, но он этого не сделал. И здесь обнаружилось его фундаментальное расхождение с Солженицыным. Это ведь было его предложение, он также желал, чтобы Серафим Ильич принял участие в диссидентском движении. Но тот категорически отказался. Он ответил: «Я дождусь своей публикации в России». К сожалению, он не дождался: скончался в 1983 году. Но его отказ участвовать в диссидентстве был отнюдь не от страха. Просто он понимал, что на политическом уровне проблему коммунизма не решить, она может быть разрешена только на уровне религиозного возрождения, в которое он и вложил всю свою душу.

Мне он привил любовь к русской истории — «какую нам Бог дал». Благодаря ему я смог постигнуть ее религиозный духовный смысл, ее преемство — от Крещения до времени новомуучеников и исповедников российских.

На мое духовное становление в значительной мере повлиял отец Иоанн (Крестьянкин) — наше «всероссийское солнышко».

С ним наша семья познакомилась 25 лет назад — в 1985 году. Время это было для нас нелегкое: год назад в армии умер мой брат Николай, нашу квартиру обокрали и вынесли из нее почти все иконы. И вдруг, благодаря маминой пациентке, Марии Павловне, появляется возможность ездить в Печоры и останавливаться там. Это было чудо по тем временам. Но это чудо явилось продолжением другого чуда, вернее — старческой прозорливости. В свое время моя мама проходила врачебную практику в Печорах Псковских и духовно окормлялась у старца Симеона. Вдруг ее срочно перебрасывают в Усть-Нарву. Она пошла к батюшке за советом. Тот сказал ей: «Иди, учись». — «Батюшка, ну а как же так, здесь место святое». — «Езжай, специально сюда приедешь». И пророчество старца исполнилось через 25 лет.

Попасть к отцу Иоанну было очень трудно: существовало негласное (вероятно, согласованное с властями) распоряжение наместника, отца Гавриила — не пускать к старцу страждущих. И тем не менее (и это было чудо Божие) он нас принял. Помню, как он утешил маму во всех ее скорбях, как ее успокоил

Старец архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

и воодушевил. И спросил меня: «А кем ты хочешь стать, Володенька?» Я в это время был увлечен историей и ответил: «Историком». Старец лишь покачал головой: «И о прошлом не все говорить-то можно. О настоящем вообще молчать надо. А будущее от нас скрыто. Ты больше языками занимайся. Они во всем полезны будут».

Передо мной в то время стоял вопрос: куда дальше идти — в английскую школу или в историко-литературную. До сих пор помню, как делегатно поступал отец Иоанн: он не давал безусловных повелений, зная, что мы, немощные, не можем их понести, а лишь мягко советовал: «Может быть, лучше пойти в английскую школу — как более аполитичную».

А я, грешный, ослушался его — английская школа меня отпугнула возможными контактами с детьми партноменклатуры, о историко-литературной же школе № 27 шла слава как об оазисе свободолюбия и культуры, исторической науки и литературоведения. И я выбрал

ее. Почти что сразу я убедился в прозорливости отца Иоанна: директор школы, пронырливый коммунист и политикан, сразу взял меня под колпак, а на следующий год благодаря кресту на шее рассекретил как мальчика верующего. В общем, было не без приключений, каковые я избежал бы, послушайся я старца. Но все же школу я закончил, оставаясь некомсомольцем.

После, разумеется, встал вопрос: куда идти учиться дальше? Естественным казалось ехать в Москву, где уже веяли ветры перестройки, и поступать там на исторический факультет МГУ. Поехали за благословением к отцу Иоанну, рассказали о шансах в Ленинграде и Москве. Он очень обеспокоился: «В Москву? Зачем от дома отрываться? Поступай в Питере». И опять я поступил с точностью наоборот: поехал в столицу, где позорнейшим образом провалился на сочинении. О плачевых результатах моего предприятия мы написали отцу Иоанну и получили от него утешительное письмо, в котором, между прочим, было следующее: «Я очень рад, что Владимиру придется поступать вновь и дома. Пускай посмиряет себя на филологическом факультете, в надежде, что со временем займется любимым делом».

Это было написано в 1987 году. С того времени я занимался многими вещами. Но к «чистой» истории приступил лишь в 2003 году — за три года до смерти старца. И я чувствую, что его молитвами мне удалось попасть на работу на исторический факультет.

Что и говорить, всякая встреча с отцом Иоанном была праздником. Даже когда времени у него не было и он, проходя, приговаривал: «Общее благословение, общее благословение». Но от общения с батюшкой оставалось не только удивительное, светлое впечатление, но и конкретные, чрезвычайно своеевременные наставления. Он чутко чувствовал и дух человека, обращавшегося к нему, и дух времени. Вот лишь одно из его вразумлений: «Мы все глядим в Наполеоны. Двуногих тварей миллионы для нас орудие одно...» Вот, Воло-денька, не будем наполеоновскими планами заниматься. Потихоньку, полегоньку. Никого не осуждать, никого не раздражать — и всем мое почтение».

Трезвость и ясность пронизывали и его советы, касающиеся пастырства. Еще в 1985 году краем уха я услышал его разговор с одним

священником: «Что это отец Н. частную исповедь затягивает, да еще на час с каждым? Времена сейчас такие. Придет вестник с пером на шляпе, да и скажет: «Разойтись всем». Общая и только общая исповедь сейчас».

Рассказывал он и о своем аресте и заключении, но без обиды, тем более гнева, призывая, однако, нас к бдительности и осторожности: «В 1945 году, после Победы, была эйфория: внешний враг разгромлен, внутренний — с Церковью примирялся. А потом, когда меня в 1950-м арестовали и показывали доносы и то, что прослушивали, стало ясно: напрасно радовались. Поэтому и сейчас осторожно надо. Осторожно, потихоньку, полегоньку». Этот разговор был в 1986 году.

Когда открывался Иоанновский монастырь на Карповке (еще как подворье Пюхтицкого монастыря), он очень радовался и подбодрял радетелей открытия, говоря: «Давайте, делайте быстрее. Скоро Эстония отколется, так хотя бы в России у монастыря уголок будет». Разговор этот происходил в 1988 году, когда об отделении прибалтийских республик и речи не было.

То есть видел отец Иоанн не только грехи и беды советского периода, но и то, что нас ожидало. В 1988 году он писал: «Вы пишете, что храмы открываются. Это хорошо, да так ли хорошо? Храмы открываются, а души закрываются. И кто откроет их?» И еще вспоминается его пророчество о глобализации, произнесенное во время беседы об одной нашей знакомой, которая желала уехать в эмиграцию: «О М. умолчу. Что посещает человек, то и пожнет... А беда повсюду идет — и ни в какой Америке от нее не спрячешься». Видел он все это — и советское душебуйство, и западное.

В 1989 году я стал заниматься катехизацией (на неофициальных основаниях, конечно, можно даже сказать полуподпольных). По этому поводу довелось советоваться у батюшки Иоанна. Он очень обрадовался, но когда речь зашла об отце Александре Мене, не осуждая его, он сказал: «Общаться с ним не надо, книгами его пользоваться не надо». А вот его слова об Александре Шмемане: «Он, конечно, батюшка, но только как он себе представляет еженедельное Причащение, без надлежащей духовной подготовки?» И посоветовал мне пользоваться катехизисом митрополита Филарета. Лишь через некоторое время я осознал

мудрость старца, особенно после выхода на общественную арену отца Георгия Кочеткова, который, забыв даже об элементарных различиях, впоследствии именовал отца Иоанна не иначе, как «доктор Айболит».

Удивительна была сила благословения батюшки Иоанна. В 1987 году он разрешил моей маме заниматься мануальной терапией, помазав ее руки благословенным елеем. С его благословения она занимается этим делом до сих пор, несмотря на то, что ей уже 73 года. Теперь она старейший мануалист Санкт-Петербурга, и, думается, столь долгая и успешная ее работа была бы невозможна без благословения отца Иоанна.

Батюшка очень скорбел о нашем духовном образовании. Вспоминаются его слова: «Какие раньше были семинаристы! Я, архимандрит, сейчас у каждого руку бы поцеловал. А что семинария сейчас? Дымный закат после страшного, тяжкого дня». Эти слова были сказаны в 1987 году. Что бы он сказал сейчас?..

Запечатлелись в памяти его слова о церковном пении. Одно время я колебался: заниматься ли им, или нет? И получил ответ: «Пой, но так, чтобы ты чувствовал скорбь и слезы народа Божия, чтобы ты плакал с ним».

Многим советы отца Иоанна спасли жизнь людей — спасли в самом прямом смысле этого слова. Во время Боснийской войны 1992–1995 гг. двое моих знакомых обратились к нему с просьбой благословить их ехать в Боснию — воевать за православных. Они получили следующий ответ: «Помысел, вас искушающий, побуждает вас отказаться от борьбы, во-первых, за Святую Русь, во-вторых — за собственные души. Оставайтесь здесь и готовьтесь к пастырству». Думаю, его совет 1995 года спас меня от многоного дурного. В то время я пел в грузинском приходе Шестоковской иконы Божией Матери. Когда в августе я уехал в Печорский монастырь, на старость церкви Аристо Амироновича Багратиони, благороднейшего человека, настоящего православного христианина, было совершено покушение. Узнав об этом, я порывался вернуться, чтобы ухаживать за Аристо, вести службу. Отец Иоанн благословил остаться в монастыре до Успения. Памятая прежний опыт, я не осмелился ослушаться старца. Впоследствии оказалось, что отец Иоанн побудил меня остаться в монастыре на самое критическое

время в судьбе прихода и избавил меня от ситуаций, которые могли мне стоить головы.

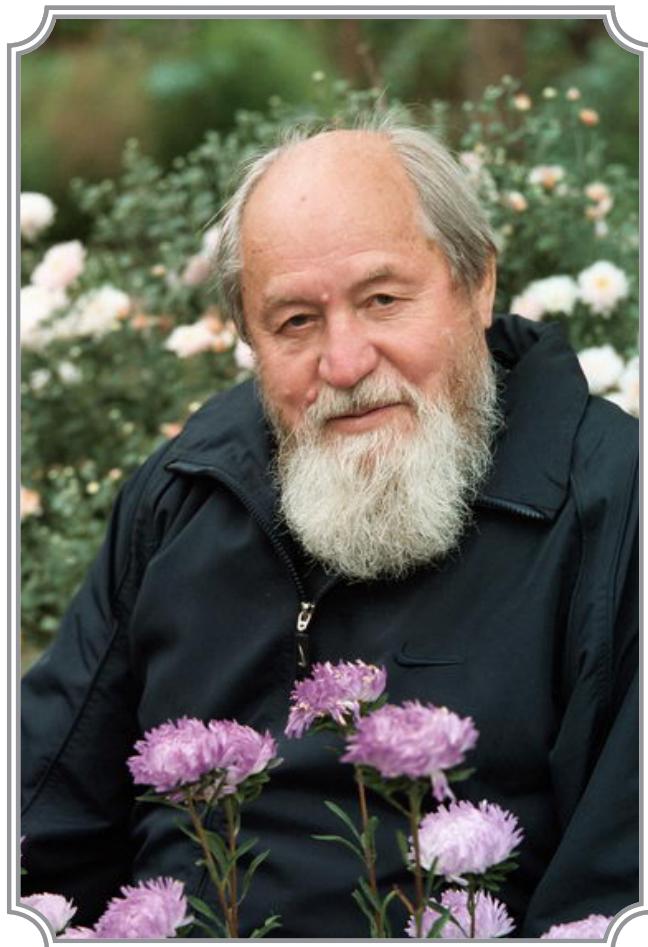
Общение с отцом Иоанном — приобщение к живому опыту святости. Благодарю Господа, что Он даровал мне его. Верю, что рано или поздно отец Иоанн будет причислен к лику святых, и та работа, которую сейчас осуществляет Псково-Печерский и Сретенский монастыри, ляжет в основу его будущего жития.

Еще Господь сподобил меня окормляться у отца Василия Ермакова с 1999 по 2007 гг. — до самой его кончины. Батюшка родился в городе Болхове Орловской области. И в нем проявилась вся широта южнорусского характера, крепость русского духа. Он пережил войну, оккупацию, был угнан в лагерь. Под конец войны служил в Советской армии, был очевидцем тех страшных лет: ужасных репрессий и опустошительной войны. Но испытания не сломали его, а духовно закалили. Он говорил о том, что война открыла для него путь к Богу. Во время оккупации, когда открылись церкви, он получил возможность славить Господа. И, несмотря на страх, на боязнь он шел в церковь, молился, прислуживал. Позднее он разделил крестный путь многих русских людей, которые были угнаны из своих родных мест немцами. Спас его отец Михаил Ридигер. С тех пор и пошла его дружба с отцом Михаилом и его сыном Алексеем Ридигером, будущим Святым Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

После войны Василий поступил в семинарию. Несмотря на трудности, на проблемы, связанные с тем, что он был на оккупированной территории, ему это удалось. Учился он в голодные годы, когда не хватало хлеба, когда каждое полено было на счету, тем не менее он все твердо и мужественно сносил ради любви к Господу.

После принятия священного сана он долгие годы служил в Свято-Никольском соборе Санкт-Петербурга. Он вспоминал, что это было удивительное время, когда в храмах молились люди, прошедшие страшную блокаду, знавшие невероятные страдания. Ему довелось служить с духовенством, которое разделило со своей пасторской все тяготы военного времени. Особенно тепло он вспоминал об отце Александре Медвецком.

Из Никольского собора отца Василия удалили — за независимость и твердость духа, за его

Протоиерей Василий Ермаков

смелые проповеди, за то, что он говорил прихожанам: «Потерпите, эта власть скоро кончится». Его перевели на Серафимовское кладбище, и вот там расцвел духовный цветник, который под конец его жизни стал не просто всероссийским, а всемирным. К нему приезжали люди со всех уголков мира, из Европы, из Америки. Один из священников был у него голландец — и это, конечно, не случайно, поскольку у отца Василия за долгие годы открылся удивительный дар пророчества, дар ведения души человеческой и дар единственной молитвы о ближних. Я лично на себе испытал его прозорливость. Прихожу я однажды на исповедь, а он вдруг говорит: «Владимир, дуй в Москву, я за тобой». Я спрашиваю: «Батюшка, откуда вы знаете, что мне надо ехать в Москву на конференцию?» — «Я все знаю».

Очень он не любил всего ложного, ему претила озлобленная политизированность нашего времени. Как-то на исповеди он мне сказал: «Это все пустяки. Политикой

занимался?» — «Занимался». — «А вот с этого и надо было начинать».

Он болел душой за нашу Родину, скорбел о развращении русского человека, о безумии молодежи, о той неправде, которая царит в нашем обществе. Он много говорил об этом на проповедях: «Некоторые по-молодецки идут по жизни, наступая на головы ближним, а потом оказываются или в больнице, или в тюрьме. Пишут слезные письма: «Простите, помогите, не знали...» Да все вы знали, все прекрасно понимали, когда ломали чужие жизни во имя вашего гордого «я».

Особым было его отношение к исповеди и Евхаристии. Он возмущался тем поверхностным, потребительским, горделивым отношением к Причастию, которое бытовало и бытует в кочетковских кругах. Он его называл без обиженников — предательским. Он говорил: «Причастие — это не таблетка, а великое Таинство». Он по-настоящему переживал Таинство Евхаристии: «Вот вы приходите, а чувствуете ли вы Господа в сердце своем? Чувствуете ли Святое Причастие, как это надо чувствовать?» К несчастью, часто эти его вопросы оставались без ответов.

Своей мудростью и молитвами он выводил людей из самых трудных, самых сложных ситуаций. Людей разболтанных, расшатанных, разбитых миром, этой жизнью. Он собирал их и делал целеустремленными, дисциплинированными, внимательными, верующими, христолюбивыми. А потому и приход у него особенный.

Отец Василий сыграл большую роль и в жизни нашего города, и в жизни своего родного Болхова. В немалой степени способствовал восстановлению церковного строительства и воцерковлению людей. Под конец своей жизни он действительно стал всероссийским духовным светилом. Он был человеком пророческого духа, болевшим за Россию, человеком святой жизни. Да упокоит его Господь в Своих превечных селениях!

Очень многое мне давало и дает общение с протоиереем Иоанном Мироновым — настоятелем храма «Неупиваемая чаша» на заводе АТИ.

Я убежден, все разговоры о том, что у нас нет духовных старцев и быть не может, это свидетельство духовного пораженчества. Святитель

Отец Иоанн Миронов

Ипполит Римский говорит: «Не престанет Церковь рождать от сердца Слово». Христос обещал: «Я буду Словом во все дни до скончания века».

Слово Божие присутствует и в святых церковных Таинствах, и в духовно-христоносных людях. В таких людях, как отец Иоанн Миронов.

Он родился в простой крестьянской семье, пережившей голод и нищету. Но, в отличие от многих других, не был ожесточен и озлоблен, а, напротив, стал удивительно добрым и понимающим человеком — можно сказать, даже апостолом любви.

Отец Иоанн — ветеран Великой Отечественной войны. Память о ней для него священна. Он является живым носителем настоящих ценностей той эпохи — силы, мужества, духа.

Батюшка окончил Ленинградскую духовную семинарию и много претерпел от властей. Его третировали, по настоянию уполномоченных перемещали с одного храма на другой. Дело доходило до того, что ему даже вина не выделяли на богослужения.

Однако испытания лишь закалили его душу и способствовали открытию в нем духовного зрения.

Я знал о нем давно, но регулярно стал к нему приходить после кончины приснопамятного отца Василия Ермакова. Должен сказать, батюшка Иоанн помогал мне много раз, и всякий

раз я убеждался в его прозорливости и в то же время в его удивительной доброте. Он постоянно говорит: «Любите друг друга, снисходите друг к другу, помогайте друг другу».

Он действительно является апостолом любви, которых так не хватает в наше время. Неслучайно отец Иоанн Миронов назван был в честь святителя Иоанна Милостивого — замечательного благотворителя, Патриарха VII века. На последние его именины с ним служило около сорока священнослужителей, храм был переполнен народом. Да и в будний день бывает до трехсот причастников.

Отец Иоанн Миронов — один из дивных светильников нашей Церкви. В 84 года и при слабом здоровье Господь крепит его в служении и наставничестве. Он наставляет как простой народ, так и опытных священнослужителей. Под его покровом находится «Православное радио Санкт-Петербурга», которое имеет большое влияние на умы наших православных сограждан.

В 2005 году Господь судил мне принять священный сан диакона. Рукоположил меня Константин, архиепископ Тихвинский (ныне Курганский и Шадринский). Первым местом моего служения стал храм Александра Невского, настоятелем которого является протоиерей Евгений Ефимов, старейший клирик епархии (ему сейчас 86 лет), однокашник почившего Святейшего Патриарха Алексия II, к сожалению, единственный оставшийся в живых

из того выпуска. Все остальные уже находятся в мире ином: и протоиерей Анатолий Малинин, и протоиерей Василий Ермаков и др. Отец Евгений вспоминает, как Алексей Ридигер делился с ним последним куском хлеба в голодные 1940-е годы. Если же они вдруг ссорились, то первым мириться приходил будущий Патриарх.

Сам отец Евгений — человек незаурядный. В годы хрущевских гонений ему удалось отстоять храм в поселке Сиверский. На проповеди в воскресный день он объявил решение исполкома о закрытии церкви, и весь народ, двести человек, повалил к зданию исполкома. А в храме продолжала звучать горячая молитва верующих. Потом председатель исполкома говорил ему: «Я думал, Ефимов, ты такой тихоня... А на самом-то деле...»

В храме, где настоятельствует отец Евгений, я по-настоящему, изнутри понял, что такое традиционный русский приход с его сложностями, горестями и радостями.

При этом я не уходил из университета, совмещая служение со светской работой.

К моему решению принять священный сан мои светские коллеги и студенты отнеслись интересно и неоднозначно. Наиболее благоприятной была реакция со стороны моих учеников. Некоторые из них при встрече в университете именуют меня отцом Владимиром, что доставляет мне особую радость. Иные даже все более и более приближаются к Церкви.

С начальством все немного сложнее. Так наш, ныне уже покойный, заведующий кафедрой Владимир Павлович Денисенко очень обрадовался, что я теперь священнослужитель, даже сказал мне: «Владимир Владимирович, когда станешь священником, я, наверное, к тебе приеду». Реакция же других моих коллег была далеко не столь радужной. И Владимиру Павловичу пришлось приложить много усилий, чтобы сохранить *status quo*. Но в настоящее время все вошло в обыденное русло...

На вопрос, изменились ли существенно методика и цели моего преподавания после принятия диаконского сана, я отвечу положительно. Понятно, что в светском учебном заведении не принято начинать лекцию с молитвы. Однако, вопреки этому, я все же стараюсь про себя в аудитории прочитать «Царю Небесный», дабы наш учебный процесс был освящен

молитвой, обращенной к Святому Духу. Сейчас довольно часто мои отношения со студентами приобретают несколько иной ракурс — ракурс не просто общения лектора, преподавателя или даже научного руководителя с учениками, а ракурс пастырский, в чем-то даже духовнический. Временами приходится разрешать проблемы, связанные с социальным, гражданским, духовным становлением, с воцерковлением студента и его путем к Богу.

Нам нужно понимать: сейчас речь идет о борьбе за человеческие души и, как говорил мой духовный наставник, отец Василий Ермаков, «за юные души русских людей, погибающих от разврата, пьянства, наркомании». Нужно сказать, что мне повезло: я преподаю, если так можно выразиться, на относительно нравственном — историческом — факультете, по сравнению с другими, такими как филологический или восточный, которые, к сожалению, стремительно теряют уровень своего образования, качество знаний студентов из-за разъедающей коррупции, всепроникающего блата, господства меркантильного интереса и из-за ложной понятой свободы.

Конечно, проблемы существуют и у нас, на историческом факультете. Но все же у меня было несколько случаев, когда удавалось показывать студентам дорогу к хорошим духовникам. И общение со мною становилось для них шагом к искренней исповеди.

Что и говорить: студенты бывают разные, и мне не хотелось бы не возвеличивать одних, не унижать других. Во многом у них встречаются общие проблемы. К сожалению, все они существуют в атмосфере массовой культуры. И студенты-семинаристы не являются здесь исключением.

Нельзя сказать, что все они происходят из воцерковленных семей. Но с нравственной точки зрения студенты духовных школ выше учащихся светских заведений — в силу своего призыва. Если говорить о профессиональных навыках, то они выше все-таки у студентов мирских университетов. Если же взять иные светские образовательные учреждения, то, напротив, семинаристы оказываются гораздо более знающими, профессиональными и компетентными.

Возвращаясь к вопросу о нравственности, можно отметить, что не все так безупречно

и среди студентов духовных школ — проблема пленения миром очень остра. Например, широко распространена привязанность к западному видео- и аудиоряду. К несчастью, зачастую семинаристы все более становятся прагматичными. Некоторые из них являются собой образец так называемого нового русского батюшки. Он сформировался на фоне восстановления церковной инфраструктуры и капитализации российского общества. Эта очень серьезная проблема, и решить ее чрезвычайно непросто.

Среди прочего, она связана с такой важной, но сложной задачей, как православная миссия, которую призваны осуществлять богословские учебные заведения. Вот у нас, в Санкт-Петербурге, я считаю, мало священников, мало церквей. Перед революцией в двухмиллионном Питере было 550 православных храмов, а сейчас же — около двухсот. А духовная академия — одна. Понятно, что преподаватели и семинаристы выкладывают полностью, все они несут на себе груз учебы, служб, многочисленных послушаний. В общем, делают все по принципу: «*Feci, quod potui, faciant meliora potentes* (Сделал, что мог, пусть могущие сделают лучше)».

Но надо признать: одного духовного заведения для такого крупного мегаполиса, как наш, недостаточно. К тому же у академий и семинарий свои конкретные задачи — это заведения закрытого типа, которые готовят священнослужителей. А значит, должна существовать и другая структура — открытого типа, где богословское образование могли бы получить светские люди. Подобное заведение должно иметь одновременно государственную аккредитацию и благословение Учебного комитета. Это давало бы возможность для дальнейшего рукоположения. Отчасти у нас эти задачи выполняет Институт философии и богословия, но в силу целого ряда причин не все удается. Много в миссионерском направлении делает недавно открытый Православный народный университет, к сотрудничеству с которым приглашают и меня. Уверен, со временем возникнут и другие образовательные структуры, которые будут функционировать, конечно, не без помощи преподавателей духовных школ.

Сталкиваюсь ли с каким-то сложностями в своем диаконском служении?.. Проблемы

существуют всегда, пока жив человек: жить без искушений нам никак нельзя. Только попав в алтарь, я убедился в том, насколько это служение славно и страшно, как сказано, «во еже служити Тебе небесным силам». То, что я понимал только своим умом, читая первую паремию книги Бытия на праздники Богородицы — «яко страшно место сие есть, но дом Божий и сия врата небесная», я стал очень живо чувствовать.

Священнослужение чрезвычайно сложно. Это безусловно. Мне вспоминается интервью бывшего охранника президента, который стал священником. Он говорил: «Раньше мне было просто, а сейчас иной груз ответственности, иная нагрузка, иное напряжение». После принятия сана появляется необходимость выстраивать отношения по-новому, тем более когда тебя помнят в одном качестве, а потом ты вдруг оказываешься в совершенно ином статусе.

В здоровом, консервативном приходе это все происходит далеко не сразу, но все покрывается любовью, а тяжесть переходит в легкость, и не потому что ты начинаешь относиться к своему послушанию менее ответственно, не потому, что вырабатываются какие-то привычки. Как раз самое страшное для священнослужителя — служить на автомате, не молясь, не проникаясь этим служением, а просто махать кадилом, говорить ектении... Ужасно, когда священник становится требоисправителем, а еще хуже — актером. Это просто путь к погибели.

Иначе говоря, справиться с трудностями помогает только то, что ты потихоньку напитываешься Божественной благодатью. Именно она облегчает труды и дает возможность подходить к тем или иным проблемам в службе совсем по-другому.

За годы моего служения мне открылось значение сана диакона. Оно очень серьезно и очень глубоко. Ведь мы слышим в прошении: «Во Христе диаконстве». Священномученик Игнатий Богоносец говорит: «Диаконы являются образом служения Господа нашего Иисуса Христа». Они действительно образы страждущих рабов Господних, и именно поэтому, что они являются смирение Самого Христа, Его служение. Диакон, с одной стороны, возглавляет народную молитву, а с другой,

Иеродиакон Макарий
на Пасхальной службе
2010 года

помогает священнику. И в этом смысле он является связующим звеном. И ему приходится нести немощи, недостатки и тяготы народа и священнослужителей, исполняя таким образом закон Христов.

Диаконское служение — это служение прежде всего любви и благотворения. Но с этим у нас олицетворяются священники, которые становятся все более и более загруженными. Им приходится быть универсалами. Это и хорошо, и плохо. Часто получается, что священник несет огромный груз хозяйственной, управленческой, благотворительной работы. В будущем по мере нашего духовного роста, по мере оздоровления нашей жизни эта ситуация, вероятно, будет меняться, и диаконат из трамплина к священству станет чем-то особым и самостоятельным. Верю, что он приобретет прежние черты благотворения, ради чего он собственно и создавался. А также воспримет на себя функции учения. Конечно, диакон не имеет той учительной власти и полномочий, какие имеет священник, однако он тоже есть благовеститель святых апостолов и евангелистов. В самой присяге написано, что диакон в отсутствие священника обязуется учить народ Божий. Это учительное значение диаконства велико и необходимо в наше время, поскольку диаконат создавался в древней Церкви, где все было функционально, стройно и на благо народа Божия.

Конечно, диаконское служение является центром моей жизни. Но духовник мне сказал: «Ты должен успевать все». И в меру моих сил я стараюсь делать это. Конечно, я бы предпочел, чтобы у меня была не одна голова, а три: одна — служит, вторая — преподает, третья — за компьютером. Но у меня всего лишь одна голова. Одна голова не бедна, а коли бедна, так одна.

Иначе говоря, научной деятельностью приходится жертвовать — в основном за счет конференций и работы в архивах. Теперь у меня пришла пора обработки всего того, что я изыскал во время моей аспирантской юности и преподавательской молодости. Материала очень много: корпус византийских гимнографических памятников — прежде всего канонов, найденных мною в рукописях и редких изданиях. Данные тексты нуждаются в надлежащем осмыслинии и комментировании. В настоящий момент я работаю над докторской диссертацией «Византийские гимнографические памятники как исторический источник». Мне удалось, с Божией помощью, полностью реконструировать биографию святого Романа Сладкопевца, его действительное житие, как на основании ранних гимнографических памятников и неизвестного кондака, его воспевающего, так и на основании его собственных кондаков. Об этом можно прочитать в материалах конференции Свято-Тихоновского богословского института за 2000 год.

Церковная поэзия в первую очередь посвящена воспеванию Святой Троицы, Слова Божия, Пресвятой Богородицы и святых, но она касается также и путей Логоса в истории, в человеческой жизни. Особенно это связано с житийными канонами и гимнографическими памятниками, канонами, кондаками. Воспевание также относится и к ряду событий, имеющих общественное значение. Многие, наверное, знают выражение «труса праздновать», но никогда не задумывались над тем, откуда оно пошло. А пошло оно от церковно-календарной памяти: «Праздновати трусу 26 октября». В день памяти Димитрия Солунского в Константинополе в 740 году произошло страшное землетрясение, которому посвящено минимум две службы: одна — хорошо известная, другая — малоизвестная, но, по-видимому, современная событию. В ней описывается ужас жителей Константина, которые понимают, что это преддверие Страшного Суда.

Изучение церковной поэзии с подобной точки зрения чрезвычайно важно в богословском аспекте. «Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1, 14). И возникает вопрос: «А мы-то как живем рядом с воплотившимся Богом?» Именно об этом, а также о смысле истории и ее конце и говорят священные поэтические тексты.

Я также занимаюсь переводом и комментарием «Библиотеки Патриарха Фотия» — важного текста для церковного вероучения, церковной истории и для понимания византийской культуры.

Кроме того, участвую в переводческом проекте «Библейские комментарии отцов Церкви». Работал над томами, посвященными книге пророка Исаии, Апокалипсису и соборным апостольским посланиям, сейчас исследую комментарии на Евангелие от Луки.

К тому же пишу плановые статьи, выступаю — не слишком часто, на конференциях. Да и работа на кафедре также требует научной активности. Но некоторые проекты и планы, как я уже говорил, все же пришлось оставить.

В заключение мне бы хотелось высказать несколько пожеланий настоящим и будущим семинаристам.

Прежде всего я бы хотел, чтобы они с большим доверием относились к Священному Писанию и Священному Преданию и не шли

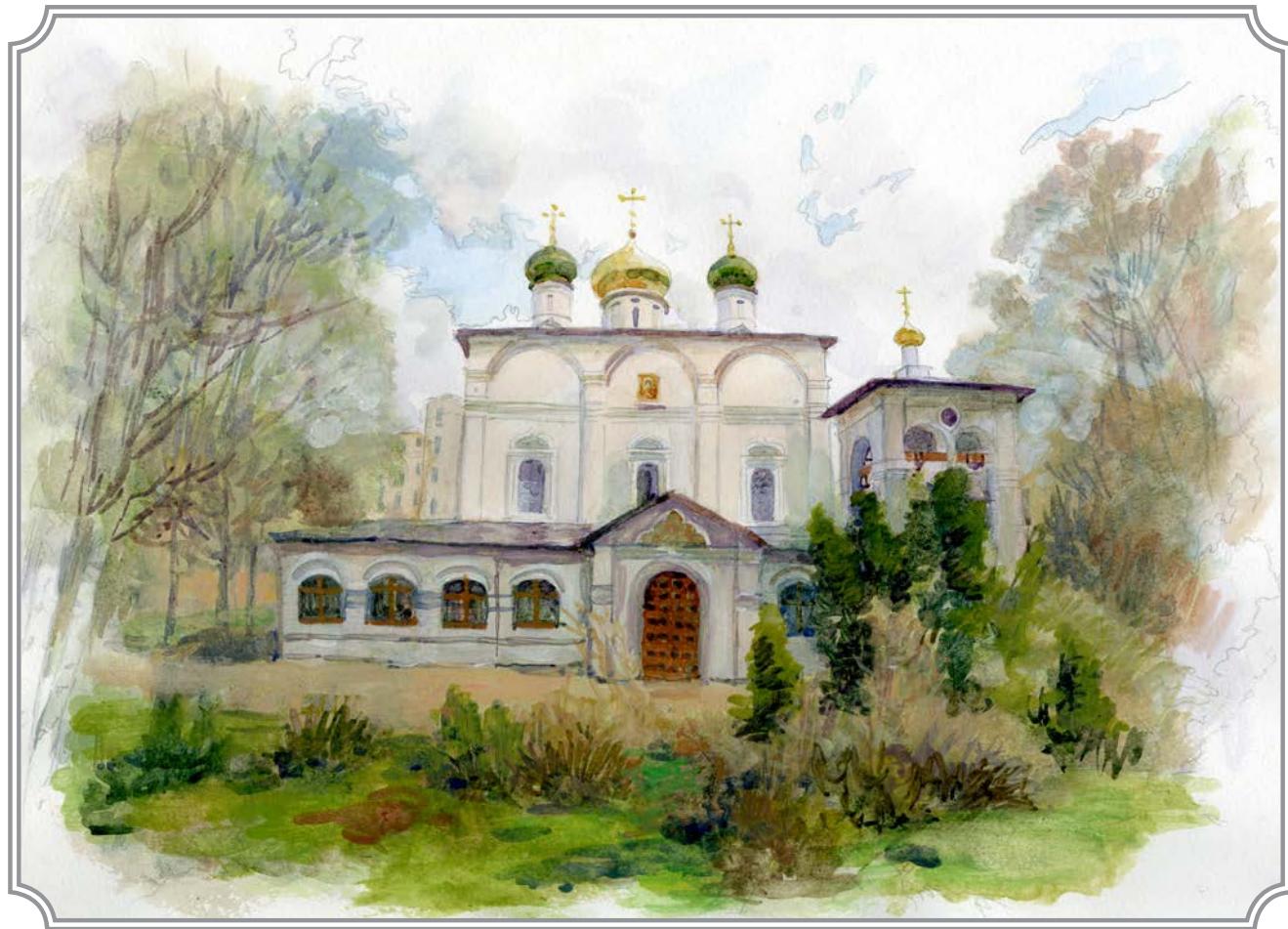
по стопам либералов и критиков. Сколько раз в истории науки оказывалось, что Предание все-таки право, а скептики посрамлялись. Возьмем, к примеру, гиперкритическую доктрину школы Бауэра, которая предполагала, что весь Новый Завет написан во II веке. Но когда были обнаружены рукописи начала II столетия и фрагменты Евангелия от Иоанна, когда в нем был выявлен целый ряд реалий, характерных только для I века, все эти измышления с треском провалились. Или панавилонизм, который выводил практически всю Библию из Месопотамии. Внимательное изучение источников показало, что, во-первых, ряд библейских текстов гораздо древнее, чем считалось ранее, во-вторых, они соответствуют не столько вавилонским, сколько общесемитским реалиям и могут восходить к некому прототексту конца III тысячелетия до Р.Х.

А если говорить о Туринской плащанице, которая якобы является позднейшей подделкой, то даже радиоуглеродная датировка 1988 года не смогла опровергнуть ее подлинности. Слишком большое количество материала свидетельствуют в ее пользу: исследования пыльцы, культурно-этнографические доказательства, опыты с тканью и многое другое.

Повторю еще раз: не надо относиться к священной истории, к церковной истории как к предмету для препарирования. Нужно видеть в церковных писателях собеседников, внимательно их выслушивать и не исходить из глупой предпосылки атеистического сознания: «Этого не может быть, потому что не может быть». Надо быть внимательным источником иковедом.

Спаситель сказал: «Если они будут молчать, то камни возопиют». И вот это ощущение вопиющих камней я испытал в 2001 году, когда был в Палестине, когда видел все следы пребывания Господа, камень, на котором Он разламывал пять хлебов, дом тещи Петра, исцеленной Христом, следы той синагоги, в которой Спаситель проповедовал, и наконец самый Гроб Господень. Действительно, камни вопиют, вопиют об истине воплотившегося Логоса, об истине Церкви и о святости ее пути.

В истории все промыслительно и нет ничего случайного: «Deus conservat omnia (Бог сохраняет все, Бог управляет всем)» написано

Московский Сретенский монастырь. Художник Светлана Ивлева

на Фонтанном доме. И все смутные, кровавые события, в том числе трагического XX века, не случайны. Катастрофа 1917 года, с одной стороны — это страшный провал, с другой стороны, владыка Вениамин (Федченков) мудро указывал: не было бы 1917 года, было бы еще хуже. Тогда бы, после смерти государя, его вероятные наследники, скорее всего это был бы не царевич Алексей Николаевич, отстроили бы оккультную империю.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. — величайшая народная трагедия, которая, однако, вызвала к жизни Церковь, породила великое и до конца не оцененное движение по возвращению русского народа к Богу.

Думаю, и события рубежа XX–XXI вв. будут анализироваться в дальнейшем, исходя из этой амбивалентной перспективы.

А нам надо иметь разумение и веру в Бога, Который способен и человеческое зло превращать в добро.

...Мне вспоминается служба Великой Пятницы в маленьком карельском городе Кондопога, который стал знаменитым после печальных событий межнационального конфликта. Там служил отец Лев Большаков, которому я в меру сил помогал, пел в его хоре — в единственном числе. После чтения страшных евангельских слов о Распятии и Смерти Господа, батюшка не стал говорить ничего: «Вы слышали все. Знайте, что все это правда!»

Мне хотелось бы, чтобы выпускники семинарии и академии знали: все, что они слышат в аудиториях, в храме, правда. И этой правдой надо жить! Чтобы они понимали, что все это не понарошку, чтобы для них это не было относительной информацией.

Нужно, чтобы все жизнодательные и спасительные слова, которые они слышат здесь, вошли бы в их плоть и кровь, в их сознание, чтобы они управляли ими, чтобы Логос царствовал их умами и сердцами. И чтобы они не руководствовались случайными

Пострижение во чтецы

и зачастую порочными примерами, которые, к сожалению, можно встретить и в нашей церковной практике. Чтобы жизнь их не отделялась от учения, и учение не отделялось от молитвы.

На что выпускникам духовных школ следует обратить самое пристальное внимание? Священники, по всем обстоятельствам нашей жизни, призваны к универсализму: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9, 22). Необходимо, чтобы в их умах и сердцах всегда была способность принять всех, способность по крайней мере к вслушиванию и пониманию всех — пониманию, но не тотальному приятию того, что они несут. Желательно, чтобы студенты ясно и трезво определялись с тем, что они могут понести в церковном служении, на что они готовы. Готовы ли быть преподавателями духовных школ, готовы ли они диаконствовать, пастирствовать.

Каждый должен понять свое место в Церкви, свое служение и выстраивать образование соответственно своему положению. Понятно, что нам подобает исполнить всякую правду и вообще надо учиться хорошо. Но только

если человек понимает, в чем его призвание в Церкви, он начинает намеренно заниматься нужными ему предметами. И это естественно — нельзя успеть все. Если чувствует у себя способности к проповедничеству, пусть изучает риторику, патрологию. Если видит в себе хозяйственника, пусть обратится к экономике прихода, юриспруденции. Обнаружив в себе талант литургиста, пусть разберется в литургике, Уставе, гимнографии, церковном пении.

Обращу внимание на светский компонент в учебной программе — он сейчас, несомненно, усилился. Но я бы советовал не слишком всем этим увлекаться, поскольку студенты-семинаристы должны быть прежде всего людьми Церкви и будущими паstryями, а не специалистами по гуманитарным наукам.

Семинаристам необходимо всегда помнить: то, что они получают в качестве знаний и навыков, является весомым запасом, с помощью которого они в дальнейшем будут выстраивать свою личную, паstryскую, семейную жизнь, а также жизнь своих пасомых.

Настоящие учащиеся духовных школ должны вносить свою лепту в строительство России, которая, я верю, вернется на пути Святой Руси.

Вспоминая московских пастырей...

Профессор
Алексей Константинович
Светозарский

Алексей Константинович, поделитесь, пожалуйста, воспоминаниями о московской церковной жизни в 1970-1980-е годы — времени вашего детства и юности.

— Когда я учился в средней школе, я ходил в храм Преподобного Пимена Великого в Новых Воротниках, в районе станции метро «Новослободская» — он был ближайшим к нашему дому. Помню: приходишь в храм и видишь людское море, и что-то издалека доносится. Люди, конечно, напряженно вслушивались, особенно во время проповеди, потому что источников информации в те годы было очень мало. Под сводами этого храма собирались жители не только всех ближайших к нему районов: станции метро «Новослободская», Палихи и Бутырки, района Савеловского вокзала, — но и дальних: Бескудникова, Дегунина, даже Ховрина. Потому что храмы, которые были на окраинах, все маленькие, это бывшие усадебные или сельские, очень небольшие

церковки, и было их немного. Это церкви во Владыкине, Алтуфьеве, храм иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине, в районе станции метро «Речной вокзал». Они всегда были переполнены, а потому Пименовская церковь — достаточно просторная и вместительная — очень многих к себе привлекала.

Передо мной встают яркие картины из прошлого. Например, общая исповедь в Великий Четверг. Люди стоят рядами, батюшка читает молитвы и говорит слово, присущее этому случаю. Потом идут к батюшке, он покрывает головы епитрахилью и читает разрешительные молитвы, попутно что-то разъясняя, если у человека какие-то глубокие проблемы. Но меня прежде всего зачаровывала служба. Я помню богослужение в Великий Четверг при таком переполненном храме, что руки невозможно было поднять. Рождество, Пасхальные службы...

Тогда служил сонм совершенно замечательных наших священников. Настоятелем был

protoиерей Димитрий Акинфиев, ныне покойный. Служили отец Владимир Диваков, отец Василий Бланковский, отец Владимир Еремин. Служили ныне покойный протодиакон Сергий Громов, покойный протодиакон Сергий Голубцов — он еще был церковным краеведом, бытописателем и историком, у него своеобразные и очень интересные труды. Вот тот состав, который я застал. Мы радовались всем батюшкам, радовались тому, что они есть, что они с нами общаются, говорят проповеди. Как-то особенно к этому храму я прилепился, хотя в студенческие годы посещал разные храмы.

Бывал в храме Илии Обыденного, где была совершенно особая атмосфера. Там служили два батюшки, которые нам, молодым людям, покровительствовали: отец Александр Егоров и отец Петр Дьяченко. Отец Александр Егоров — очень чтимый священник; сейчас о нем вышел фильм. Из среды его духовных детей вышло много священнослужителей, есть и монашествующие, есть и священники, сейчас знаменитые по Москве. В то время было особенно опасно работать с молодежью, а он, хотя с большой осторожностью, близко общался с молодыми, наставлял. Отец Петр Дьяченко, может быть, сегодня меньше известен, но я помню, с каким теплом, с каким радушием он всегда к нам относился, просто радуясь тому, что мы приходили: «О, ты пришел, как я рад!» Такой он был сердечный и радушный человек. Молодым людям тогда небезопасно было ходить в церковь, и нас, студентов, скрывали в алтаре, когда мы присутствовали на светлой заутрене на Пасху. В этом храме у меня было много друзей, людей, которым я очень многим обязан на пути своего христианского становления. Еще в Обыденском храме я помню отца Сергия Брзыку и отца Николая Тихомирова, в то время одного из старейших московских священнослужителей, который принял рукоположение в священный сан, если я не ошибаюсь, в 1922 году. Он уже был глубокий старец, митрофорный protoиерей, носитель московской традиции.

Позднее, в начале 1980-х, начались встречи с монашествующим духовенством. В основном это были люди, которые трудились в Издательском отделе Московской Патриархии, где некоторое время работал мой отец. Конечно же, ныне покойный архимандрит Иннокентий

(Просвирнин). Он пытался приобщить меня к издательскому делу, к нашей книжной традиции; многие его уроки пошли мне впрок. Хотя были какие-то моменты в чисто человеческих отношениях, несколько непонятные для меня, тем не менее я ему благодарен.

С момента моей женитьбы Пименовский храм стал нашим семейным приходским храмом: там я венчался, там крестили моего сына. В 1988 году настоятеля отца Димитрия Акинфиева перевели служить в Хамовники, а отца Николая Петрова, настоятеля Хамовнического храма, — в Пименовский. Это произошло неожиданно. Батюшки были очень похожи, так что прихожане не сразу заметили: храм переполнен, издалека плохо видно... И только когда стали подходить к кресту, тогда и узнали об этом перемещении.

В Хамовническом храме в те годы я тоже частенько бывал: эта церковь была как раз по дороге в университет. Некоторые службы Великого поста там совершались необычным образом, в монастырской традиции, а может, даже в какой-то старомосковской традиции, точно не скажу. Было так: после выноса Плащаницы службы не было, утреню Великой Субботы служили в ночь с Великой Пятницы на Великую Субботу и потом сразу начинали литургию. Служба начиналась в час, где-то в три — литургия, а с семи уже начиналось освящение куличей и пасок. Получались две ночные службы подряд. Конечно, очень тяжело, но у нас тогда были силы не спать две ночи. Народа было не так уж много за ночной службой, но какой удивительный подъем! Потому что приехать к часу ночи — это был маленький подвиг. Зато служба шла в глубокой сосредоточенности, в ночной тьме, как это и происходило согласно евангельским событиям. Люди шли в крестном ходе, совершали чин погребения. Такой порядок служения был установлен еще отцом Павлом Лепехиным, который был настоятелем почти полвека — 48 лет. Он принадлежал к поколению, которое мы не застали, мы застали только людей, которые были его духовными чадами и очень хорошо помнили самого отца Павла и бережно сохраняли этот очень своеобразный богослужебный порядок, во многом импровизированный, но интересный. Эта традиция исчезла, когда настоятелем стал отец Димитрий. Когда его перевели

Крестный ход с Плащаницей в Сретенском монастыре

служить в Хамовники, многие его духовные чада последовали вслед за ним, в том числе и моя семья; прихожанином Хамовнического храма я являюсь до сих пор.

Отец Димитрий был удивительным человеком. Он сын священника Александра Акинфова, пострадавшего в годы гонений; священником был и его дядя. Отец Александр был крестьянским сыном, у него не было ни богословского образования, ни высшего светского, но он очень любил богослужение и был предан Церкви. Рукоположился где-то в 1920-е годы в Рязани; служил он, кстати, недалеко от Сретенского скита, в селе Печерниковские Выселки. В 1937 году его арестовали. Только на склоне дней отец Димитрий узнал подробности смерти своего батюшки: ему показали следственное дело. Отец Александр, уже находясь в лагере, был осужден вторично, потому что пел церковные песнопения накануне праздников и вокруг него группировались верующие люди, то есть он оставался пастырем даже в таких скорбных обстоятельствах. Ему вынесли второй приговор, и он был расстрелян. Осталась матушка

с тремя детьми безо всяких средств к существованию. Храм в Выселках не закрывался, и отец Димитрий, еще мальчиком, начал там работать за всех: за истопника, за пономаря — воспитывался в церковной среде. Мать всегда напоминала ему, что его отец священник. Когда же он поступал в 1946 году в возрожденные духовные школы, то так и написал: хочу продолжить дело погибшего отца. Его сокурсниками были архимандрит Кирилл (Павлов); протоиерей Валентин Радугин — церковный педагог и настоятель храма Сергия Радонежского в Рогожской слободе; ныне покойный Марк Харитонович Трофимчук — профессор Московской духовной академии и регент одного из академических хоров. Сначала занятия шли в Новодевичьем монастыре, потом духовные школы перебрались в лавру. Удивительную любовь к своей альма-матер они пронесли через всю жизнь, и, уже будучи священником, отец Димитрий всегда с большой любовью поминал своих наставников. В очень зрелом возрасте отец Димитрий был привлечен к преподавательской деятельности и несколько лет проработал в МДАиС. Он

Соборный храм Сретенского монастыря в XIX веке.
Художник Светлана Ивлева

благословил меня поступать в духовную школу, дал характеристику. Позднее мне довелось вместе с ним преподавать, хотя я даже мысленно не дерзал именовать его своим коллегой — для меня он всегда был отцом Димитрием. Особое уважительное отношение к нему было и у других членов нашей академической корпорации.

— Что было главной чертой отца Димитрия Акинфова как пастыря?

— Любовь к собратьям. Любой верующий человек — облеченный в сан или нет — был для него родным человеком. Отец Димитрий много лет, с 1975 года и до своей кончины, был настоятелем и в служебных отношениях привык начальствовать, но всегда проявлял внимание к молодым, любил монахов — особенно принимающих постриг в начале жизненного пути, всегда радушно принимал их на приходе иставил сослужить, обязательно приглашал на трапезу. Будущим пастырям важно

усвоить: никогда не смотри волком на своего собрата, не завидуй. У каждого свой путь, и если Господь судил нам вместе в одном потоке плыть, наверное, это не случайно, ведь Господь будет смотреть, как мы относимся к тем, с кем рядышком плывем. И, может быть, это будет главным критерием оценки нашей жизни. У отца Димитрия был этот дар — дар братского общения, при этом он сразу пресекал попытки елейного отношения: «Батюшка, тю-тю-тю». Помню замечательный случай: отец Димитрий стоит после отпуста, люди прикладываются к кресту, и подходит незнакомая женщина, начитавшаяся чего не надо, смотрит на него испытующе и спрашивает: «Батюшка, а вы отчитываете?» — она имела в виду отчитку одержимых. Он посмотрел на нее и сказал немного иронично: «Нет, я-то не отчитываю, а вот матушка моя здорово отчитывает». Женщина в недоумении отошла. Все «правила» церковного псевдоэтикета он сразу отмечал, и общение с ним всегда было простым, хотя, конечно, очень глубоким. Для нас, для молодежи, которая начинала свое служение в этом храме в конце 1980-х, он был эталоном. Один мой друг начинал там алтарником, сейчас он священник и всю жизнь прослужил в этом храме, занимается и общественной работой, и благотворительной. Надо отметить, что отец Димитрий очень редко за кого-нибудь ходатайствовал для рукоположения, а вот за этого человека ходатайствовал, и тот был рукоположен. А вообще отец Димитрий считал, что это воля Божия, и если суждено человеку, то не надо просить за него. Такое у него было убеждение. Отец Димитрий оказывал большое влияние на молодых священников, особенно из числа его духовных чад; у него многие учились, перенимали его манеру служения. Также хотелось бы отметить не только его удивительное чувство юмора, но и способность юмор применять к себе самому. Это разряжало напряженные ситуации, которые неизбежны в человеческих отношениях. Еще он любил служить один, говорил тогда: «Как хорошо сейчас послужил без диакона». Очень любил постные службы, как-то особенно в них погружался. Он жил богослужением, а это самое главное для пастыря. Потому что если ты не любишь службу, то и не надо тебе становиться священнослужителем. Приходи иногда в церковь, молись,

но выбирай себе другую профессию. Отец Дмитрий был профессионал в самом высшем смысле этого слова, он умел все.

Было у него и особо внимательное отношение к чтению в церкви: не дай Бог, кто-нибудь ошибется — высмеет, «двойку поставит». Он строго оценивал, кто как читает, поэтому читали все внимательнейшим образом.

Отец Дмитрий служил во многих храмах: одно время, недолго, — в храме Петра и Павла около Яузских ворот, потом в храме Петра и Павла в Преображенском — этот храм был снесен, и сейчас его восстанавливают. Там была кафедра митрополита Николая (Ярушевича), которого отец Дмитрий глубоко почитал и обязательно поминал на Николин день, зимний. Служил на Болгарском подворье (в храме Успения в Гончарах), в церкви Пимена Великого... Люди за ним переходили из храма в храм, но, я повторяю, никакой экзальтации, чрезмерного обожания не было — этого он никогда не поддерживал. Совершенно удивительное ощущение бывало после исповеди у него. Я не знаю, чем это объясняется, никаких особых слов не говорилось, но вот ощущение было какое-то особое. Отец Дмитрий умел сподвигнуть человека к покаянию, к откровенности, при этом никогда не углублялся ни в какие подробности. Подробности его не интересовали, он как бы утешал человека.

Еще меня всегда удивляли его формулировки во время проповеди. Он выходил и говорил: а мы с вами не храним... а мы вот иногда... И думаешь про себя: да какое там «иногда» — просто не соблюдаем... А у него была очень корректная форма выражения, побуждающая к тому, чтобы человек поразмыслил, потому что если человеку постоянно говорить, что он свинья, то он и захрюкает, а если, что он собака, то залает. А отец Дмитрий как-то спокойно говорил: вот мы с вами иногда не храним; а ты думаешь: может, это он иногда не хранит, а у нас ведь в каких-то моментах получается совсем полное отступление... И начинаешь думать: мы все грешники перед Богом.

Он никогда не возвышался, не выделял себя, был со всеми единым, но при этом каждый понимал, что ты — это ты, а он — отец Дмитрий. И дело здесь не в иерархии. Младшие собратья называли его батей — это одно из уважительных именований, все равно что древний авва.

Такой у нас был капитан, наш кормчий. Мог, конечно, и рассердиться, не без этого. Бывало, не знаешь, как подойти к нему, — такой сердитый. Но через службу, через богослужение как-то все миром разрешалось. Отношения с людьми всегда были очень патриархальные, неформальные. Провинился человек — вроде надо уволить, а куда он денется, куда он пойдет? Нет, говорит, не надо. Хотя от снисходительности была масса минусов, потому что за некоторые участки церковной жизни отвечали люди, на которых нельзя было положиться. Но это была живая жизнь, с покаянием, со взаимным прощением. Вообще, Хамовнический храм был удивительный, мы его называем народным храмом, всесословным, а костяк, когда мы туда пришли, составляли бабушки, и притом еще весьма крепкие. Это были те, кто из деревень приехал в Москву, строил метро, возможно, даже скрываясь от каких-то своих неприятностей, от властей. И вот они, тогда еще молодые девушки, искали себе храм, духовного окормления. Была и интеллигенция, еще старого закала, которая хранила все хамовнические предания.

— Каких еще священнослужителей вы помните?

— Из таких выдающихся пастырей, действительно выдающихся, хотелось бы вспомнить отца Тихона Пелиха. Он служил в Покровском храме в Акулове, был совсем старенький, и мне посчастливилось быть у него на исповеди. Я, конечно, мало что тогда понимал, помню, в первое мгновение даже пожалел, что нет молодого священника, а затем вдруг — особое ощущение от его молитвы за кающегося грешника. Это я запомнил на всю жизнь.

Конечно же, отец Иоанн (Крестьянкин), человек, рядом с которым реально ощущаешь, прошу прощения за избитость фразы, действие благодати. Такие же ощущения от общения с отцом Кириллом (Павловым). Но это встречи эпизодические, я никогда не был их духовным чадом. В нашем народе есть тоска по высокому идеалу. Мне приходилось наблюдать, как люди, увидев на телевидении отца Николая Гурьянова, плакали просто потому, что он есть. И люди эти отнюдь не были «жутко верующими», как говорят порой в народе; их общение с Церковью можно охарактеризовать скорее как эпизодическое, но тем больше поразил меня этот факт. Конечно, святыми все

быть не могут, но мне очень хотелось бы, чтобы каждый вступающий на путь пастырского служения помнил еще и о том, что собственного разочарования в личности пастыря люди этому пастырю едва ли простят.

— Какие впечатления у вас остались от времени перестройки?

— О перестроенном времени у меня остались очень противоречивые воспоминания. Пожалуй, самая определяющая ассоциация — наперстники, «разводящие лохов» на привокзальной площади («Кручу-верчу, денег выиграть хочу...»). И, конечно, политические наперстники, вешавшие с высоких трибун... В сухом остатке распад великой державы и миллионы соотечественников, русских людей, брошенных нами за пределами теперь уже не столь и необъятной Родины. Многие из людей моего поколения все чаще задумываются об этом, если их, конечно, интересует что-то, кроме материального благополучия или карьерного роста, хотя куда уж там рости, если большая и, полагаю, лучшая часть жизни уже прожита.

Но тогда мы были молоды, а поэтому счастливы. Встречали любовь, создавали семьи, радовались детям. Много говорили и много спорили. И не о том, кого куда назначили решением Синода, не о том, кто «залетел», а кто «пролетел». Проблемы решались глобальные! Послушать бы сейчас эти былые споры-разговоры!..

Полагаю, что об этом времени надо говорить особо, тем более что, похоже, перестройка — явление перманентное, как мировая революция по теории Троцкого. Будет у нас и перестройка-2. Похоже на то. А потому мне бы хотелось вновь вернуться к временам доперестроенным, к началу 1980-х годов.

Удивительное ощущение возникло, когда открылся Данилов монастырь. Это был настоящий прорыв. Когда там начались восстановительные работы, люди приходили по субботам и трудились. Потом была трапеза, в каком-то временном помещении, по-моему, под Троицким собором; потом шли на богослужение. Очень многих поражала служба и, конечно, личность первого наместника — это нынешний владыка Евлогий (Смирнов). В Москве до этого не было монастырской службы, была только приходская, а здесь и напевы, и распорядок, и уставные чтения, продолжительность самого богослужения — все другое. Мужчины стояли

справа, женщины слева, никакого движения по храму. И такая деталь: стояли вдоль стены лавки, на чтении кафизм можно присесть, потому что больно долго. Кованые подсвечники, иконы, стилизованные под Древнюю Русь... Это был настоящий осколочек Древней Руси.

Из людей старшего поколения помню, конечно, отца Даниила (Сарычева), ранее отца Иоанна, или, как он представлялся на дореволюционный манер, когда был в сане диакона, Ивана Сергеевича. Он всегда старался быть поближе к могиле Патриарха Тихона в Донском монастыре, бесстрашно рассказывал о нем в дни его памяти. Никто еще не отваживался, а он рассказывал людям о жизни и подвиге святителя Тихона, хранил память о нем, был одним из носителей старомосковского предания, человеком, который видел очень многое, застал церковную жизнь 1920-х годов, застал старый Данилов монастырь. И, конечно, люди вокруг него группировались, старались как можно больше услышать. Вопрос общения со священником сложный, ведь не всякий батюшка шел в советское время на контакт с молодым взыскующим человеком. Конечно, не отказывали и не отталкивали, но смотрели с осторожностью: кто такой, что надо, старались испытать. Сейчас этого нет: пришел человек — и говорят с ним просто. А тогда разные люди были, были такие, которых специально подсыпали приглядывать, это был не секрет, все об этом знали. Конечно, время тогда уже изменилось, но напряжение еще чувствовалось. А он говорил и никого не боялся — и люди слушали: так было интересно! 25 августа по новому стилю бывала всенощная на память святителя Тихона Задонского, потом панихида у гробницы Патриарха в Малом соборе Донского монастыря. По ее завершении духовенство уходило, оставался один отец Иоанн (впоследствии отец Даниил), произносил импровизированную проповедь. Долго он мог рассказывать, любил рассказывать. Всегда с удовольствием принимал семинаристов, когда мы, по обычаю, «путешествовали» по московским храмам. Всегда с каждым поговорит... Зря слова понапрасну не говорил, но раз уж говорил, то от души. И он строгий был, старой московской традиции.

— Архимандрит Тихон (Шевкунов) как-то привозил отца Даниила на службу в Сретенский монастырь,

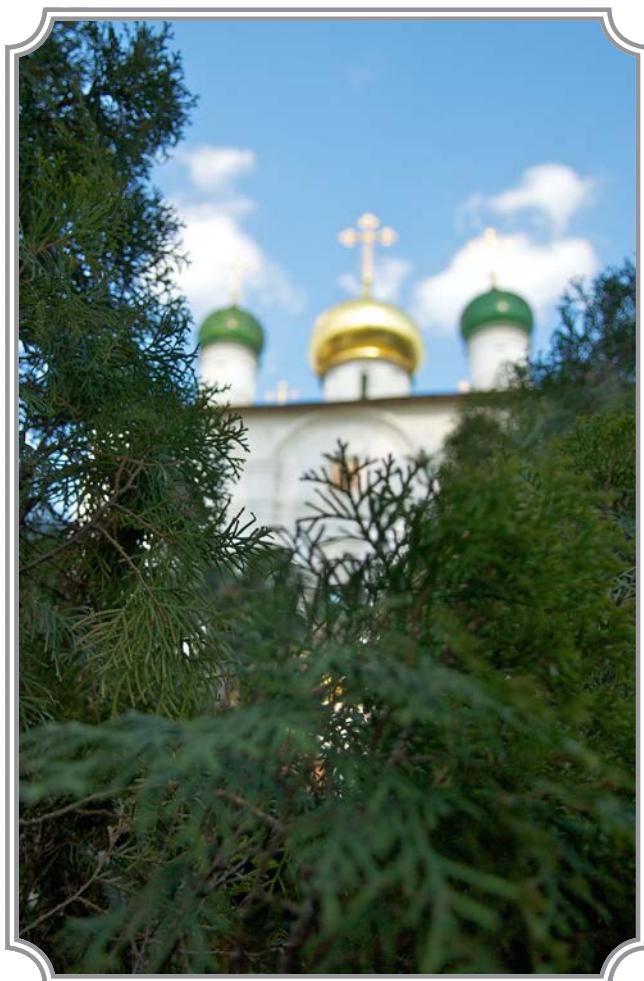
В воскресенье, на позднюю литургию, и когда отец Даниил вышел после службы, то прокричал на весь храм: «Мне так нравится ваш хор, прекрасный хор; наверное, лучше нет». За трапезой долго разговаривал, видно было, что от души.

— Да, значит, ему понравилось. Он не стал бы говорить, если бы не понравилось, а вот если душа поет и хочется поговорить о чем-нибудь для спасения души, то он мог долго говорить и рассказывать. У него непростая жизнь: он начинал как стремившийся к монашеству, был в послушниках, ушел в мир, потом опять вернулся в монастырь. В нелегкие времена сохранил верность Церкви, верность традиции. Многое знал по собственному опыту, и нам, нашему поколению, рассказывал о новейшей церковной истории, свидетелем которой сам был. Конечно, никаких политических выпадов не делал, никакой декларируемой оппозиционности — это снизило бы градус его повествования. Была просто история Патриарха Тихона, и все становилось ясно без каких-то комментариев.

— Многие знакомые с вами священники говорят, что если вы пройдете по центру Москвы, то сможете остановиться у каждого храма и что-то про него рассказать.

— Да, есть такое увлечение... В советское время мы этим жили. Ведь храмы были обозражены, перестроены или закрыты. Но они были, и нам хотелось узнать о них. А можно ведь ходить всю жизнь мимо храма и никогда не зайти внутрь. Я не забуду 1980-е годы, когда стали распахиваться двери храмов. Начиналась реставрация, передача и возвращение храмов. Двери, которые, казалось, навсегда заперты, вдруг открывались. Помню первую службу и освящение храма Живоначальной Троицы в Останкине. Сохранились росписи, иконостас, как будто этот храм никогда не закрывался. Было удивительное чувство.

А интерес к истории храмов проснулся в детстве благодаря бабушке, которая была москвичкой «с дореволюционным стажем», и отцу, который не был коренным москвичом, но глубоко вошел в московскую жизнь. Они пробудили во мне интерес к старой Москве. Потом самостоятельно стал искать книги, старые московские путеводители. Было неизвестно, такой-то храм есть или нет, я ехал и смотрел. Так началось мое вхождение в Москву.

Я убежден: будешь знать, если полюбишь, но если будешь стараться просто запомнить, выстроить в голове схему, забудется все. Только если ты что-то любишь, то это обязательно запоминаешь на всю жизнь, а для деталей есть специальные справочники. Источников информации тогда было очень мало. Мне сейчас часто хочется посадить наших семинаристов на голодный информационный паек, как было в советское время. Иоанна Златоуста мы брали читать на ночь, как берут популярный роман. Я, помню, читал те тома, в которых шесть слов о священстве и слова на низвержение царских статуй. Читал всю ночь, а утром уже надо было возвращать — это было строгое правило, потому что желающих было много. Эти слова на всю жизнь врезались в память. А сегодня стоят на полках книжки, и порой грустно становится, когда гляжу на их корешки: неужели я вас никогда не прочту? Не хватает на все времена. Впрочем, они стоят и греют душу. Слава Богу за все!

Пастырь должен быть современен Христу

Профессор
Лариса Ивановна Маршева

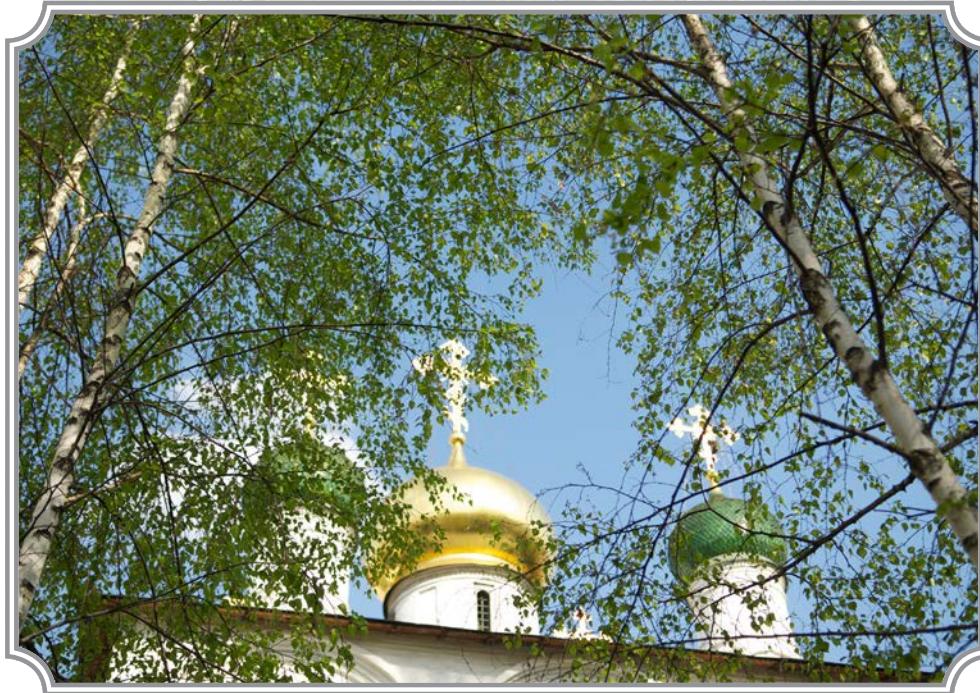
*Л*ариса Ивановна, как бы вы определили понятия о духовном образовании и духовном воспитании? Есть ли между ними различия?

— Понятия об образовании и воспитании, которые являются двумя важнейшими составляющими учебного процесса, родственны, взаимосвязаны — особенно в духовных школах. Несомненно и то, что в традиции христианской аксиологии образовывались, то есть формировались, и воспитывались — наполнялись, именно дух, душа. Человек образовывался, воспитывался, навыкал в молитве, благочестии, вере. С течением времени понятия об образовании и воспитании, не утратив связи, все же разошлись. Образование сейчас заключается прежде всего в овладении определенным количеством знаний, которые нужны человеку для осуществления дальнейшей деятельности. А воспитание признано к целенаправленному формированию личности

с тем, чтобы она была готова к полноценному, активному, результативному участию в общественной, культурной, религиозной жизни. Отмечу, что в этом определении, не говоря уже об этимологии и структуре слова *воспитание*, заложена процессуальность и даже начинательность. Человек воспитывается постоянно, непрерывно, и семинария, дающая богословское образование, является первой, начальной ступенью наполнения духа. Не могу не сказать, что в светских учебных заведениях сегодня в погоне за образовательными максимумами совсем забыли о воспитании. Получается, наполняя учеников знаниями, преподаватели, как это ни парадоксально, ничему их не учат. И именно духовная школа должна оставаться примером гармоничного сочетания в учебном процессе воспитания и образования.

— Можно ли все же говорить об историчности понятий духовного образования и воспитания?

— Разумеется, их суть и цель не могут подвергаться никаким изменениям. А вот средства,

условия должны динамично развиваться. Это касается набора предметов, качества их преподавания, технической базы и проч. Так, сегодня учащийся духовной школы не может обойтись без хорошего владения информационными технологиями, без твердого навыка научного труда, без знания иностранного языка.

— Какова роль духовника в жизни православного верующего? Может ли он обойтись без духовного попечения? Кем является духовник непосредственно для вас?

— Роль наставника для православных верующих огромная — и нам не обойтись без духовного попечения. Духовник — это надежный спутник человека по дороге к спасению. То, что я скажу, очевидно, но очевидно только тогда, когда ты сам почувствуешь это на собственном опыте: пастырь призван увидеть в каждом, кто к нему приходит, величайшую красоту образа Божия, которая никогда и ни у кого не отнимается. Порой сделать это очень непросто, ведь люди искалечены обстоятельствами, обременены грехами, поражены эгоизмом. А потом пастырь и его пасомый вместе, шаг за шагом удаляют все, что уродует вечную Божественную красоту, и помогают раскрыться ей во всей полноте. Что может быть важнее для чада и ответственней для духовника!

— Какой была ваша первая встреча со священником?

— Первый раз священника я увидела в возрасте трех лет — именно тогда меня крестили. И, пожалуй, это можно считать первым моим воспоминанием вообще, хотя, конечно, несовершенная память стерла многие детали... Таинство крещения совершил у нас дома друг папиного детства — тогда молодой иеромонах Никон (Матюшков). Я запомнила его чемоданчик, из которого он извлек блестящую епитрахиль, помню, как он очень ласково разговаривал с моими родителями, восприемниками и со мной: «Всегда помни, что Господь смотрит на тебя». И я стараюсь помнить — очень стараюсь. А еще в день моих крестин мы пили чай с вареньем из кизила. Разные варенья я едала, а этот вкус мне милее всего.

— Расскажите, пожалуйста, о вашем духовнике. Почему вы выбрали именно его в качестве своего руководителя?

— Спустя несколько лет после Крещения Господь сподобил меня встретить отца Василия. Он служил в храме Архангела Михаила, что находится в селе Кривополянье Липецкой области. Церковь возведена в 1805 году. В советское время она то закрывалась, то открывалась — по горячим молитвам и настойчивым ходатайствам местных жителей. Кстати говоря, они, изнуренные тяжелым колхозным трудом, искалеченные военным лихолетьем, никогда не забывали о том, что их жизнью руководит

воля Божия, и вообще не поддавались атеистической пропаганде. Впервые приехав в деревню летом 1982 года, я с детским удивлением увидела, что во всех домах были иконы, в том числе и старинные, передаваемые из поколения в поколение, ни одно дело не творилось без молитвы, отмечались все церковные праздники. Особенно поразила меня Пятидесятница, Троица — когда все дома с внешней стороны были украшены березовыми веточками, а на полу в избах лежала пахучая трава... В Липецкой области жили мои дедушка и бабушка. Они похоронили 32-летнего сына. И для того, чтобы иметь возможность читать Псалтирь, бабушка написала письмо в Московскую Патриархию с просьбой прислать ей эту книгу. Ей направили Псалтирь с письмом, где была подпись Патриарха Пимена. Долгие годы бабушка читала Псалтирь над усопшими односельчанами. Недавно она передала эту книгу, с потертостям, с неповторимым запахом деревни, следами от свечей, мне... Так вот бабушка привела меня в Архангельский храм, где хранится список чудотворной иконы Божией Матери Тихвинской, в день ее празднования — 9 июля, который с тех пор стал очень значим для меня. Там я познакомилась с батюшкой. Он и стал моим духовником. Понятно, что я его не искала

и не выбирала — по целому ряду причин: я была слишком мала, да и время тогда было еще советское. К батюшке я ездила много лет. Наше общение с ним раз от разу становилось все более серьезным, наполненным. Батюшка предпочитал личный разговор — письмам он не доверял. Сказывалась осторожность, выработанная в советские годы. Он вырос в много-детной крестьянской семье, в детстве много болел, любил ходить с бабушкой в храм, молился дома, втайне от родных и сверстников. Прошел войну, не раз его жизни угрожала опасность. Вроде бы ничем не приметная биография. Но он решил, что станет священнослужителем. Преодолев немало сложностей, он встал на пастырское поприще и был беззаветно предан Церкви, пастве — сельским жителям, нужды и чаяния которых он очень хорошо понимал. Меня, как я сейчас понимаю, он воспитывал — именно в том значении, о котором я говорила выше. Находясь в преклонных летах, он закладывал в меня — очень строго и очень ревностно — начальные основы христианской жизни. Поэтому для меня так важно, чтобы пастырь был терпеливо настойчив по отношению к людям, которые обращаются к нему. Несколько лет назад батюшка почил. Я молюсь за упокой его души, а он помогает мне на извилистых

путях моей жизни, которые иногда преодолеваются с большим трудом.

— Какова была роль вашего духовника в выборе вашей профессии и научной стези?

— Батюшка благословил меня стать учительницей — учить ребятишек русскому языку и литературе. Вот я и учу ребятишек! Только они уже не маленькие и готовятся стать священниками. Что касается занятий наукой, то к этому батюшка относился сложнее. Он, откровенно говоря, видел в ней мало пользы: «Ты просто читай интересные книжки!» Но в конце концов он понял, что исследовательская работа, защита диссертации важна для моего формирования, для моей дальнейшей деятельности — в том числе и педагогической. И когда у меня стало кое-что получаться на научном поприще, он сказал: «Ну ладно — пиши! Значит, способности есть!»

— Почему современным верующим порой трудно найти духовника?

— На самом деле это очень сложный вопрос, а ответ на него найти еще сложнее. Основная причина того, что верующие сегодня не могут найти наставника и страдают без водительства, коренится в трагическом пресечении традиции церковного благочестия и духовного наставничества. Наши современники очень эгоистичны, недоверчивы, непослушны и ждут быстрых, чудесных эффектов — они, много работая для материального благополучия, не способны

трудиться над формированием и возрастанием своей духовности. Но все это претит самой сути духовного окормления и зачастую делает жизнь людей безотрадной. «Отчего жизнь наша стала так нечиста, исполнена страстей и греховых навыков? Оттого, что весьма многие скрывают свои душевные раны или язвы, оттого они и болят и раздражаются и нельзя к ним приложить никакого врачевства», — писал святой праведный Иоанн Кроштадтский, и его слова с каждым днем приобретают все большую остроту. Многие ищут таких пастырей, которые, по их мнению, дадут самый точный ответ, самый верный рецепт и освободят от необходимости принимать собственные решения. Но опыт подсказывает, что иногда Бог посыпает человека, наставника, который необходим нам именно сейчас, — пусть и на очень короткий срок, даже одномоментно, чтобы мы утешились, задумались... Несколько лет назад я периодически, непродолжительно беседовала с один иеромонахом. А однажды он подарил мне картину с изображением Благовещения. Позднее я поняла, как нужны мне были беседы с батюшкой и почему он преподнес мне именно такой дар.

— Как бы вы, исходя из вашего опыта, охарактеризовали отношения «духовный отец — духовное чадо»?

— Если говорят о моем личном опыте, отношения «духовный отец — духовное чадо» — это прежде всего иерархический союз, основанный

Архиепископ Верейский
Евгений возглавляет
литургию в Сретенском
монастыре

Чин прощения перед
Великим постом

на безусловном доверии и послушании чада своему отцу. На послушании, которое я понимаю теперь как стремление слушать вместе — причем не только слушать но и слышать и не умом, а душой. Слышать постепенно, все отчетливей и отчетливей, слышать чутко, открыто, доверительно то, что совершают Святой Дух. Не навязывать советы и не слепо следовать им, а изо всех сил, благоговейно, несмотря на все трудности, не выходить из послушания Богу и следовать Его путями.

— Несомненно, что старчество является совершенно уникальным явлением в жизни Церкви и ее членов. В чем, на ваш взгляд, заключаются особенности миросозерцания и духовного попечения старцев о тех, кто страждет их советов?

— Старцы безошибочно, духовно слышат волю Божию о себе и о тех, кто приходит к ним. А для христианина нет ничего важнее следования воле Божией — на пути к спасению. Путь у всех разный, а цель — одна, всегда одна. А значит, старчество никогда не теряет актуальности и, остро чувствуя конкретное время, абсолютно внеисторично. Попечение старцев — это живительный источник, к которому нужно жадно приникать при любой возможности. Следует обращаться к их письмам, дневникам, проповедям... Знаете, я часто читаю прижизненные и посмертные издания архимандрита Иоанна (Крестьянкина).

Надо ли говорить, что я всякий раз нахожу в них нужные для меня слова. И поражаюсь тому, насколько по-настоящему цельным было его христианское сознание и как трудно нам — тем, кто обладает мозаичным, разорванным миросозерцаниям, понять и принять его наставления. Вообще, я считаю, что дискретность взглядов, их большая амплитуда, являясь объективной частью жизни современного человека, сильно вредят его духовности, физическому здоровью, языковой культуре и мн.др. (об этом мы не раз разговаривали с семинаристами). И еще: совсем недавно мне подарили портрет, на котором изображены отцы Иоанн (Крестьянкин) и Тихон (Шевкунов), со словами: «Пусть они за вами приглядывают». Это признание меня очень укрепляет.

— Ведете ли вы духовный дневник и что побудило вас к этому?

— Духовный дневник я вести стараюсь. Начала я это делать, будучи взрослым человеком. К записям меня побудили сугубо прагматические соображения: в повседневной суматохе и водовороте дел трудно удержать в памяти, зафиксировать все факты, помыслы и треволнения. К сожалению, вести дневник получается не так систематично и подробно, как хотелось бы. Между тем он необыкновенно дисциплинирует, а главное — через какое-то время, иногда довольно продолжительное, помогает заново

проанализировать поступки, слова и мысли, увидеть их в ином свете, отнестись к ним более трезво. Также немалую пользу приносит мне чтение дневников людей, который имеют большой духовный опыт. Одним из первых я прочитала «Духовный дневник» епископа Арсения (Жадановского). Много тогда меня задело в его словах, а особенно: «Не в силах ты помочь ближнему в скорби, несчастии, беде, — прими всю его скорбь в свое сердце и с ним поплачь, этим облегчишь его душевную тугу». С возможно большим вниманием и прилежанием я веду дневниковые записи в периоды постов — прежде всего Великим постом.

— Каково, по вашему мнению, значение систематического богословского образования в пастырском делании?

— Любой священник должен четко, непротиворечиво знать основы православной веры. Разумеется, необходимо ориентироваться в Священном Писании, Предании, святоотеческом наследии, осознанно владеть богослужебным языком, а главное — любить церковную службу, приступая к ее совершению со страхом и трепетом. Процесс постижения всего этого, конечно, во многом индивидуален и определяется опытом. Но, кажется, что в настоящее время стационарное образование просто необходимо. Ребята до поступления в семинарию, конечно, обладают определенными знаниями,

но они зачастую характеризуются, с одной стороны, недостаточностью и фрагментарностью, а с другой — пестротой и даже известной ошибочностью. И именно в духовной школе учащиеся получают начальные, целостные — хочется это подчеркнуть — сведения о православном богословии. К тому же современные реалии таковы, что пастыри очень много, очень разновекторно общаются с инославными, осваивают новые миссионерские формы, все органичней интегрируются в общественную жизнь, образовательное пространство и т. п. И это уже диктует необходимость не только основных, фундаментальных знаний, а побуждает к постоянному самообразованию.

— Кто такой преподаватель духовной школы? Должен ли он принимать участие в воспитании будущих пастырей?

— Преподаватель должен быть профессионалом в своей научно-педагогической области. И в этой связи необходимо сочетать знание образовательных традиций и инноваций, строго следовать принципам научности. Вместе с тем учащие в духовной школе должны принимать деятельное участие в воспитании будущих пастырей. Мы обязаны служить примером для своих студентов: во внешнем виде, поступках, словах, молитве. Сохраняя незыблемость иерархических отношений, преподаватели духовной школы должны стать старшими

товарищами, друзьями, соратниками студентов, которые часто хотят услышать от своих педагогов ответы не только на учебные вопросы. Замечательно, что в Сретенской семинарии созданы условия для внеаудиторного общения учащих и учащихся. Разговоры, которые происходят в поездках, антрактах, на тематических встречах, позволяют разглядеть друг друга, понять, простить, что-то переоценить. Один студент спросил мое мнение о давнишнем фильме, который получил современное продолжение. Его вопрос был настолько метким, взрослым, что, отвечая, я едва сдерживала слезы. То же было, когда семинарист-первокурсник попросил меня научить его принимать решения. Надолго в моей памяти останется и панихида на могиле Петра Багратиона, когда мы все вместе на пронизывающем, ледяном ветру Бородинского поля молились за упокой душ погибших воинов. От подобных вопросов, бесед, поездок, таких разных, но таких важных, нельзя отмахиваться, к ним нельзя относиться снисходительно, ведь наряду с формированием ребят идет и наше воспитание. К тому же надо всегда помнить о своей большой ответственности, поскольку преподаватель духовной школы является учителем будущих священнослужителей. Мой друг обратил мое внимание на очень емкое высказывание небесного покровителя Сретенского монастыря и семинарии, священномученика Илариона (Троицкого) (оно помещено при входе в здание нашей духовной школы): «Преподаватели с учителями — воспитателями, и вся администрация со студентами составляет собой не учебную корпорацию в обычном смысле этого слова, но духовное братство, объединенное строгим послушанием начальнику и общей взаимной любовью. Учителя в семинарии мыслят себя не только преподавателями наук, но и духовными руководителями питомцев в христианской жизни и в приготовлении себя к пастырскому деланию»...

— Чему прежде всего вы хотите научить семинаристов — как будущих пастырей?

— Помимо того, что учу их церковнославянскому, русскому языкам, научной методологии,

я хотела бы, чтобы они, впрочем, как и все христиане, обрели силу любить так, как этого ждет от нас Господь: бескорыстно, терпеливо и постоянно. В этом состоит самая первая и самая перспективная цель семинарского образования и воспитания.

— Как христиане сегодня должны реагировать на внешние обстоятельства и вызовы современности?

— Мне представляется, что в первую очередь они должны реагировать осторожно, поверяя временные обстоятельства и вызовы вечной евангельской истиной. Необходимо, чтобы их позиция была всегда стойкой, взвешенной и грамотной. И этому они должны учить своих чад. Церковь Христова вечна, а общество, в соответствии с вполне объективными законами, изменчиво. Члены Церкви, сохраняя незыблость веры, не могут находиться в социальном и информационном вакууме. Следовательно, живя в современном обществе, все мы должны, вопреки его соблазнам, оставаться достойными, светлоплодовитыми рассадниками слова Христова.

— Каким вам видится современный пастырь?

— Пастырь сегодня, как и всегда, должен быть современен Христу. А потому священникам необходимо непрестанно радеть о своем даровании — о служении Церкви, высочайшем и бесконечном, радостнее и прекраснее которого нет. Об этом в своих проповедях, обращенных, в том числе и к семинаристам, часто говорит архимандрит Тихон (Шевкунов). Он подчеркивает: «Всякая добродетель и сила Божия — это счастливая возможность улучить в нашу душу некое семя вечной жизни, семя мудрости, семя дара рассуждения, семя смиренния и семя строительства Церкви. И нам дается возможность приложить нашу ревность, наши способности и таланты на этом благословенном поприще». Я убеждена, что только при этом условии пастырь сможет показать своим пасомым пример искренней любви, истинного покаяния, навык непрерывного внутреннего трезвения, а главное — он научит их соотносить каждый свой шаг с непреложными ценностями евангельских заповедей, следование которым ведет к спасению.

Современный человек способен на христианский подвиг

Иеромонах Иоанн (Лудищев)

Отец Иоанн, как вы пришли к Богу?

— Первое прикосновение к вере, но тогда еще мало осознанное, произошло, когда я учился в девятом классе. Мы с мамой и некоторыми из родственников приняли решение креститься. Это произошло 27 января 1990 года — в день равноапостольной Нины, в Никольском храме села Царево Московской области, который находится недалеко от города, где мы жили. Конечно, хотелось тогда многое узнать о вере, но в храме из книг продавался только молитвослов. Помню, я упросил маму его купить. Но понять ничего не мог и только через годы вернулся к нему. По окончании школы я поступил в Медицинский институт имени Семашко. Недалеко находился храм Преподобного Пимена Великого. Один из его служителей, наверное, разнорабочий (я всегда вспоминаю его с большой благодарностью), подарил мне книгу «Луг духовный». Это была первая святоотеческая книга, которую

я прочитал и которая тогда сильно повлияла на меня.

— Как вы познакомились с отцом Тихоном (Шевкуновым) — наместником Сретенского монастыря, ректором Сретенской духовной семинарии?

— С отцом Тихоном я познакомился тогда, когда он был в Донском монастыре. Я же учился на втором курсе института, и у меня в то время появилось сильное желание монашеской жизни. Мне посоветовали съездить в Троице-Сергиеву лавру к отцу Кириллу. Я съездил и поговорил с ним, рассказал о своем желании. Он благословил меня идти в Донской монастырь. Но мне тогда казалось: «Ну что такое городские монастыри?...» И я упросил его благословить меня на Валаам, о котором много читал в журнале «Литературная учеба». Но... мои родители никуда меня не отпустили. Дошло до того, что какое-то время я даже перестал ходить в церковь. А потом пошел на исповедь в Донской монастырь, подумал о первом благословении отца Кирилла. И попал к отцу Тихону...

— Расскажите немного о вашем светском образовании.

— Как я уже говорил, я закончил Московский медицинский стоматологический институт имени Семашко, лечебный факультет, а также ординатуру по инфекционным болезням. Я обучался вместе с нашим монастырским врачом — Натальей Юрьевной Тарасовой. Она тогда была аспиранткой.

— Понятно, что в монастыре на вас возложили послушание врача...

— Для меня очень ценно, что за прошедшие годы я познакомился со многими врачами, ведущими специалистами города Москвы. Их консультации, советы помогли нам в лечении братии, студентов и прихожан.

— Как отнеслись родители к выбранному вами жизненному пути?

— Они очень переживали. В монастырь я пришел в июне 1999 года, сразу по окончании медицинского института и ординатуры. Поселили меня вначале в пятиместную келью,

потом, когда построили новые корпуса, я жил сначала с отцом Симеоном, позднее — один. Первые мои послушания были общие. Ведь именно тогда началось масштабное восстановление монастыря. Старые корпуса ломались, и мы, послушники, отбивали цемент от кирпичей. Потом я трудился на книжном складе. Когда моя мама увидела меня с пачками книг (это было вскоре после прихода в монастырь) — для нее это был шок. Ей было трудно смириться с мыслью, что я пошел не по тому пути, который она мне прочила.

— Чем запомнилось первое время вашего пребывания в монастыре?

— Почти сразу после моего прихода Сретенская обитель начала сборы помощи в Чечню, что делалось не раз. И мы вместе с Натальей Николаевной Лебедевой, нашим монастырским врачом, принимали и раскладывали лекарства, чтобы подготовить их к отправке. Потом я работал в бухгалтерии. По ночам мы непременно читали Псалтирь. Вспоминаю, как-то пришел ночью в храм, где тогда читалась Псалтирь, был очень уставший. Пришел Павел (сейчас отец Феодосий), который был тогда келейником наместника, и я попросил его помочь. Он спокойно, очень дружелюбно мне помог почитать синодики — меня тогда это внутреннее спокойствие очень поразило. А еще по вечерам мы часто ходили с послушником Валерием (ныне монах Николай) вокруг храма, рассказывали друг другу о своей жизни. Осенью 1999 года послали нас на картошку в Серафимов скит. Собирали, а потом и перебирали ее там вместе с послушником Николаем (ныне игумен Амвросий). Он запомнился тем, что читал после тяжелого трудового дня — без всяких для себя поблажек, Евангелие, Апостол.

— А потом, в 1999 году, вы попали в первый набор Сретенской духовной школы.

— Да, мы начали учиться с октября 1999 года. Братия с большой радостью взялась за учебу. Для меня это была возможность открыть мир веры, духовной жизни и наверстать то, что было мною упущено за годы обучения в светском вузе. Для братии это было особое время. Вначале нас училось 26 человек (из них 18 — из братии). На втором курсе нас осталось 19, на третьем — 17, на четвертом и пятом — 16. Закончили семинарию в 2004 году, это был

Причащение на Голгофе.
2005 год

самый первый выпуск, 15 студентов. Некоторые защищали свои дипломные работы гораздо позже.

— Кто тогда преподавал в Сретенской духовной семинарии?

— Отец наместник преподавал у нас Священное Писание Нового Завета на втором курсе и пастырское богословие — на четвертом курсе. Он много рассказывал на примере своего личного пастырского опыта. Все преподаватели, которые трудились и трудятся у нас, являются ведущими специалистами в своей области. Нам читали циклы лекций академик РАН Игорь Ростиславович Шафаревич, профессор Алексей Ильич Осипов, епископ Афанасий (Евтич). Не могу не сказать о том, что из-за стройки нас часто снимали с занятий разгружать кирпичи. Но время было незабываемое!

— Когда состоялся ваш иноческий, монашеский постриг, рукоположение?

— На вечерней службе 18 ноября 1999 года — в день памяти святителя Ионы Новгородского, нам с нынешним отцом Симеоном надели подрясники. В этот день много лет назад погиб отец Рафаил (Огородников), и это день смерти Валентины, духовной дочери отца Иоанна (Крестьянкина). Батюшка сказал нам, что это наши молитвенники в монашеской жизни. Отец Тихон вручил нам тогда наставление (памятку)

ионкам. 7 сентября 2001 года, на всенощном бдении праздника в честь Владимирской иконы Божией Матери, я стал иноком — вместе с послушником Павлом (теперь отец Феодосий) и послушником Владиславом (иеромонах Симеон). Постригал нас архиепископ Алексий Орехово-Зуевский.

В монашество меня постригали 2 января 2003 года на вечерней службе. 6 апреля 2003 года совершилось рукоположение в иеродиаконы (хиротонисал меня митрополит Сергий в Елоховском соборе). 28 декабря 2003 года, на праздник священномученика Илариона, архиепископ Алексий (Фролов) рукоположил меня в иеромонахи. Помню, после Рождества братия поехала в скит, и там я служил часть сорокоуста. Вспоминаю там ночную службу на праздник Богоявления и водосвятный молебен на пруду.

— Расскажите, пожалуйста, о тех паломничествах, в которых вам довелось побывать.

— В конце июня 2002 года братия и студенты ездили в Вышу, на перенос мощей святителя Феофана Затворника из Эммануиловки. Был крестный ход, служил Патриарх Алексий II.

В мае 2003 года мы всей братией съездили в Италию. Для многих из нас это была первая поездка за границу. Побывали мы у святителя Николая Чудотворца и в римских катакомбах. В Ватикане нам вынесли мощи апостола

Петра, и мы приложились к ним. Поднимались на коленях по лестнице, по которой вели Иисуса Христа на суд к Пилату. В 2004 году, после Пасхи, поехал вместе со студентами, с братией в Иерусалим. В августе 2004 года до сентября нас с отцом Киприаном и отцом Феодосием направили сопровождать мощи великомученицы княгини Елизаветы Феодоровны и инокини Варвары по Дальнему Востоку. Впоследствии нам также довелось посетить святыни Египта, Константинополя, Сербии.

В ноябре 2007 года отец Тихон взял нас с отцом Симеоном с собой в поездку в Псково-Печерский монастырь. Ехали на день памяти отца Рафаила, старого его друга и наставника (везли новый крест). И, конечно, хотели помолиться у отца Иоанна. Ехали на поезде до Пскова, там нас уже ждал Юрий — водитель отца Тихона. Прибыли в Печоры, отец Гавриил — благочинный, проводил нас в кельи иеросхимонаха Симеона, архимандрита Иоанна. Также мы служили литию в пещерах. Отец Тихон навестил отца Романа (Жеребцова), бывшего наместника Псково-Печерского монастыря, и передал ему большую коробку с продуктами. Потом съездили в наш домик под Печорами. Побывали и на самых глухих приходах епархии. Встретились с отцом Виктором (иеромонах Нил), поехали в деревню Боровик, там

храм на кладбище. При церкви живут отец Филагрий и монахиня. В тот же вечер отец Тихон на лодке с отцом Виктором поплыл к отцу Роману (Матюшину) — известному в недавнем прошлом исполнителю духовных песнопений. Сейчас он живет пустынником, ни с кем не общается — показывает что-то только знаками. Он сам позвал приехать отца Тихона. Мы с отцом Симеоном и Юрий остались на приходе, ночевали в комнате на колокольне без окон и люком вместо двери и с утра тоже поехали на моторной лодке к отцу Роману. У него живут кошки и очень сыро, и у отца наместника начались приступы бронхиальной астмы, которые долго потом не проходили. Отец Роман показал нам храм и постройки. Объяснялся знаками или писал. Потом поехали на приходское кладбище, где похоронен отец Рафаил, установили новый крест, отслужили литию и вечером поехали в монастырь на поезде. Там было решено снова возродить братские службы, когда причащается вся братия, и проводить их теперь в восемь часов утра (до этого они былиочные).

— Вы упомянули о братских службах...

— Это совершенно особая часть братской жизни. Проходят службы раз в неделю, сначала они, как я уже сказал, былиочные, а потом стали их служить в обычное время: утром,

в восемь часов. На них причащается вся братия (монахи, послушники) — как правило, в алтаре, в диаконской части. Великим постом они бывают в шесть часов вечера. В этот день никто не вкушает пищи, порой даже и после литургии Преждосвященных Даров — вплоть до субботы.

— Возможен ли, по-вашему, аскетизм в современной жизни?

— Духовная жизнь возможна для человека во все времена. Смирение, кротость, терпение — тоже. Это безусловно. Нельзя представить себе ситуации, когда молитва оказывается неуместной. Промысл Божий действует во все времена. Следовательно, его познание, переживание жизненных ситуаций, молитва будут всегда. Ревность служения Богу также сохраняется во все времена. А значит, и современный человек способен на христианский подвиг.

— Может ли монах дружить с кем-то?

— У всех по-разному. Кто-то больше пребывает келейно. А, например, святитель Игнатий (Брянчанинов) и его друг — схимонах Михаил (Чихачев) — были единомысленными, всегда держались вместе. Кому-то общение требуется очень сильно — оно их поддерживает.

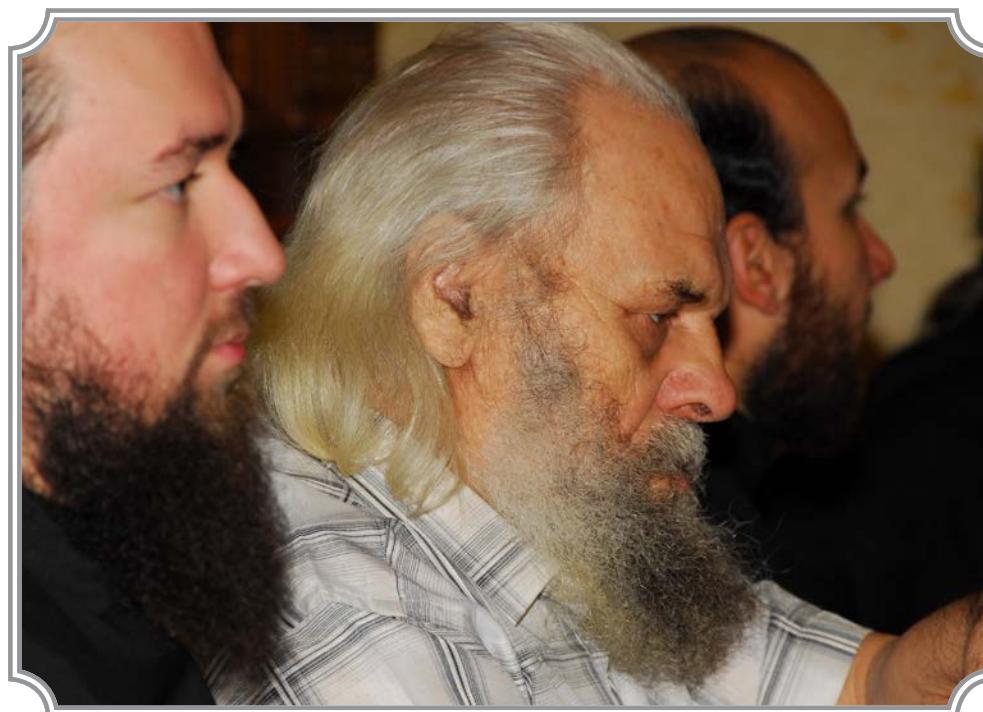
— Каким вспоминается вам скончавшийся в 2010 году иеродиакон Макарий (Лободюк)?

— Вспоминаю его с любовью и теплотой, но это трудные воспоминания. Он очень

страдал в последние годы от физического недуга. ...Страстная седмица 2008 года, Великая Пятница, вечер, у него было сильнейшее кровотечение. Когда я пришел к нему, увидел: вся раковина и стена были в крови. Уложил его, вызвал «скорую», позвал отца Амвросия, чтобы он поставил капельницу. Отец Амвросий принес с собой Святые Дары, причастил отца Макария, тот слабел прямо на глазах, говорил, что его звал отец Исаия (уже скончавшийся) и Пасху он не переживет. Вместе со студентами на носилках перенесли отца Макария в машину скорой помощи и поехали в шестую больницу. В машине у отца Макария несколько раз кровь шла через рот. В больнице доктор его долго осматривал, потом пришел врач из реанимации и сказал: «Он может умереть в любую минуту». На следующий день отец наместник поехал причащать отца Макария в реанимацию. Причащали его и потом — ежедневно. Со временем его перевели в 20-ю больницу, где занимались его патологией. Отец Макарий не унывал до самого конца, держался, шутил. Умер он в августе 2010 года.

— Одним из старейших насельников Сретенского монастыря был монах Исаия. Поделитесь своими воспоминаниями о нем.

— Монах Исаия вспоминается мне с самых первых дней моей жизни в обители. Тогда мы звали его Илья Данилыч. Вспоминается покос

Отец Николай с монахом
Исаией

в скиту: он с граблями ворошил вместе со всеми сено. Но чаще всего, конечно, мне приходилось общаться с ним по поводу его лечения. Он родился в 1926 году, все родственники его были баптисты. Он же в их собраниях не участвовал. Рано был призван в армию — в 16 лет. Когда их везли на фронт, эшелон был обстрелян, все разбегались, некоторые прятались в стогах сена, где их потом находили мертвymi, но без ран. Он говорил, что люди умерли от страха. Рассказывал о голоде во время войны. Как кашу клал в карман и бежал в окопы, как к немцам ходили есть и те их угощали. Он перенес тяжелую контузию, операцию на задней черепной ямке. После этого был переведен на Дальний Восток. Охранял китайцев. После войны женился, дочка родилась. Жизнь в семье не сложилась, все оставил и ушел. Жил какое-то время в Печорах, уходил и возвращался снова. Трудился с отцом Рафаилом на приходе. В молодости был очень крепким. Однажды он поздно возвращался в Печорский монастырь и на него напали трое, стали что-то требовать, он быстро одного схватил за шею, а остальные бросились врассыпную. Духовным отцом его там был архимандрит Серафим (Розенберг), он его об этом просил и тот, по его словам, не отказал. В последнее время отец Исаия много болел, его мучили высокое давление, старая контузия, головокружение. Лежал два-три раза в год в больнице. И знаете, врачам от него иногда ой как доставалось. Благодаря ему — за несколько лет до его смерти, крестилась его престарелая сестра. Несмотря на свои болезни, он всегда читал келейно Евангелие, Псалтирь — это вспоминается. Последние годы за ним ухаживал иеродиакон Матфей — он больше других был его келейником.

— Кто повлиял на ваше духовное формирование?

— Конечно, были встречи с разными людьми, но самым важным человеком в моей жизни стал отец Тихон. Он помог мне пережить немало трудных ситуаций. Его большой пастырский опыт удержал меня от многих необдуманных поступков. Благодаря ему я на многое взглянул иначе.

Безусловно, огромное влияние оказали на меня мои родители, которые всю жизнь старались заложить в меня все самое хорошее.

У нас в монастыре часто останавливались и останавливаются монахи, священнослужители

из других монастырей и приходов. Особенно вспоминаются архимандрит Роман, бывший наместник Псково-Печерского монастыря, который приезжал для лечения, схиархимандрит Авель — наместник Иоанно-Богословского монастыря под Рязанью, который долгое время жил на Афоне, архимандрит Антоний (Гулиашвили) из Тбилиси, к которому мы часто приходили в гости в перерывах между лекциями. И вообще, с нами рядом находятся удивительные пастыри, у которых многому можно поучиться. У владыки Вениамина (Федченкова) есть воспоминания об отце Иоанне Кронштадтском: когда он учился в академии, его окружали замечательные люди, а он, к сожалению, этого не понимал сполна. И владыка пишет: «Так было и с отцом Иоанном. По всему миру славилось имя его. И мы, студенты, знали об этом. А теперь мы и живем рядом с Кронштадтом: через час-два можно было быть в гостях у отца Иоанна... Но у нас, студентов, и мысли не было об этом. Что за загадка? Нужно сознаться, что внешность религиозная у нас продолжала быть еще блестящей, но дух очень ослабел. И «духовные» сделались мирскими. Чем, например, интересовались сначала мы, новые студенты? Неделями ходили по музеям, забирались под самый верх купола Исаакия, посещали театры, заводили знакомства с семейными домами... Лекциями интересовались очень мало». И вот уже мы порой совсем не замечаем удивительных людей, которые нас окружают, посещают наш монастырь, семинарию, и проходим мимо них.

— Не могли бы поподробнее рассказать об архимандрите Антонии (Гулиашвили)?

— Это всегда желанный гость в нашем монастыре и семинарии. В январе 2005 года ему сделали сложнейшую операцию на сердце. Положили его в кардиохирургический центр, оперировал один из ведущих специалистов — профессор Жбанов. Операция прошла успешно, батюшка шел на поправку, но потом начались очень серьезные осложнения. И его состояние стало резко ухудшаться — да так, что врачи опасались за его жизнь. Он долго лежал в реанимации, был на аппарате искусственного дыхания. Никто из докторов не верил, что он выживет. Батюшка Тихон покупал ему очень дорогие лекарства. И, конечно, причащал отца Антония — каждый день. И слава Богу, он поправился.

— Вам довелось встречаться с отцом Иоанном (Крестьянкиным). Что запомнилось наиболее отчетливо?

— Помню, что перед постригом в монашество мы с нынешним отцом Симеоном писали письмо отцу Иоанну, в котором просили благословить выбранный путь. И еще: незадолго до смерти батюшки мы — опять-таки с отцом Симеоном, ездили в Псково-Печерский монастырь. Тогда уже практически никого не допускали до отца Иоанна, он тяжело болел, почти не говорил. Но нас провели к нему, и он помазал нас святым маслом. Все это очень утешительно и с большой благодарностью вспоминается сейчас. 5 февраля 2006 года батюшка скончался. А седьмого вся сретенская братия приехала в Псково-Печерский монастырь для прощания.

— Вы являетесь проректором Сретенской духовной семинарии. Что значит для вас это послушание?

— На это послушание меня поставили в январе 2005 года (тогда же я стал и благочинным монастыря). Это было совершенно новое, совершенно незнакомое для меня дело. Я очень благодарен отцу ректору, который мне оказал

огромную помощь и поддержку в начале моего вхождения в это многомерное послушание. Ведь оно складывается из слаженной работы разных механизмов и разных коллективов — преподавателей, студентов, дежурных помощников, духовников курсов и руководства семинарии. Это учебный процесс, воспитательная работа, послушания. Понятно, что к нам приходят совершенно разные ребята: взрослые люди, отслужившие в армии, получившие высшее образование, и вчерашние школьники, из разных семей, с разным интеллектуальным и культурным уровнем, разной степенью воцерковленности.

Конечно, результатом работы семинарии является то, кого она выпускает из своих стен, что вкладывает в своих воспитанников. За двенадцать лет существования состоялось семь выпусков, в этом году будет восьмой. Самое главное, что большинство наших воспитанников, обзаведясь семьей или приняв монашество, становятся священнослужителями и трудятся на ниве Христовой в разных епархиях Русской Православной Церкви — буквально

по всему миру: Московская, Рязанская, Вологодская, Екатеринодарская, Оренбургская, Южно-Сахалинская, Берлинско-Германская и Великобританская и другие епархии. Наряду с богослужебным они несут и иные послушания: трудятся в епархиальных семинариях, воскресных школах, занимаются социальным, тюремным служением, церковной благотворительностью, работают на телевидении, в музеях... Целый ряд воспитанников нашей духовной школы стали надежными помощниками для отца Тихона и работают в семинарии, изательстве, редакции Интернет-сайта, казначействе Сретенского монастыря, в Патриаршем совете по культуре, Церковно-общественном совете по защите от алкогольной угрозы. Многие наши выпускники продолжают богословское образование и учатся в Московской,

Санкт-Петербургской духовных академиях, Общецерковной аспирантуре и докторантуре. Все это очень важные итоги работы семинарии.

— Как вы считаете, нужно ли наказывать студентов?

— Нужно разумно подходить к наказанию. Порой необходимо наказать, но надо уметь и вовремя простить. И еще необходимо помнить: наказание — вещь сугубо индивидуальная. Ведь слишком суровое прещение может надломить человека.

— Нужно ли служить в современной армии?

— Если человек хочет служить — конечно. Некоторые священники окормляют армию, военнослужащих — это очень важное служение. Обязательно или нет, чтобы священнослужитель сам прошел армию? Наверное, это хорошо, но не обязательно. Многие замечательные пастыри ни разу не надевали военную форму, но несут свое служение в сложнейших боевых условиях, совершают геройские поступки. И это тоже необходимо учитывать при воспитании семинаристов.

— Что является главным для семинариста во время учебы?

— Понимать главное, к чему он готовится — быть священником. Все, чем наполнена жизнь семинариста, все должно воцерковлять его: конечно, служба, конечно, учеба, конечно, послушания.

Важной частью нашей жизни являются еженедельная исповедь, общесеминарские службы, на которых все причащаются.

— Как студенту духовной школы принять верное решение, связанное с выбором жизненного пути?

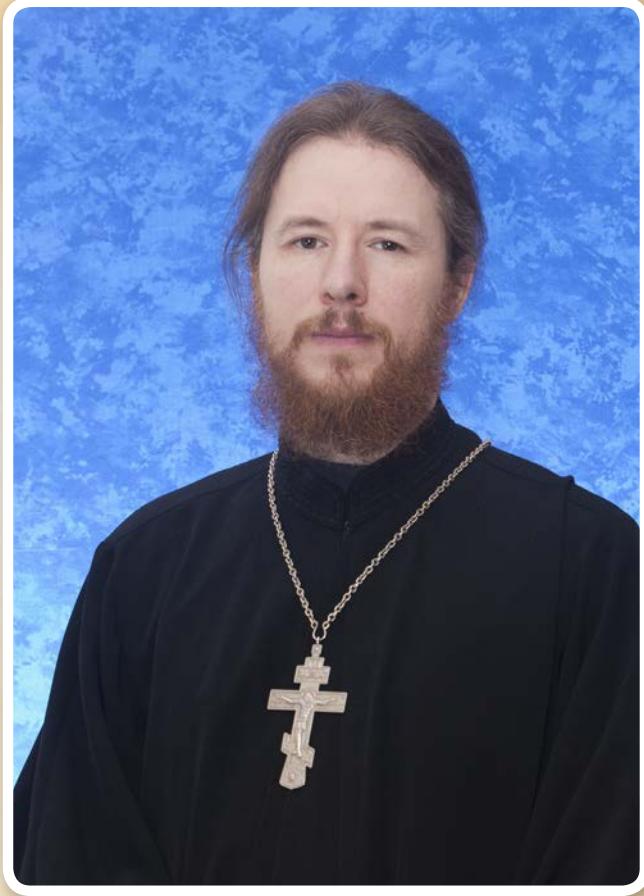
— Не стоит спешить. Весь семинарский ритм, вся наша жизнь настроены для того, чтобы такое определение непременно состоялось. Напряженная учеба, аудиторное и неаудиторное общение с преподавателями, послушания, встречи с интересными людьми, постоянное наблюдение за собой, причастие, исповедь у духовника, возможность советоваться с опытными батюшками — все это много значит для становления личности и, несомненно, позволит встать на правильную жизненную стезю.

*Воспоминания
выпускников
2011 года*

Никакое знание не проходит бесследно

Священник Тихон Кречетов

Отец Тихон, как складывалась ваша жизнь до прихода в семинарию?

— Я окончил английскую спецшколу № 31 еще в брежневские времена. Это была известная школа в центре Москвы, со мной в школе учились Федор Бондарчук, некоторое время Степан Михалков, дети других деятелей культуры, и отношения в школе были более-менее либеральные. Но когда встал вопрос о принятии в октябре, а тогда принимали всех, то родители меня в этот день в школу не пустили, хотя через некоторое время мне все-таки звездочку повесили... Потом, когда стали принимать в пионеры, первым как самого тихого и безобидного решили выдвинуть меня. Но пионером я быть отказался, и меня вызвали к пионервожатой, задавали вопросы: почему не желаю, не оказываю ли давление родители. Я же из семьи священника. И это был первый опыт исповедания моей веры. После школы я выбрал техническую специальность, окончил

с отличием автодорожный институт, стал инженером-электромехаником и пошел работать в оборонную промышленность — Минмонтажспецстрой. Мы конструировали старты космических и баллистических ракет, точнее, автоматику для этих стартов. По инженерной специальности я работал до 90-х годов, потом началась перестройка, ГКЧП, начался так называемый кризис неплатежей и в военных отраслях перестали платить зарплату. Мне пришлось сменить профессию. Работал и в лицее, и в Министерстве внешнеэкономических связей, а потом занялся производственно-коммерческой деятельностью — производством и продажей компьютерных изделий. Отработав так достаточно долгое время, я получил должность старшего менеджера. Затем вновь сменил работу — стал директором по маркетингу в транспортной компании. Но это была как бы внешняя сторона жизни. Параллельно ей в человеке всегда идет внутренняя жизнь. Не знаю, уместно ли об этом здесь говорить,

но в школьные годы я очень увлекался восточными единоборствами. Занимался упорно, четыре дня в неделю, мистический ореол сиял вокруг восточной философии... Но по милости Божией через мою бабушку впервые я встретился с «Добротолюбием», и это было где-то к концу школы. Всё во мне тогда перевернулось, прелесть восточных учений погасла для меня сразу. Во время учебы в институте и в первые годы после окончания были такие периоды, когда я жил один, можно сказать, затворником: возвращался домой, затеплял себе лампадочку перед иконами... и хотя жизненный поток нес меня дальше, но где-то в глубине души духовное семя прорастало.

— Наверное, не стоит спрашивать, как вы пришли в Церковь, потому что вы выросли в церковной семье, можно сказать, в церковной ограде. Что привело вас в семинарию?

— Сначала я считал себя недостойным этого пути. Но однажды мой батюшка взял меня и моих детей к отцу Николаю Гурьянову на остров — он часто ездил к старцу причащать его. И я решил: получу благословение для своих детишек, двое их у меня тогда было. И когда приехали туда, то я даже не решился заходить к старцу, а отправил одних детишек, сам остался снаружи. Через некоторое время мне говорят: «Батюшка тебя зовет». Меня позвали, и после беседы с ним монахиня пояснила мне слова отца Николая: «Батюшка говорит, что тебе нужно пахать ниву церковную». Но это настолько не соответствовало течению моей жизни, что я усомнился. А батюшка надел мою шапку: «Вот так хорошо». Как гражданская выглядит, кепочка. А назад повернулся — как скуфья получается: «И так хорошо». В то время я находился на управленческой работе и хотел пройти хороший курс менеджмента. Но я понял, что если не приду в Церковь, то потеряю что-то главное, ведь прошло уже так много времени, и надо было срочно идти по пути, указанному отцом Николаем. Тут у меня все сложилось как бы одновременно — мой батюшка благословил меня. «Подавай, — говорит, — заявление в семинарию». И, не откладывая, я подал заявление.

— А почему именно в Сретенскую семинарию?

— Во-первых, отзывы хорошие о семинарии, во-вторых, она при монастыре, что само по себе хорошо; третий довод состоял в том,

что я рядом живу и не имею возможности часто ездить в лавру, бросать работу нельзя — надо кормить семью: у меня было шестеро детей и жена в декретном отпуске.

— Наверное, помните ваши вступительные экзамены, собеседование?

— Помню, был вопрос «Образ и подобие Божие», казалось бы, все понятно, но чтобы дать на него ясный ответ, мне пришлось подумать. И я сходу немножко спутался, тем не менее меня взяли на второй курс. Надо сказать, что на второй курс нас пришло сразу несколько человек: это отец Михаил Волков, отец Евгений Марков, Виталий Бровко, то есть люди с высшим светским образованием и опытом какой-то работы, я, конечно, был среди них самый старичок. Постепенно круг общения сложился со всеми, так как ребята здесь хорошие, все-таки избравшие этот путь отличаются от прочих. Но прежде всего было общение с теми, кто ближе по возрасту.

— Тяжело было начинать учиться снова?

— Конечно, голова уже не такая, как в восемнадцать лет, понятно, что часть ее уже заполнена знаниями, однако и на старой работе я постоянно занимался самообразованием, так как нужно повышать свой уровень, тем более что мне приходилось менять род деятельности. И с точки зрения образования, не скажу, что было сложно... Проблема состояла больше в том, что нужно было сочетать работу с учебой, и с детьми как-то успевать — вот это сложно.

— Какие преподаватели вам наиболее запомнились? Какие предметы давались более сложно? Может быть, кто-то оказал на вас особое влияние?

— Трудно выделить кого-то, на мой взгляд, все преподаватели по-своему замечательные. Конечно, всегда много дают отцы: протоиерей Вадим Леонов, протоиерей Максим Козлов, протоиерей Стефан Жила... И предметы у них такие основополагающие: догматическое богословие, пастырское богословие, сравнительное богословие, Священное Писание Нового Завета.

Что касается личностных отношений, то каждый преподаватель — личность. Есть уникальные дарования. Например, преподаватель по дьяконскому служению, отец Николай Платонов, с которым я сослужил во время священнического сорокуста в Богоявленском кафедральном соборе, — обладатель уникального

Отец Тихон в кругу семьи

вокального дарования. Лучший бас, который я когда-либо слышал.

Некоторые подают пример своим просто подвижническим трудом. Особенно мне запомнилась Анна Николаевна Грешных — преподаватель латинского и греческого языка. Она очень образованный, самоотверженный и добродетельный человек, имеет большие трудности со здоровьем, и видно, как она иногда из последних сил стремится донести до нас знания по своему сложному предмету.

Помню еще, как в рамках предмета «История Поместных Православных Церквей» вместе со всеми ребятами мы ходили с отцом Ионой (Кудряковым) по подворьям братских Поместных Церквей, я там даже небольшой фильм попробовал снять. Конечно, оператор из меня никакой, но тем не менее фильм остался...

Запомнились лекции по пастырской психиатрии. Григорий Иванович Копейко опытно показывал нам случаи, которые больше никогда нигде не повстречаешь.

Ирина Николаевна Мошкова, замечательный преподаватель, очень люблю ее лекции

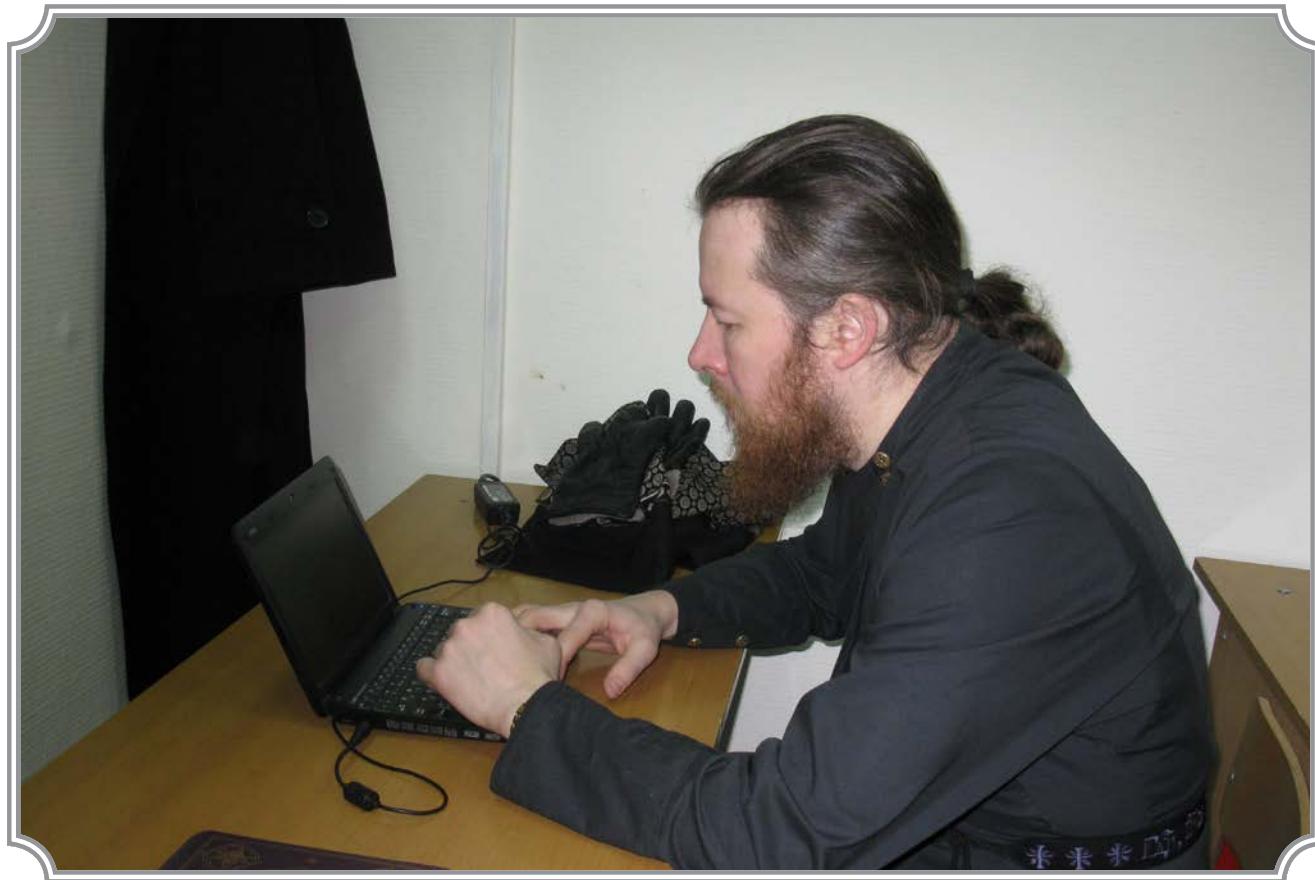
по педагогике и психологии, с огромным удовольствием просто общались с ней, и каждый раз, когда занятие заканчивалось, мы оставались с ней и еще долго-долго говорили.

Милостиво относился ко мне и снисходил к моей многодетности профессор протоиерей Максим Козлов. Лекции у него особенно хороши тем, что он всегда дает материал так, что студент успевает его записать. Но спрашивает он сурво.

Под руководством протоиерея Стефана Жилы я писал курсовую работу, и у нас сложилось хорошее взаимопонимание. Общение с ним очень ценно для меня, он знающий преподаватель и опытный священник.

Насущные вопросы пастырского служения освещал для нас протоиерей Алексий Круглик. Будучи уже в сане, я особенно понимаю, какой это ценнейший материал. Старался не пропускать ни одной лекции.

Знание об иных религиозных течениях преподал нам протоиерей Олег Корытко — это насущная информация для пастыря, потому что люди ищут веру, выбирают веру, задают

Подготовка к занятиям

различные вопросы, и надо знать о других конфессиях, религиях и других религиозных течениях. Еще раньше я самостоятельно интересовался исламом, как бы понимая, что основная дискуссия предстоит с ними, а не с буддистами. В советские годы, хорошо помню, имела распространение оккультная восточная философия. А в последнее время в связи с тем, что приезжает много людей из восточных стран и регионов, хорошее знание ислама необходимо.

Преподаватель церковного права и истории, профессор протоиерей Владислав Цыпин — уникальный человек широчайшей эрудиции. Меня всегда поражало в отце Владиславе то, как он читает лекции без конспектов и по ходу своих мыслей со словами: «О! Это интересный момент!», или в связи с вопросом студентов вдруг уходит от темы и погружается вглубь, например, в толкования какого-нибудь слова в сербском языке, и, дойдя до самых глубин, выныривает обратно ровно в той же точке, на том же слове, где остановился, и продолжает свою лекцию!

История Русской Церкви в целом давалась мне с трудом, потому что мои школьные знания остались в глубоком прошлом. К тому же преподавание истории в советские времена шло под определенным углом, и я изо всех сил старался в семинарии вместить огромный объем знаний, насколько это возможно в моем возрасте. Наши преподаватели по истории Церкви — очень интересные и знающие люди. Но иногда у меня были с ними расхождения. В истории проблема такова, что трактовка фактов и личностей сильно зависит от личного мнения историка. Поэтому не со всеми позициями я был согласен, хотя каждая дискуссия очень интересна и приносит пользу: сталкиваясь с другим взглядом, допустим, на историческую личность или на какое-то историческое событие нашей страны, историк рассматривает факт под одним углом — в силу своего опыта и знаний; я смотрю под углом моих знаний. Когда наши мнения вступают в противоречие, это основание для того, чтобы либо поменять свою точку зрения, либо еще раз четко обосновать ее и остаться при ней.

Яркое впечатление осталось у меня от лекций заслуженного профессора МГУ Геннадия Георгиевича Майорова по философии Платона и Аристотеля. Полезными представляются и лекции по религиозной философии с протоиереем Александром Задорновым, а также нравственное богословие, которое он же вел на четвертом курсе. Весьма тяжелые и объемные предметы, и не каждому они легко даются. Здесь, наверное, нужно иметь какой-то свой интерес. Отец Александр очень любит философию. Вопросами религиозной философии он владеет прекрасно, он любит углубляться. И, конечно, не всем студентам бывает легко войти в русло всего этого философского... Особенno для тех семинаристов, которые считают: «Ну что такое! Зачем батюшкам философия?» После семинарии эти лекции очень пригодятся. Знание философии, и тем более религиозной, современному пастырю необходимо. Священнику люди, бывает, задают самые разные и очень сложные вопросы, следовательно, современный священник должен быть очень эрудированным человеком. Вообще, я убежден, что никакое знание, котороедается у нас в семинарии, не проходит бесследно. Я по максимуму стараюсь впитать в себя все, что позволяют мои силы и возможности.

Ветхий Завет преподавал у нас игумен Амвросий (Коньков). Очень любопытно было. Заинтересовал он меня и лекциями, и своим оригинальным подходом и к студентам, и к предмету. По Ветхому Завету я с увлечением читал дополнительную литературу.

Очень хорошо было заниматься церковнославянским языком с профессором Ларисой Ивановной Маршевой; при своих глубоких знаниях она доброжелательна и снисходительна к студентам. И сейчас она продолжает с нами заниматься, помогает правильно писать дипломные работы. Ее, конечно, всегда вспоминаешь добрым словом.

— Ваши научные работы в семинарии... Чему они посвящены?

— Темы курсовых работ я старался выбирать такие, чтобы они приносили мне как будущему пастырю пользу. Так, мои первые сочинений были по семейной жизни, о браке — я писал у протоиерея Вадима Леонова по докторскому богословию на третьем

курсе и у протоиерея Стефана Жилы по Священному Писанию Нового Завета на четвертом. Эта тема очень важна, так как у людей в наше время очень много проблем в семейной жизни. Они приходят в храм за советом, и я просто чувствую, что пастырю в семейных вопросах нужно разбираться очень глубоко.

Немаловажно и то, что здесь я имею некоторый собственный опыт: все-таки большая семья, шестеро детей, поэтому я писал о том, что уже знал.

А дипломную работу решил писать на тему, которую, наоборот, я не знаю и чувствую, что в этой области у меня есть пробелы. Надо сказать, что пробелы по истории Церкви во многом мне удалось восполнить с помощью уважаемых мной преподавателей — профессора Алексея Константиновича Светозарского, профессора Ольги Юрьевны Васильевой и диакона Дмитрия Сафонова, однако в области церковной археологии знания мои слабоваты, и мне их надо восполнить. Поэтому тему моей последней работы я избрал по новозаветной археологии у отца Александра Тимофеева, во-первых, потому что она апологетическая, а во-вторых, потому что знаний моих здесь маловато.

Надо сказать, что работа двигается с трудом, потому что по причине сорокоуста у меня остались долги по сессии, это меня отвлекает, и мне кажется, что мне не хватает времени. Кроме того, я решил, что для полноценного раскрытия темы нужно активно использовать иноязычные статьи. Возникла необходимость подновить знания языка, которым я когда-то неплохо владел. Так, решая все эти проблемы одновременно, я писал дипломную работу.

— Время сессии, ее трудности... Каковы ваши воспоминания?

— Трудно сказать... Экзамен — всегда испытание, всегда волнение. Я помню, что в институтские годы я даже меньше волновался, чем сейчас, потому что у меня был красный диплом, я был круглый отличник, и учиться было легко. Все-таки техническая область понятнее. А здесь гуманитарное образование, большой объем неформализованных сведений, которые надо запомнить, и от этого мне бывало даже волнительно. Помню, как я сдавал экзамен по истории Византии. Тогда я служил диаконский сорокоуст, совершенно не смог

подготовиться и вынужденно пользовался разными... пособиями.

— Отец Тихон, в миру вы были вполне состоявшийся человек, работали в крупной фирме. Как ваши коллеги по работе, знакомые, светские друзья отнеслись к вашему выбору: сначала вы пошли в семинарию, потом стали диаконом, священником?

— Друзья отнеслись, конечно, с пониманием, коллеги — они в общем-то не знали до последнего, пока я не ушел. Позже я уже приходил освящать офис, в котором работал. Как родные? Жена, конечно, отнеслась благожелательно, потому что познакомились-то мы в храме, много лет она ходит в храм, где служит мой батюшка. А дети... например, старшая дочка была в ужасе, что папа уходит с директорской должности, с хорошей оплаты, в общем-то в никуда... Для нее это было, конечно, тяжело. Сейчас вроде бы смиряется. Ей уже семнадцать год...

— Что значил для вас день, когда вам в семинарии благословили подрясник?

— Когда я впервые надел подрясник, у меня было такое трепетное чувство как бы приобщения к монашеской жизни. Да, именно

монашеской, потому что здесь все-таки прежде всего монастырь. Это был трепетный и радостный день для меня.

— А вам запомнились ночные литургии? На этих общесеминарских службах вы часто присутствовали сначала как диакон, а затем как священник...

— Да, когда приходишь на эти ночные службы, стоишь в алтаре Сретенского храма — пребываешь как будто на небесах, такое чинное, благостное служение, всегда порядок, прекрасное пение. Мне очень нравится характер таких ночных богослужений.

— Отец Тихон, что вам дала семинария в целом? Что нового семинария в вас сформировала?

— Конечно, семинария дает огромное количество необходимых знаний. Во время обучения значительно обогащается и развивается интеллект, то, что ты сам никогда не почерпнешь. Здесь системно опытными педагогами преподаются все те знания, которые нужны священнику. За последние десятилетия Церковь обрела множество храмов, открылась возможность служить. Священников мало. Рукополагали без семинарии, и это было обусловлено временем, но системных знаний

не хватает. А семинария как раз это дает. Семинаристы получают возможность общения с многоопытными священниками и высоко духовными людьми.

— О вашем пути к священническому служению. Вы прошли три этапа: были семинаристом, потом наступил период диаконства, не очень длительный — полтора года, а недавно вас рукоположили в священники. Могли бы вы охарактеризовать все эти три этапа: какие-то трудности, радости, отличия? Как возрастила ваша ответственность?

— Семинарист, конечно, это студент. Для семинаристов, тех, кто здесь живет, очень важен и режим, и послушания, все это их как-то правильно настраивает и организует. А у меня, человека семейного, домашние послушания как были, так и остались, сначала еще и работать продолжал, так что совмещал и работу, и учебу, и домашний быт. Но когда я принял диаконский сан, то работать уже перестал и начал служить. Как во всяком служении, Господь посыпает человеку благодать, она его укрепляет в жизни. По своему внутреннему опыту

могу сказать, что когда я принимал решения, то внутренне ощущал Божию помощь. И когда я решил подать заявление в семинарию, у меня пропали некоторые искушения мгновенно, одноразово, такие, которые меня мучили в течение, скажем, десятка лет. Подобное произошло и тогда, когда батюшка благословил меня писать прошение на диаконскую хиротонию. В это же самое время в моей жизни произошли значительные изменения: ушел из жизни человек, который болел тринадцать лет, и его уход изменил мои семейные обстоятельства. Всякий раз что-то вот так и происходит. А если говорить об ответственности и сравнивать диаконское и священническое служения, то диакон помогает священнику, отслужил — и ушел, может переключиться, допустим, на семейные заботы. А священник уже не так свободен, на нем главное служение и заботы по храму и пастве. Так что возрастание ответственности чувствуешь сразу.

— А кто вас рукополагал в диаконы, а потом в священники?

— В диаконы рукополагал меня митрополит Иларион (Алфеев) (тогда он был еще архиепископом) в своем храме на Ордынке «Всех скорбящих Радосте». Служба была особенная, это отметили даже певчие, такой она бывает, когда совершается рукоположение. Владыка Иларион прилетел из-за границы, буквально на несколько дней, рукоположил меня и опять улетел... Это было его первое рукоположение в Москве. А священническая хиротония происходила на день рождения блаженной Матронушки в Покровском женском монастыре, и меня рукополагал Святейший Патриарх Кирилл. Мое рукоположение совпало с большим монастырским праздником...

— Отец Тихон, остается ли у вас, при вашей занятости, время на семью?

— Да. Приходится нелегко, но с Божией помощью справляемся, иногда нам помогают знакомые с прихода, друзья — остаются с детишками, когда нас нет дома. Но батюшка мне говорит, чтобы я обязательно учился...

— Вы служите в храме у своего отца?

— Да, временно я у своего батюшки служу, с благословения священноначалия.

Это храм Покрова Божией Матери в селе Акулово, за городом Одинцово. Приход очень

хороший, храм никогда не закрывался, действует с дореволюционных времен, в нем сохранилось непосредственное преемство.

— Как вас восприняли на приходе в качестве священника?

— Прихожане наши старые, очень хорошие и добрые люди — приняли с распростертыми объятиями.

— С какими трудностями вы столкнулись на приходе?

— Во многом приходское служение, особенно в первое время, есть продолжение обучения, но уже на практике. По счастью, не могу сказать, чтобы мне пришлось столкнуться с какими-то особыми трудностями. Конечно, в первое время не хватает опыта, но старшие священники всегда готовы помочь советом, если возникают проблемы.

— Как вы участвуете в жизни своего прихода?

— Пока я еще учусь, наш батюшка старается дать мне время для посещения занятий. Поэтому нет еще возможности для участия в приходской жизни в полном объеме. Но когда не учусь, стараюсь участвовать во всех службах и требах. На первой седмице Великого поста, например, мы не учимся, так что я мог служить каждый день и утром, и вечером.

— Отец Тихон, сейчас вы учитесь последний год, священником заканчиваете пятый курс, что бы вы хотели пожелать студентам нашей Сретенской семинарии?

— Хочется пожелать нашим студентам статься взять все, что дает семинария, не прокочить мимо каких-то важных знаний, ведь некоторые по молодости стремятся лишь бы скорее сдать предмет — и все. Семинария дает очень много и, в частности, незаметный настрой богослужениями, режимом, дисциплиной, всеми послушаниями. Хочу пожелать

с вниманием относиться к каждому предмету, потому что где еще найдешь таких прекрасных преподавателей? Так, после курса сектоведения я по собственной инициативе у себя на приходе прочитал лекцию для взрослых по истории и учению «свидетелей Иеговы», потому что знаю, что от них ходят агитаторы, и людей надо подготовить. И в заключение хотел бы сказать, что великое благо в том, что ребята получают бесценный практический опыт от преподавания в воскресных школах города Москвы.

*Общаюсь
с людьми,
священник
не может
отложить ответ,
уйти от него —
он обязан отвечать*

Священник Евгений Марков

Отец Евгений, в какой семье вы родились и воспитывались?

— Семья у меня была невоцерковленная, но в Бога все верили и по большим праздникам обязательно ходили в церковь. Я помню даже, как меня в детстве водили на исповедь и Причастие. А когда мне было тринадцать лет и я гостил у бабушки, меня решили, по совету знакомых, отправить на отдых в лагерь, который, как оказалось, был православным. С разных приходов набирались группы детей, воспитателями выступали семинаристы и учителя воскресных школ. Разумеется, распорядок дня был связан с церковным ритмом: молитвы, посещение храма, послушания — я, помню, Псалтирь читал. Я с интересом окунулся в эту жизнь — для меня новую и необычную, и она меня привлекла. Стал чаще бывать в храме, вникать в богослужение и почувствовал: в моей душе что-то откликнулось. Попросил священника, который нас окормлял в этом лагере, разрешения помочь

ему в церкви, алтаре. И он дал свое благословение. Для меня это была большая радость.

— А где находился тот храм?

— В Белгородской области.

— В какой школе вы учились? И как относились ваши одноклассники к тому, что вы верующий, ходите в храм?

— До десятого класса я учился в обычной школе, и религиозные вопросы в мальчишеской среде мы не обсуждали. Где-то с девятого класса я стал регулярно ходить на богослужения в храм Преподобного Сергия Радонежского в Бусинове и посещать воскресную школу, организованную при нем. Там начал учить церковнославянский язык, петь на клиросе, читать. В храме мне было невероятно хорошо. Часто бывая на службах и научившись читать, я слушал, как поет хор, молящиеся. И всем этим проникался. Тогда же я начал читать духовную литературу. Было мне четырнадцать лет — уже достаточно осознанный возраст, это восьмой-девятый классы. И постепенно

я пришел к такому решению: после девятого класса продолжить образование в православной гимназии, чтобы получить побольше знаний о христианской вере и культуре. Я много советовался с теми, кто уже учился в подобных заведениях, были у меня знакомые и среди студентов Свято-Тихоновского университета. А некоторые мои друзья получали образование в православном лицее при Московской регентской певческой семинарии. Они мне рассказали, что там помимо общеобразовательных предметов учат духовной музыке, клиросному чтению, а также основным навыкам церковного служения.

— Иными словами, поступая в Московскую регентско-певческую семинарию, прежде всего вы хотели научиться петь?

— Знаете, о пении сперва я вообще не думал. Потому что я в музыкальную школу никогда не ходил — все это было для меня в новинку, в пении совсем не разбирался, ничего не понимал. Но во мне, по мере того, как я входил в церковную жизнь, стало зреть желание посвятить всего себя служению Церкви. Я хотел быть священником. Я сказал об этом настоятелю храма. Он поддержал мое желание и написал мне рекомендацию для поступления в православный лицей.

— Что было после православного лицея?

— Мне было семнадцать лет, и я очень хотел поступать в Московскую духовную семинарию. Но я был наслышан, что туда принимают после восемнадцати. К тому же я не знал, что в столице есть еще какие-то духовные школы. Помню, меня тогда сковал внутренний страх. Я постоянно думал: «Где я сумею пригодиться? Куда мне девять целый год до поступления в духовную семинарию?» И я пошел учиться в регентскую семинарию. Перед поступлением туда много разговаривал с ее инспектором, преподавателями, советовался, что мне предпринять, ведь я хотел получить именно духовное образование. Мои наставники предложили мне поучиться в регентской семинарии, потому что, если Господь сподобит стать священником, те знания, которые я там получу, мне очень пригодятся. Ведь данное заведение дает практические навыки церковного Устава, пения и управления хором. А это необходимо для любого священнослужителя, где бы он ни служил: в столичном храме или на сельском приходе. Поэтому я действительно очень благодарен за четыре года, проведенные в певческой семинарии.

— Как родители отнеслись к вашему желанию стать священнослужителем, которое спустя годы осуществилось?

— Родители поначалу немало удивлялись, но потом стали относиться к моему решению

с пониманием. И вообще, они с самого детства ни к чему меня не принуждали. Выбор оставался за мной, и родители никогда не чинили мне препятствий. Сейчас, когда я уже священник, они, конечно, очень рады. Можно сказать, что после того, как я стал воцерковляться, мои близкие и родные тоже потянулись в храм и стали действительно церковными людьми.

— А что говорят по поводу вашего нынешнего служения светские друзья?

— Они приняли мое решение с уважением — как и подобает взрослым людям.

— Почему по окончании регентской семинарии вы поступили в Сретенскую духовную школу?

— Как я уже говорил, я не был осведомлен о других семинариях, кроме Московской. И только за годы обучения в регентской я узнал, что есть и иные духовные школы. Некоторое время я выбирал между Сретенской и Московской семинариями. Я пошел за советом к ректору регентской семинарии, протоиерею Геннадию Нефедову. При нашем разговоре он особо подчеркнул, что на данный момент в Сретенской семинарии также осуществляется очень качественное обучение. Кроме того, для студентов созданы хорошие бытовые условия. Иначе говоря, батюшка благословил меня на поступление в Сретенскую духовную школу. Немаловажным было и то, что мои знакомые и друзья из регентской семинарии и лицейских классов уже стали студентами-сретенцами. От них я слышал только самые хорошие отзывы. Я и сам загодя посещал семинарию, которая находится в самом центре Москвы (что тоже очень удобно), интересовался ее распорядком. И, конечно, присутствовал на богослужениях.

— Все предполагаемые абитуриенты проходят епархиальный совет. Какие воспоминания остались о нем?

— Я усиленно готовился к епархиальному совету. До сих пор очень благодарен преподавателям регентской семинарии, которые разобрали со мной многие вопросы, с которыми претенденты могут столкнуться на епархиальном совете. Хотя спрашивали меня больше по музыкальной части. Увидев в моей анкете, что я учился на регента, меня попросили спеть. И я спел.

— А что пели?

— По-моему, «Господи воззвах» третьего гласа на стихирный напев.

На богослужении в Сретенском монастыре

— С кем из сегодняшних студентов-сретенцев вы проходили епархиальный совет?

— С Александром Болотаевым — моим однокурсником из регентской семинарии. И это, конечно, очень поддерживало. Ведь мы долгое время учились вместе и сдружились. Мы и позже, уже после поступления, держались друг друга, тем более, что нас зачислили сразу на второй курс. И пришли мы в незнакомый, сложившийся коллектив, в котором люди притерлись друг к другу, мы же поначалу чувствовали себя немного не в своей тарелке. Понятно, что в такой ситуации очень важны дружеское плечо и взаимовыручка.

— А что более всего вспоминается из вступительных экзаменов?

— Было страшно, если честно. Но у меня была необходимая база — и это придавало уверенности. Спрашивали нас по билетам. Прроверяли знание Священного Писания Ветхого и Нового Завета, молитв. Еще экзаменаторов интересовал наш общекультурный уровень.

Мне, например, запомнилось, как меня попросили пояснить, что такое православная эортология — такой предмет был у нас в регентской семинарии. Он изучает церковные праздники, их историю, гимнографию... В общем, думал я тогда, что меня зачислят, как и всех, на первый курс, а взяли сразу на второй. Для меня это было неожиданностью, которая связана с большой ответственностью.

— Мы уже немного говорили о взаимоотношениях с сокурсниками. Расскажите об этом подробнее.

— Понятно, что более тесное общение сложилось у меня с ребятами, которые тоже сразу на второй курс поступили: с Виталием Бровко, Дмитрием Гизитдиновым. Нас поселили в одну келью. Это, разумеется, нас сблизило, мы постоянно что-то обсуждали, вместе готовились к занятиям. В первый год в нашей келье жили шесть человек. На третьем курсе меня поселили уже в двухместной келье. Моим сокелейником был Сергей Шестаков — очень интересный человек, знающий, защитил хорошую дипломную работу по религиозной философии...

— А как складывалось ваше общение со старшими курсниками?

— Хорошие отношения сложились у меня с Владимиром Хажомией, сейчас он студент академии. Получилось так, что наши кельи рядом находились и мы очень часто беседовали. Узнавали друг от друга много интересного и полезного.

— С какими трудностями вы столкнулись в первые дни пребывания в семинарии?

— Трудно было привыкнуть к жесткому распорядку дня и принять правила, которым все студенты должны подчиняться. Мы внутренне, может, были с чем-то не согласны или по-своему что-то понимали. Поэтому сложности возникали, но мы их быстро преодолели.

— В нашей семинарии трудятся достойные преподаватели. Кто из них запомнился более других?

— Очень большое впечатление произвел на меня доцент Олег Викторович Стародубцев, который вел у нас Священное Писание Нового Завета и церковное искусство. Он умеет своим добродушием расположить к себе и вызвать интерес к своему предмету. Всегда поражал меня преподаватель патрологии, профессор Алексей Иванович Сидоров — человек глубочайших знаний и такой простой в общении.

— А какой предмет вызывал у вас наибольшие трудности?

— Без сомнения, это история Русской Православной Церкви, которую вел Игорь Петрович Шаповалов. Он требовал от студентов подробностей, тонкостей, которые можно воспринять только усиленным изучением предмета. На третьем курсе преподавать данную дисциплину продолжил Алексей Константинович Светозарский — и тоже все было совсем непросто. Если говорить о четвертом курсе, здесь чрезвычайно сложно догматическое богословие. Но надо сказать, что с увеличением общего объема знаний усваивать новые предметы гораздо легче.

— Кто выступал руководителем ваших научных работ?

— На третьем курсе я писал работу по библеистике — «Сравнительный анализ второго послания Петра и послания Иуды». Моим научным руководителем был протоиерей Андрей Рахновский. На четвертом курсе я обратился к патрологии и изучал учение о человеке по творениям Тертуллиана.

— Наверняка самым любимым вашим предметом было церковное пение? Ведь его начатки вы освоили в регентско-певческой семинарии...

— Да, это так. Надо сказать, что у нас сразу же самым замечательным образом сложились отношения с регентом семинарского хора — Александром Викторовичем Амерхановым. Безусловно, мне очень помогли знания, полученные в регентской семинарии: как в области пения, так и в области литургии. Я неплохо ориентировался в богослужении, умел составлять службы певчим, алтарникам и регентам. И, конечно, с радостью помогал тем ребятам, которые что-то не понимали в литургии и пении.

— Понятно, что основным вашим послушанием в семинарии был хор...

— Почти сразу я стал управлять малой певческой группой. Иногда приходилось заменять старшего регента — и это было очень ответственно. А еще хор семинаристов регулярно поет за ранней литургией...

— В семинарском хоре пело немало старшекурсников. Каково было вам, новичку, управлять ими?

— Надо начать с того, что в регентской семинарии люди имеют музыкальное образование и они понимают своего руководителя без

лишних слов. С хористами-сретенцами было посложнее: нужно каждому что-то объяснять, показывать. К тому же надо учитывать, что ребята были либо равны мне по возрасту, либо даже старше меня. Многое строилось у нас на межличностных отношениях. В целом хористы относились ко мне с уважением, поскольку нас объединяла общая ответственность. Очень непростым было то время, когда «большой» хор уехал на полтора месяца в заграничную поездку, и мне пришлось управлять студенческим хором на воскресных и праздничных службах. И пусть я и учился в регентской семинарии, но практического опыта было мало. Так что тогда пришлось, переборов первый страх, немало потрудиться. Было такое, что мы пели по четыре-пять служб в неделю, в том числе и будничных.

— Известно, что ректор Сретенской духовной семинарии — архимандрит Тихон — внимательно следит за успехами семинарского хора...

— Это действительно так. Батюшка всегда благосклонно, милосердно, с пониманием относится к ошибкам певчих и искренне радуется их удачам. Все его замечания — очень деликатные, мы непременно учитывали.

— Какие еще послушания вам довелось нести в семинарии?

— Помимо регентского и певческого послушаний, я был задействован в студенческой библиотеке, а также, по поручению проректора, отца Иоанна, занимался подготовкой чтевцов для богослужений.

— Как вы проводили свободное время?

— Свободного времени было не так много, и оно часто уходило на сон, а также на общение с сокелейниками. За чашкой чая мы обсуждали насущные проблемы, богословские вопросы, да и просто жизненные ситуации, строили планы на будущее.

— Пребывание в семинарии дает опыт общения с разными пастырями. Расскажите об этом, пожалуйста.

— Лично я необычайно много почерпнул из бесед и исповедей отца Тихона и иеромонаха Иова (Гумерова). Их наставления, советы, несомненно, отложили отпечаток на мою духовную жизнь. На первую свою исповедь в Сретенской семинарии я пришел к батюшке Иову и впредь почти всегда обращался со своими нуждами и проблемами к нему.

— Ведущими участниками воспитательного процесса в духовной школе являются дежурные помощники. Чем запечатились они в вашей памяти?

— Прежде всего скажу, что у меня с ними не было серьезных конфликтов. Они всегда помогали мне в моем певческом послушании, регулировали организационные процессы. И, конечно, многому меня научили, благодаря им я приобрел некий жизненный опыт. Дежурные помощники своими высказываниями, поведением в тех или иных ситуациях показывали мне примеры, которые я очень ценю.

— А не могли бы вы кратко охарактеризовать каждого из дежурных помощников?

— Иеродиакон Севастиан (Астафуров) — всегда очень спокойный человек, рассудительный. Говорит четко и коротко. Свои обязанности исполняет всегда исправно. Я не помню, чтобы отец Севастиан кого-то наказывал. Но не раз был свидетелем того, как он подходил к семинаристу, шептал пару слов, и тот прекрасно понимал, в чем провинился. Монах Николай (Муромцев) запомнился своим подходом к студентам. Он находил нужные на тот момент слова, шуткой мог приободрить человека. Но, если видел, что семинарист пребывает в праздности, настраивал его на рабочий лад. А потом с отцом Николаем никогда не было скучно. Игорь Максимов — так сложилось, что он больше других общается со студентами. Он очень доступен в общении. Запросто мог зайти в келью и поговорить с ребятами на житейские темы. Запомнился мне еще диакон Антоний Новиков — тем более, что мы с ним давно знакомы, я его знаю еще с регентской семинарии, когда еще учился в лицейских классах, с ним вместе мы несли когда-то пономарское послушание в храме Богоявления. Обязанности дежурного помощника он исполняет исправно, самым надлежащим образом. Иногда кажется очень строгим, но всегда справедлив. И если наказывает, то только за дело.

— Ключевым событием для семинариста-первокурсника является момент, когда его за всенощной под праздник священномученика Илариона благословляют на ношение подрясника. Что это значило лично для вас?

— Не раз, видя людей в подряснике, я втайне завидовал им. А когда меня благословили на его ношение, почувствовал великую ответственность. Потому что, надев подрясник, вы

уже являете собой лицо Церкви. Люди отныне видят в тебе ее представителя. И нужно следить за каждым своим жестом, словом, ведь окружающие по тебе будут составлять мнение о Церкви. В тот знаменательный день в Сретенском монастыре служил епископ Амвросий (Ермаков). Когда я подходил под благословение, меня захватило непередаваемое чувство благодати Божией. Мне стало ясно, что этот день особым образом отличается от всех дней моей жизни.

— Как вы познакомились со своей будущей женой?

— Свою будущую жену я встретил еще тогда, когда учился в регентской семинарии, потому что она тоже была ее студенткой. Сначала мы просто общались, а потом, когда я уже стал семинаристом, наша дружба переросла в нечто большее. Мы стали чаще переписываться, созваниваться, начали встречаться. И через какое-то время поняли, что любим друг друга и хотим создать семью. Вскоре, испросив благословения у отца ректора, мы поженились. И я окончательно решил посвятить свою жизнь священнослужению.

— Когда состоялись ваши диаконская и священническая хиротонии? Кто вас рукополагал?

— В диаконы меня рукополагал епископ Меркурий Зарайский — в Высоко-Петровском монастыре, в 2009 году. А священническая

хиротония, в 2010 году, была совершена епископом Тихоном Подольским, в храме Иакова Зеведеева. Диаконское служение я нес семь месяцев.

— Да, промежуток между хиротониями небольшой...

— На все воля Божия. Надо сказать, что, когда я написал прошение о рукоположении в иереи, был уверен, что оно будет долго рассматриваться и у меня есть некоторое время, чтобы внутренне настроиться. Но Господь судил иначе, и сообщение о моей скорой священнической хиротонии я получил быстро и буквально за несколько дней до нее.

— Будучи студентом духовной школы, вы послужили Церкви и певчим, и диаконом, и священником...

— Сан налагает величайшую ответственность, которая сопрягается с безмерной радостью, ведь это дар Божий, это самое большее, что может дать Господь человеку — служить у Его Престола, совершать Таинства. Однако, общаясь с людьми, священнослужитель не может отложить ответ, уйти от него — он обязан отвечать. И отвечать не от себя лично, а от лица Церкви, которую он представляет. Поэтому-то с каждым днем мера ответственности возрастает, как усугубляется и понимание того, что ты должен иметь обширный запас знаний и духовного опыта, чтобы соответствовать своему званию.

— **А как восприняли в регентской семинарии, что их недавний ученик — уже священник?**

— Милостью Божией, когда я проходил священнический сорокоуст, меня направили к протоиерею Геннадию Нефедову — как раз в регентскую семинарию. Мое решение рукоположиться многих там удивило, но в то же время я видел, как люди радовались за меня, поддерживали. Не скрою, я и сам был поражен тем, что меня направляют на сорокоуст именно в регентскую семинарию. Но мне было очень радостно, что я встаю на свой иерейский путь в том месте, откуда начиналось мое церковное служение.

— **Давали ли вам бывшие наставники какие-то советы, напутствия?**

— Конечно! Все они помогали мне на богослужениях, подсказывали, научали, как правильно вести службу, как исполнять церковные Таинства и требы. Еще раз хочу обратиться со словами благодарности к отцу Андрею Нефедову — регенту хора Московской регентско-певческой семинарии, в котором я шесть лет пел. Это мой непосредственный учитель, наставник, которому я многим обязан. Немало наставлял меня и настоятель храма — протоиерей Геннадий Нефедов. Много советов о различных тонкостях церковного служения я получил от диакона Николая Нефедова. Все они тогда отнеслись ко мне с отеческим терпением, пониманием и на ошибки указывали мне аккуратно и деликатно.

— **Как отнеслись к вам, только что рукоположенному иерею, другие священники из храма Богоявления?**

— Меня поразило, что они встретили меня, которого знали еще совсем молодым студентом, с искренней радостью и помогали мне с энтузиазмом. Я многому научился у отцов протоиереев Антония Малова, Сергия Минаева и Андрея Привалова, многое для себя почерпнул. Но сам, не буду скрывать, на первых порах чувствовал себя среди них очень неловко.

— **Куда вы были распределены после сорокоуста?**

— Сейчас я служу, по благословению Патриарха, в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Ясеневе.

— **Что самое сложное и ответственное на поприще священнослужения?**

— Самое ответственное для священника — это, несомненно, совершение Таинства Евхаристии, так как ты, будучи немощным и грешным человеком, удостаиваешься великой чести в своих руках держать Тело и Кровь Христову. Чрезвычайно волнующим является также и Таинство крещения, особенно совершаемое над детьми. Тут нужно большое напряжение внутренних сил, чтобы все было четко и правильно. Ведь через Таинство крещения человек входит в Церковь. Также непросто творить выездные требы, в том числе соборовать больных и умирающих людей на дому. Совершать это Таинство тяжело: нужно суметь подобрать нужные слова, которые утешат, подбодрят, наставят и самого человека, и его близких. Здесь требуются терпение, такт, понимание и собранность.

— **Как на приходе относятся к тому, что вы еще учитесь в семинарии и уезжаете туда на занятия и сессии?**

— К этому относятся с большим пониманием, поддерживают, призывают к хорошей учебе. Я очень рад, что со мной служат священники, которые являются студентами Московской духовной семинарии. Мы чем-то делимся, что-то подсказываем друг другу.

— **Отец Евгений, в заключение, по традиции, хотелось бы услышать ваши пожелания нынешним студентам-средицам.**

— Хочется пожелать, чтобы студенты действительно берегли то время, которое им предоставлено для учебы в духовной семинарии, старались впитать в себя как можно больше, а обнаружив пробелы, немедленно их восполняли. Я, например, понимаю, что мне нужно самым внимательным образом изучать Священное Писание, разбираться в догматических тонкостях. Семинаристам необходимо помнить: все то, что они получат в духовной школе, станет багажом, с которым им идти по жизни. Приобретенные здесь знания и умения, преподанные уроки духовного воспитания — все это, несомненно, будет востребовано при их дальнейшем служении.

Нужно помнить,
что подлинным
нравственным
идеалом
для нас является
Христос

Священник Алексий Кузьмичев

*М*ое желание, можно даже сказать мечта, поступать в семинарию не было ни для кого неожиданностью. Я еще в детстве осознавал, что выбираю не профессию, не работу. Я хотел получить богословское образование и служить Господу и ближним.

С раннего детства я начал прислуживать в алтаре храма Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве. При этом я не могу сказать, что на мое решение поступать в семинарию повлиял какой-то конкретный священник. Это были многие священнослужители, встречавшиеся на пути моего духовного становления. Они стали для меня образцом и примером для подражания.

Одноклассники, школьные учителя, а также друзья с пониманием и уважением отнеслись к моему выбору — несмотря на то, что я учился в обычной общеобразовательной школе. Я очень рад, что со многими моими

однокашниками и педагогами я поддерживаю отношения и поныне.

Поступить именно в Сретенскую семинарию я хотел всегда. Будучи школьником, я очень любил приезжать в монастырь на богослужения. Меня удивляло, что стоит зайти с Лубянки, где шумно бурлит оживленный город, на территорию монастыря, как сразу оказываешься в раю, а чудесное убранство и чистота обители заставляет тебя забыть о мирской суете.

Конечно, вступительные экзамены заставили меня сильно переживать, но подробностей я уже и не помню. Для меня они, по большей степени, ознаменовались прежде всего первой встречей и общением с отцом Тихоном (Шевкуновым) — нашим ректором.

Учеба в семинарии резко изменила ритм моей жизни, но я быстро привык к нему. Появились новые друзья (вне зависимости от курса), знакомства. Каждый день был совсем не похож на предыдущий, а насыщенность

семинарских будней раз от раза возрастала. Интереснейшие предметы, общение — аудиторное и неаудиторное, с преподавателями вызывали огромную радость, которая все усиливалась и усиливалась.

Отчетливо в памяти отпечатался день, когда нас благословили на ношение подрясника. Для меня это стало большой ответственностью и бесконечной радостью.

Один из священников мне сказал: семинарские годы — самые лучшие, и нужно ими дорожить. Это действительно так.

Мне отрадно вспоминать минуты, дни и годы, которые я провел в духовной школе. Я могу вспомнить много историй, событий, жизненных уроков. Наконец, я накопил за эти пять лет бесценный опыт.

В период обучения я нес послушание в канцелярии семинарии. Некоторое время иподиаконствовал у епископа Никодима (Чибисова). И он, конечно, внес значительный вклад в мое духовное воспитание.

Не могу не сказать о том, как много сделали для нашего становления и образования замечательные семинарские преподаватели: протоиереи Максим Козлов, Вадим Леонов, Андрей Рахновский, Алексий Круглик, профессора Алексей Константинович Светозарский, Алексей Иванович Сидоров, Александр Николаевич Ужанков, Ольга Юрьевна Васильева, доцент Олег Викторович Стародубцев,

Игорь Петрович Шаповалов... Все они оказали на нас самое благотворное влияние, которое не забыть никогда!

Особые слова благодарности адресую своему научному руководителю — Ларисе Ивановне Маршевой, профессору, доктору филологических наук. Она талантливый педагог с особым стилем работы. Ее занятия по церковно-славянскому и русскому языкам, консультации по курсовым и дипломной работам, а также личное общение дали мне очень многое.

Не вы меня избрали, а Я вас избрал (Ин. 15, 16) — говорит Христос. Уповая на волю Божию, я на собственном примере прочувствовал это. Во время обучения в семинарии на четвертом курсе я был рукоположен в диакона в Покровском академическом храме Троице-Сергиевой лавры — архиепископом Евгением Верейским. А на пятом курсе состоялась моя иерейская хиротония, которую совершил Святейший Патриарх Кирилл в Богоявленском кафедральном соборе, в день памяти моего небесного покровителя — святителя Алексия, митрополита Московского.

Слова безмерной признательности хочется выразить братии Сретенского монастыря и администрации семинарии. Прежде всего проректору — отцу Иоанну (Лудищеву), за его внимание, помощь, терпение, дорогому отцу наместнику и ректору — архимандриту Тихону (Шевкунову). Батюшка научил нас любить

Патриаршее наставление
при рукоположении

После венчания

церковную службу, проявлять прилежание в учебе, а главное — призывал, на собственном примере, любить людей искренне, такими, какие они есть. Он сумел привить понимание того, что жить нужно каждым днем и относиться к этому дню с трепетом.

Не могу забыть слова, сказанные мне во время ставленической исповеди перед рукоположением в священники. Их сказал опытный и мудрый духовник Сретенской семинарии, иеромонах Иов (Гумеров): «Служи службу так, как будто ты ее служишь в последний раз». И этот завет очень сосредоточивает меня во время богослужения.

...Слово «семинария», как известно, произошло от латинского корня, означающего «рассадник». Как же это здорово, что наша

духовная школа полностью оправдывает это исконное значение. В ней мы выросли — выросли, как растут в любимом доме, дружной семье. Здесь нам дали весомый багаж знаний, драгоценный опыт — духовный и житейский, здесь мы обрели настоящих друзей, а главное — научились любви и терпению.

Поэтому я хочу пожелать семинаристам, чтобы они не растративали попусту быстротекущее время учебы, со вниманием относились к преподаваемому, любили и понимали богослужение. Кроме того, необходимо бережно хранить традиции и устои, которые отличают Сретенскую духовную школу от всех остальных. И еще нужно помнить, что подлинным нравственным идеалом для нас является Христос.

*Всякое можно
потерпеть,
лишь бы не было
в главном убытка*

Инок Иларион (Баширов)

*Ж*елание учиться в Сретенской семинарии появилось где-то в 1999 или 2000 гг. — точно уж не помню. Когда в газете «Радонеж» я увидел объявление о наборе в богословскую школу при Сретенском монастыре, как-то сразу решил там учиться. К тому моменту я уже прожил несколько лет в монастыре, видел у себя значительные пробелы в знании основ Православия.

По некоторым причинам воплотить в жизнь свое желание учиться удалось только в 2005 году. Причем тогда у меня был и альтернативный вариант — семинария РПЦЗ в Джорданвилле. Внутренне я склонялся к Сретенской семинарии. В США ехать не очень хотелось — далеко, дорого, да еще и вступительные экзамены на месяц позже. В общем, Божиим Промыслом в сентябре 2005 года я стал студентом Сретенской духовной школы.

На первый курс было зачислено около 25 человек. Ребята были разные: кто после школы, кто после духовных училищ и где-то семь человек — с вузовским дипломом. Жили в нынешнем братском корпусе, там же и учились. Было немного тесновато: в комнатах проживало от двух до шести семинаристов. Но радовали вполне комфортные бытовые условия. В общем, все очень неплохо. Правда, иногда немного напрягали молодые певчие, которые почему-то любили исполнять фрагменты песнопений по вечерам и при этом разгуливали по коридорам общежития.

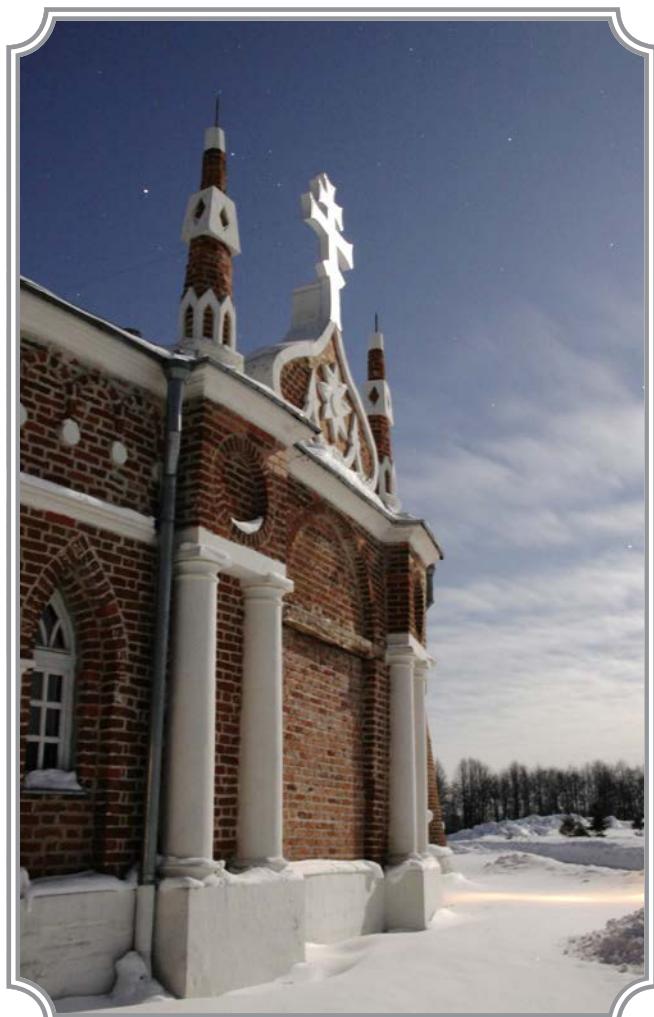
Всякое можно потерпеть, лишь бы не было в главном убытка. А главным для меня тогда была учеба. В этом смысле все было на высоте.

Преподаватели были действительно высококлассными специалистами. Многие предметы были мне по-настоящему интересны.

Кроме учебного процесса, семинарское воспитание немыслимо без послушаний — и это

очень хорошо. Хотя бы потому, что молодой организм без физической нагрузки способен создать немало проблем. Студенты первого курса, по традиции, занимаются уборкой внутренней территории монастыря. Осенью — листья, зимой — снег, весной, летом — тополиные сережки. На последующих курсах также приходилось убирать территорию, но уже не в таком объеме. Мне нравилась работа на улице: немного пыльно осенью, зато остальной год — на свежем воздухе. Само собой, были и другие работы: мойка посуды, дежурство в трапезной, послушание на книжном складе, в бане и т. д. Не помню, чтоб объем работ был непосильным — все было вполне в нашу меру.

Отношения с братией и семинаристами складывались постепенно. Как в любом коллективе потихоньку выстраивается своя иерархическая система: кто-то становится ближе, кто-то

Серафимовский скит Сретенского монастыря ночью

дальше. Но после моего — немного горького опыта, который я получил на Украине, в Сретенском монастыре нравилось то, что братия не задается. Все по возможности стараются идти навстречу, помогают в решении насущных проблем. Конечно, бывали и недоразумения, ну а где их нет — вы знаете такие места? Важна тенденция, атмосфера. Сретенские ино-ки и студенты стремятся к простым, человеческим отношениям — это необыкновенно поддерживает.

Среди разнообразных событий семинарской жизни мне запомнились экскурсии. Мне удалось побывать в Туле, в Московском Кремле, была автобусная поездка по Москве. Ну, и, конечно, никогда не забыть потрясающее паломничество в Иерусалим, что тут сказать — это было сильно, ярко, душеполезно. Иногда студенты посещали спектакли, выставки, концерты, я, как правило, на такие мероприятия не ходил, предпочитая уединение, но видел, как радовались ребята по возвращении. Это, безусловно, очень важно, особенно для немосквичей. Повышение общекультурного уровня в будущих пастырях можно только приветствовать.

После третьего курса, в связи с некоторыми личными проблемами, я взял академический отпуск на два года. Провел их на Святой Горе Афон. Но когда появилась возможность закончить обучение, то без промедления восстановился в числе студентов-экстернов. Более того, учитывая, что экстернатура подразумевает самостоятельную программу, мне дали благословение завершить обучение досрочно, за что я очень благодарен руководству Сретенской духовной семинарии. Дело в том, что каждому возрасту свойственно свое занятие, учиться хорошо до тридцати лет, а когда уже под сорок, учебный кураж, что уж говорить, иссякает.

В целом я могу оценить годы, проведенные в Сретенской духовной семинарии, на четыре. Отлично себе поставить я, конечно, не могу — и виноват я в этом сам. Личная нерешительность, как это бывало со мной и раньше, доставила мне немало затруднений в семинарской жизни. Но нашу духовную школу, ее студентов, преподавателей, воспитателей я всегда буду вспоминать с особым теплом.

*Учебу
в семинарии
я понимаю
как важную
безу на пути
к личному
спасению*

Чтец Виталий Бровко

Межде всего расскажу о том, как я перешел из католичества в Православие. Это, кажется, любимая тема разговора для всех, кто, знакомясь со мной, знает об этом факте. Начать нужно с того, что я родился в католической семье. И вообще, в Западной Беларуси, откуда я родом, католики составляют значительную часть населения. И там нет такой сильной конфронтации Православия и католицизма, которую можно наблюдать в России, поскольку люди уже много поколений бок о бок живут вместе: работают, справляют праздники, приглашают друг друга в гости, создают смешанные браки. И поэтому, когда я приехал учиться в Москву (в авиационный институт), меня немного смущила реакция верующих православных студентов на то, что я католик. На их лицах чаще всего читалось: «Ну, ты попал, брат!», «Да, бедняга!» Самые непосредственные из них сразу же брались обращать меня в Православие, причем доводы

приводили, как я сейчас могу оценить, довольно слабые. Я вежливо слушал, но в душе никак не мог понять, на каком основании они так уверены, что истина именно в Православии? Ни образом жизни, ни делами, ни чемлибо другим они качественно не отличались от меня, но почему-то были убеждены, что они правее пред Богом, чем я. И никакие их доказательства — эмоциональные, сбивчивые, не имели такой силы, как их уверенность. И в определенный момент это задело меня настолько сильно, что я стал молиться Богу с просьбой о вразумлении.

То, что произошло после и что во многом определило мой переход в Православие, носит слишком субъективный характер и едва ли сможет повлиять на других католиков, расскажи я им об этом. Скажу лишь о том, что лично у меня после того, как я пережил и проанализировал историю своего перехода в Православие, сложилось глубокое, непоколебимое убеждение — для проповедника Христовой истины,

С преподавателем семинарии профессором А.И. Сидоровым

помимо крепкой веры, весьма желательны и другие плоды духа: «Любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, кротость, воздержание» (Гал. 5, 22–23).

Большое влияние в этом отношении на меня оказал мой нынешний духовник — иерей Александр Никольский. В то время он периодически проводил духовные беседы со студентами-авиаторами. Эти разговоры проходили просто: все желающие собирались в одной из комнат общежития и задавали батюшке вопросы. Активисты организовывали предварительное оповещение и чаепитие. И вот, когда мои соседи по комнате узнали о том, что я верующий, они прямиком направили меня туда, «к единомышленникам». Но, помню, я не сразу решился войти — пытался понять, что это за собрания. Дело в том, что немногим ранее я просил (других, правда, людей) подсказать мне адрес ближайшего католического храма, так они меня направили в одну из евангелических общин Москвы. Там я не воспользовался осторожностью и, войдя сходу, получил

в свой адрес множество улыбок плюс комплект нот для общего пения, что обязывало меня из вежливости задержаться на несколько минут. Ноты мне мне использовать не пришлось, но я утешал себя мыслью, что все не случайно, что это как бы занятие по сравнительному богословию. Поэтому в другой раз я, помня, что не все люди одинаково компетентны, уже проверял, куда меня приглашают.

Учась на первом курсе МАИ, в какой-то момент я решил принять Православие. Это произошло в конце католического Великого поста. А Православие меня встретило второй седмичей Четыредесятницы...

Родители к моему переходу в Православие отнеслись спокойно. Немного расстроилась бабушка — ревностная католичка. Она все мечтала, что я буду ксендзом. Сейчас она перешла в вечность и уже знает, что я был прав.

На третьем курсе МАИ я хотел оставить этот светский вуз, чтобы всего себя посвятить служению Церкви. Нет, я не думал быть священником — все происходило от осознания

сущности мирских знаний и занятий. Казалось, что изучение технических предметов не имеет смысла, ведь «земля и все дела на ней сгорят» (2 Пет. 3, 10). Поэтому отцу Александру пришлось долгое время убеждать меня в том, что я должен завершить светское образование. Только сейчас, как бы уже со стороны, я могу оценить всю пользу своей тогдашней учебы, причем пользу именно для будущего священнослужителя: это и опыт общения с людьми, это и знания, навыки их приобретения, которые впоследствии могут быть осолены учением Христовым, это и опыт послушания.

Более того (и я считаю данное обстоятельство весьма важным), изучение естественных и технических наук позволяет глубже осознать и оценить премудрость Божию, проявившуюся в сотворении мира, Его любовь к нам.

Понятно, что в духовную школу я поступил по благословению духовника. И хотя я сам очень этого хотел, но не выражал свое желание никаким образом. Учеба в семинарии не являлась для меня самоцелью. Я понимал ее как важную веху на пути к личному спасению.

Поэтому, когда сейчас юноши, которые имеют желание быть примерными христианами и получить образование, спрашивают совета о выборе учебного заведения (духовное или

светское), я рассказываю им о своем пути — ну, а выбор, конечно, за ними.

Когда я закончил МАИ и решил учиться в духовной школе, мнения окружающих меня людей разошлись — так же было и на первых порах моего воцерковления. Ведь как Господь сказал: «Не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34–36). Естественно, «собрание разделилось» (Деян. 23, 7): кто-то одобрил, кто-то посмеялся, кто-то даже злобился. Единственное, о чем жалею сейчас: что сам не искал тогда примирения, согласия с людьми. Хотя, как знать: может быть, мое бездействие было нужно, чтобы «умереть для стихий мира» (Кол. 2, 20). Сказать что-то определенное по этому поводу сейчас сложно. Но на нынешнем жизненном этапе я радуюсь, когда кто-то из прежних знакомых находится, и, разумеется, не уклоняюсь от общения с ними.

Понятно, что в семинарии у меня появились новые друзья. Всех их я воспринимаю как лучших людей на планете: все талантливые, благородного поведения, красавцы, понимающие, сочувствующие, всегда готовые помочь. Все их замечательные качества и не перечесть. Теперь, на финише нашей учебы, я все больше осознаю, насколько мне будет их не хватать после окончания семинарии. Но это расставание

необходимо сейчас, чтобы в будущей жизни мы снова были вместе.

История моего поступления в семинарию греет меня до сих пор, придает силы, обнадеживает и подкрепляет в трудную минуту. Дело в том, что ввиду сложившихся обстоятельств я не мог тогда опереться на свои знания — их просто было недостаточно. Я осознавал это и сокрушался в душе. И вот на епархиальном совете, когда подошла моя очередь, честные отцы во главе с архиепископом Арсением (Епифановым) стали один за другим предлагать мне вопросы. В моих и без того скучных знаниях они каким-то чудесным образом, безошибочно, находили пробелы. Они спрашивали именно то, о чем я не то чтобы не знал, но даже и не слышал. Таким образом, на все вопросы я отвечал честно, быстро... и отрицательно. Сложилась неловкая ситуация, повисло тяжелое молчание. Кто-то из отцов нарушил его словами: «Ну, а молитвы-то ты хоть знаешь какие-нибудь?» — «Знаю!» — ответил я, в душе ликуя от появившейся надежды. Ведь знание молитв наизусть я считал, что называется, своим коньком. Утренние и вечерние молитвы я и вовсе читал по памяти. И вот мне предложили прочитать одну из них. Я начал было, но вдруг осознаю, что не могу продолжить... Сам себе удивляюсь, но вспомнить не могу! Мне предлагаю вторую... Третью... Я молча склонил голову — «вспоминаю». Один из маститых московских протоиереев не выдержал: «Как так можно? Ты зачем пришел сюда? Ничего не знаешь! Так же нельзя!» Вслед за ним и другие стали спрашивать: откуда я такой взялся, с какого прихода, как давно в Церкви? После долгого, насыщенного опроса, который не давал никаких положительных результатов, напоследок меня попросили прощать что-то из церковнославянской Псалтири. Открывая ее, я в принципе был готов к тому, что и буквы сейчас не смогу вспомнить. Но, к счастью, я узнал их и начал читать. Это было самое начало 30-го псалма: «На Тя, Господи, уповах, да не постыжуся во век» (Пс. 30, 2) Начав, я не смог закончить чтения от переполнившего меня волнения, поскольку очень живо переживал и осознавал в тот момент смысл всех слов. Голос задрожал, по щекам покатились слезы. Тот же протоиерей оценил ситуацию трезво и без эмоций: «Он еще и плакать

здесь будет! Учить надо было!» Я чувствовал себя крайне неловко и просто ждал, кто первым бросит в меня слово отказа. Но последовал еще один вопрос: «А в какую семинарию ты писал прошение?» Это был архимандрит Тихон (Шевкунов) — единственный человек, которого я знал здесь по имени. «К вам, отец Тихон, в Сретенскую». «Если к нам, то возьмем», — сказал он. Вот так я оказался в семинарии и очень благодарен отцу Тихону за оказанную тогда поддержку и за его доверие к нам, его чадам.

Вскоре началась моя учеба в Сретенской духовной школе — причем сразу со второго курса.

А на третьем я уже писал первую научно-богословскую работу на тему «Аскетическое учение преподобного Иоанна Кассиана Римлянина». Конечно, нельзя не признать, что наши труды несут на себе печать несовершенства. Однако опыт написания студенческих работ, изучение источников, их анализ, обобщение фактического материала — все это очень ценно как для нашего личного развития, так и для нашей будущей деятельности.

Изначально я думал, что тему работы нужно выбирать такую, чтобы вопрос был совершенно неизвестным для меня. Таким образом, полагал я, можно всесторонне разобраться в проблеме, чтобы впоследствии описать свои размышления. Но практика показала: в ходе учебного процесса времени на глубокий разбор вопроса не хватает, а поэтому работа чаще всего оказывается не слишком удачной. Впредь я решил не брать абсолютно неведомые для себя темы, а стараться расширять уже имеющиеся у меня знания и наработки. На четвертом курсе я писал работу по Ветхому Завету у игумена Амвросия (Конькова) — «Жертвоприношение: библейско-святоотеческий взгляд». А вот тему дипломного сочинения выбрал снова по такой дисциплине, как патрология, — «Аскетическое учение мужей апостольских и апологетов II–III вв.». Моим научным руководителем выступает профессор Алексей Иванович Сидоров.

А теперь несколько слов о моих послушаниях. Три года я был семинарским плотником. Тогда я еще не знал, что плодом любого послушания в первую очередь должно быть смирение, а не продукция: аккуратно забитый гвоздь, мастерски врезанный замок.

Понимание этого пришло не сразу — поначалу я весьма сокрушался от того, что неправляюсь вполне ни с работой, ни с учебой, и тяготился своими обязанностями.

Также во все время обучения в семинарии я преподавал Закон Божий в воскресной школе при Сретенском монастыре. За мной была закреплена группа самых маленьких детей — от шести до девяти лет. На своих занятиях я делал ставку не столько на усвоение ребятишками знаний, сколько на привитие интереса к их приобретению. А сделать это можно лишь тогда, когда ребенок каждую минуту чувствует реальную связь учения Церкви со своей личной жизнью. Мой опыт преподавания в воскресной школе свидетельствует о том, что такая практика очень полезна для учащихся духовных семинарий.

Чрезвычайно важным событием своей семинарской жизни я считаю благословение на ношение подрясника. Надев его впервые, я, к своему удивлению, отметил, что чувствую себя в нем комфортно. И не только потому, что он удачно скроен, но и потому, что он как-то гармонирует с моей душой.

Не забыть мне и пение нашего семинарского хора. Я его очень люблю, хотя сам

и не состою в нем. От одного осознания того, что там, на клиросе, поют мои братья-семинаристы — души, верные Богу, поют Ему, славят Его от всего сердца — я чувствую необыкновенное расположение к молитве. Хористы поют искренне, и люди чувствуют это. Мне не раз приходилось слышать от прихожан, что они предпочитают именно семинарский хор и их нисколько не смущает непрофессионализм певчих.

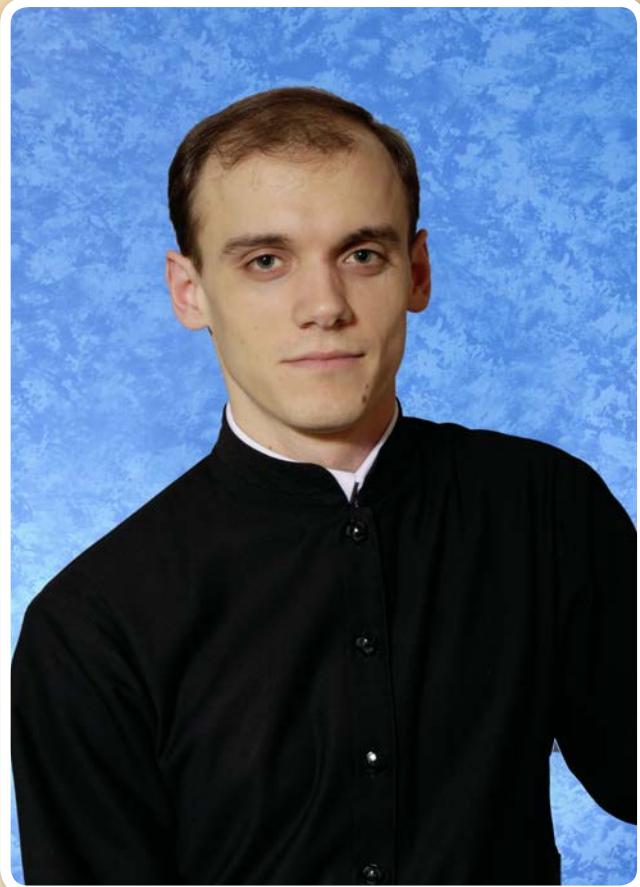
...Порой не сразу и осознаешь, насколько это важно для христианина — прикоснуться к древним святыням, своими глазами увидеть и почувствовать условия жизни Христа, Его ближайших последователей, соприкоснуться с культурой Востока. Такую неоценимую возможность дают паломничества. Мы все очень признательны руководству семинарии — прежде всего отцу ректору, архимандриту Тихону, и отцу проректору, иеромонаху Иоанну, за их труды по осуществлению поездок на Святую Землю. Лишь спустя месяцы и годы, постепенно приходит осознание значимости опыта, приобретенного в этих паломничествах. А вместе с этим пониманием рождается и огромная признательность за отеческую заботу наших дорогих наставников.

Во святых водах реки Иордан

Семинаристы не имеют права забывать, для чего они пришли в духовную школу

Чтец Алексей Щербенко

Родился и вырос я в семье военнослужащего в замечательном городе Казахстана, названном в честь святых первоверховных апостолов Петра и Павла — Петропавловске. Таинство святого крещения принял в семилетнем возрасте, но воцерковляться начал только с 13 лет. Переломной вехой в моей церковной жизни стала первая исповедь. Спустя некоторое время настоятель собора предложил мне и моему однокласснику помочь в алтаре на службе. Я с радостью согласился и впервые вошел в алтарь. Безусловно, это один из самых торжественных моментов в жизни.

По окончании школы я поступил в университет и на предпоследнем курсе педагогического факультета сказал настоятелю о своем желании учиться в семинарии. Он одобрил мое намерение, но посоветовал доучиться в светском вузе. Что повлияло на мой тогдашний выбор? Сказать определенно не могу. Скорее

всего это желание приходило постепенно — по мере моего духовного становления. Безусловно, на мое решение повлияло также духовенство нашего благочиния. Самоотверженное служение ревностных деревенских священников давало хороший наглядный пример пастырского делания.

Итак, мое желание служить Богу, помогать ближним, находить смысл жизни и быть путеводителем ко спасению душ было искренним. А потому я считал необходимым получить богословское образование. Несомненно, любой учащийся духовного заведения скажет, что оказался здесь по особому Промыслу Божиему.

На выбор учиться в православной семинарии в моем окружении отреагировали по-разному. Родители, конечно, одобрили и благословили, большинство родственников — тоже, хотя некоторые и недоумевали. Друзья, среди которых были и мусульмане, отнеслись с уважением, пониманием. Несмотря на расстояние, разделяющее нас, я до сих пор сохраняю с ними связь.

У входа в трапезную с ректором семинарии

Получив диплом в светском вузе, я нес послушание штатного пономаря. И мое желание учиться в семинарии только укреплялось.

Испросив благословение на поступление у правящего архиерея — архиепископа Елевферия Чимкентского и Акмолинского, я приехал поступать в Сретенскую духовную семинарию. Очень необычно было, когда в большой, суетной Москве попал в оазис тишины и спокойствия. При входе, помню, сразу встретил седовласого старца, поливающего розы в саду. Как потом выяснилось, это отец Аркадий. В монастыре меня радушно встретили, разместили в келье и тут же — как абитуриенту — дали послушание.

Вступительные экзамены, конечно же, проходили не без волнения. Но успокаивало понимание того, что если Богу угодно, чтобы я поступил — значит, так и будет. Нужно только приложить свои усилия. Экзамены заключались в написании сочинения на предложенную тему, тестировании по иностранному языку и самое главное — собеседовании

с ректором — архимандритом Тихоном (Шевкуновым), и комиссией преподавателей по разным историко-богословским дисциплинам.

Накануне поступления я читал «Катехизис» митрополита Филарета (Дроздова), «Закон Божий»protoиерея Серафима Слободского и выучил все необходимые молитвы. Помню, как мы, перезнакомившись, экзаменовали друг друга, переживали и молились.

На собеседование вызывали по списку, поэтому я пошел почти последним, и у меня было еще немного времени для очередного повторения выученного. Отец Тихон задавал вопросы о моей жизни, чем я интересуюсь, попросил прочесть отрывок из Псалтири, рассказать несколько молитв из вечернего правила наизусть, пропеть тропарь Богоявления. Все это, с Божией помощью, мне удалось. А вот когда задавали вопросы из Священного Писания Ветхого Завета и истории христианства первых веков, я отвечал не всегда.

Поэтому мое зачисление в семинарию я считаю заслугой тех, кто за меня молился. В первую очередь родителей. Приятно было услышать свою фамилию в числе поступивших и получить благословение, Библию и студенческий билет от ректора семинарии — отца Тихона.

Наступившие вскоре семинарские будни имеют свой неповторимый ритм, в который поначалу нужно было вписываться. Несмотря на довольно жесткий распорядок, каждый день не был похожим на другой. Особых трудностей я не ощущал, так как понимал, для чего сюда пришел, и сразу настроил себя на послушание и преодоление своеолия. Нужно сказать, что плотный график учебного процесса, послушания и особая молитвенная жизнь, безусловно, дали свои результаты для моего духовного становления.

Если вспоминать начало семинарского жития-бытья, то в учебный процесс мне было влиться легче, чем тем, у кого за плечами нет высшего образования. Правда, привыкать к новому распорядку все же приходилось — не без этого. Труднее всего для меня было просыпаться на братский молебен. Я, к сожалению, даже писал объяснительные по поводу опозданий на него.

Бытовые условия у семинаристов просто замечательные. И в этом неизменно чувствуется отеческое попечение отца Тихона. В келье нас

было шесть человек, и, несмотря на разницу в возрасте, привычках, характерах и воспитании, мы, познакомившись еще в абитуриентскую пору, неплохо уживались и постепенно стали друзьями. Ежедневно мы обсуждаем различные темы, делимся впечатлениями, советуемся друг с другом, общаемся за чаем.

Конечно, были и моменты, когда нужно было терпеть некоторые проявления характера друг друга, но чаще мы находили у наших сокелейников и сокурсников то, чему хотелось бы научиться: умению сохранять спокойствие в самых трудных жизненных ситуациях, жизнерадостности и коммуникабельности, устремленности к различным познаниям и практическим навыкам. Особенно я сдружился с ребятами со старших курсов, каждый раз радуясь их успехам и переживая за них.

Хороший, веселый коллектив сложился у нас при формировании одной из семинарских певческих групп, в которой мне, Божией милостью, довелось на первом курсе некоторое время петь на службах. Состояла она в основном из учащихся тогдашнего третьего курса. Все были очень веселые (достаточно упомянуть острословия из Орла Виктора Бурлакова) и в то же время весьма ответственно относились к своему серьезному послушанию. Замечательное сочетание!

С некоторыми выпускниками нашей семинарии я продолжаю общаться до сих пор.

Также хорошие отношения сложились и на нашем курсе. Хотя поначалу он был не очень дружным — ребята были как бы разгрупированы. Но постепенно сформировался сплоченный коллектив, и мы могли собираться, советоваться, выносить общее решение. Многие из учащихся нашего курса уже рукоположены в иереи.

Великолепно, что мы можем помогать друг другу советом, добрым словом, делом (например, подменить в послушании) и, конечно же, молитвой друг за друга. Здесь, в семинарии, можно быть всегда уверенным в помощи друзей, даже тех, от кого и не думал получить поддержку.

Адаптации в семинарском ритме и его соблюдению немало способствовали дежурные помощники проректора по воспитательной работе и, конечно, сам проректор — иеромонах Иоанн (Лудищев). Да, порой он был весьма взыскателен, но всегда чувствовалась его большая забота и отеческая опека. Лично меня отец Иоанн выручал не только как врач духовный, но и как телесный доктор.

Дежпомы у нас строгие, но неизменно справедливые. Веселость старшего дежурного помощника — монаха Николая

Посещение цирка
с друзьями-семинаристами

(Муромцева) — подбадривала, даже когда студент провинится. Справедливость и спокойствие иеродиакона Севастиана (Астафурова) давали уверенность в необходимости несения того или иного послушания. Четкость и ответственность диакона Антония Новикова служили наглядным примером того, как нужно относиться к послушанию.

Наши дежурные помощники, будучи выпускниками Сретенской духовной школы, очень хорошо знают все премудрости семинарской жизни: когда студент ленится и хитрит, а когда действительно старается выполнить все, но перегружен. И к подобной ситуации дежурные помощники всегда относятся с пониманием. Поэтому можно сказать: мы тут живем как одна большая семья!

Что касается предметов, которые преподаются в семинарии, то большинство из них я полюбил, и понял, что они являются очень важными для духовного формирования личности.

Очень мне нравится догматическое богословие, которое нам читал протоиерей Вадим Леонов. Ведь знание основных догматов

своей веры необходимо каждому христианину. Это актуально во все времена. Кроме того, нельзя забывать, что владение доктриной Православной Церкви способствует конструктивной полемике с иноверными, сектантами и атеистами. Поэтому для меня также стали интересными курсы лекций по сравнительному богословию протоиерея Максима Козлова и сектоведению доцента Романа Михайловича Коня.

А еще отец Максим сумел найти весьма оригинальную форму для занятий по пастырскому богословию. Немало необходимых умений и навыков привил нам и протоиерей Алексий Круглик — преподаватель практического руководства для пастырей.

Занятия по истории Русской Православной Церкви ведут у нас разные преподаватели. На первом курсе это были интересные и насыщенные лекции профессора Алексея Константиновича Светозарского, на четвертом — профессора Ольги Юрьевны Васильевой. Но именно систематичность преподавания Игоря Петровича Шаповалова, который вел

На занятии по литургике

у нас занятия на втором курсе, развила у меня интерес к истории Русской Церкви.

Также не могу не вспомнить лекции игумена Амвросия (Конькова), который спокойно и ненавязчиво привил мне понимание необходимости чтения каждый день не только Евангелия и апостольских посланий, но и книг Ветхого Завета. Никогда не думал, что можно так тесно соотнести его историю с нашим временем.

Очень ярко и живо проходили лекции Геннадия Георгиевича Майорова по философии, а также занятия Алексея Ивановича Сидорова по патрологии.

Особую благодарность хотелось бы выразить профессору Ларисе Ивановне Маршевой, которая очень щедро одарила нас знаниями по стилистике русского языка и показала богатство и красоту церковнославянского языка. Она оставила нам много полезного вспомогательного материала, над которым трудилась долгое время. К ней всегда можно обратиться с вопросом и быть уверенным в помощи. Вот и сейчас она консультирует нас по дипломным работам.

Иными словами, все наши преподаватели оказали огромное влияние на мое духовное образование, привили любовь к своим предметам и показали пример отношения к делу. Я безмерно благодарен им за их честный труд на благо нашей семинарии и Церкви! Также прошу у них прощения, что порой, по своей лености и нерадению, не был готов к достойному ответу.

Начиная с третьего курса, каждый семинарист произносит свои первые проповеди. Неожиданным для меня было то, что демонстрировать свои гомилетические способности пришлось не перед семинаристами, а сразу перед прихожанами нашего храма в честь Сретения Владимирской иконы Божией Матери. В тот день наместник пел на клиросе и во время проповеди вошел в алтарь. И почему-то говорить было не так волнительно, как я думал. После произнесения проповеди я вошел в алтарь — как положено, на горнее место, и наместник вручил мне богоородичную просфору. Похвалил, но сказал все же, что слова Священного Писания лучше читать, чтобы они звучали увереннее.

А вот проповедь перед семинаристами оказалась для меня волнительнее. Интересно мне

было слушать и слова других студентов, чтобы сделать для себя выводы. А потом у каждого своя техника и манера произнесения: кому-то легче заучить проповедь, кому-то — пересказать, кто-то — комбинирует, чтобы не запнуться на заученном.

А еще за время учебы в семинарии студенты пишут много работ учебно-научного характера. На первом и втором курсах это шесть обязательных сочинений, на третьем и четвертом — работы по Ветхому Завету и Новому Завету.

На третьем и четвертом курсах необходимо подготовить и защитить курсовую работу. Моим первым научным руководителем выступил протоиерей Максим Козлов. Он оказал мне неоценимую помощь в выборе темы, поиске литературы. А мне самому пришлось немало потрудиться над такой серьезной проблемой, как католический аскетизм в оценке православных подвижников благочестия и богословов (на примере святителей Феофана Затворника и Филарета (Дроздова). Ведь в сравнительном богословии необходимо четко знать позицию Православной Церкви и учение Римо-Католической церкви, чтобы можно было обличить заблуждение латинян и показать красоту и мудрость Православия.

На пятом курсе я решил писать дипломную работу по миссиологии на тему «Организация и деятельность молодежно-миссионерского центра», так как хотел суммировать не только знания, умения и навыки, приобретенные за годы семинарского обучения, но обобщить опыт работы в детском православном лагере и воскресной школе. Моим научным руководителем стал иеромонах Никодим (Шматъко). Он имеет огромный опыт миссионерства, в том числе и среди молодежи, и является духовником и руководителем молодежного миссионерского центра при православной гимназии имени преподобного Сергия Радонежского в Свято-Троицкой Сергиевой лавре.

В жизни каждого студента самой горячей порой, безусловно, является экзаменационная сессия. Именно в это время обнаруживается весь потенциал студента и то, как он проводил свое время от сессии до сессии. Тем, кто внимательно слушал лектора, конспектировал, регулярно повторял материал, не составляет большого труда подготовиться к экзаменам. А кто частенько находил во время учебных недель

себе многих других занятий, вынужден вооружаться пресловутыми шпаргалками. При этом все не раз убеждались, что ими обмануть можно только себя, да и особых знаний они не прибавляют. Но все же и из них можно извлечь какую-то пользу. Ведь от незадачливого студента требуется изрядное мастерство для того, чтобы изготовить универсальный миниконспект для ответа на самые неожиданные вопросы преподавателя.

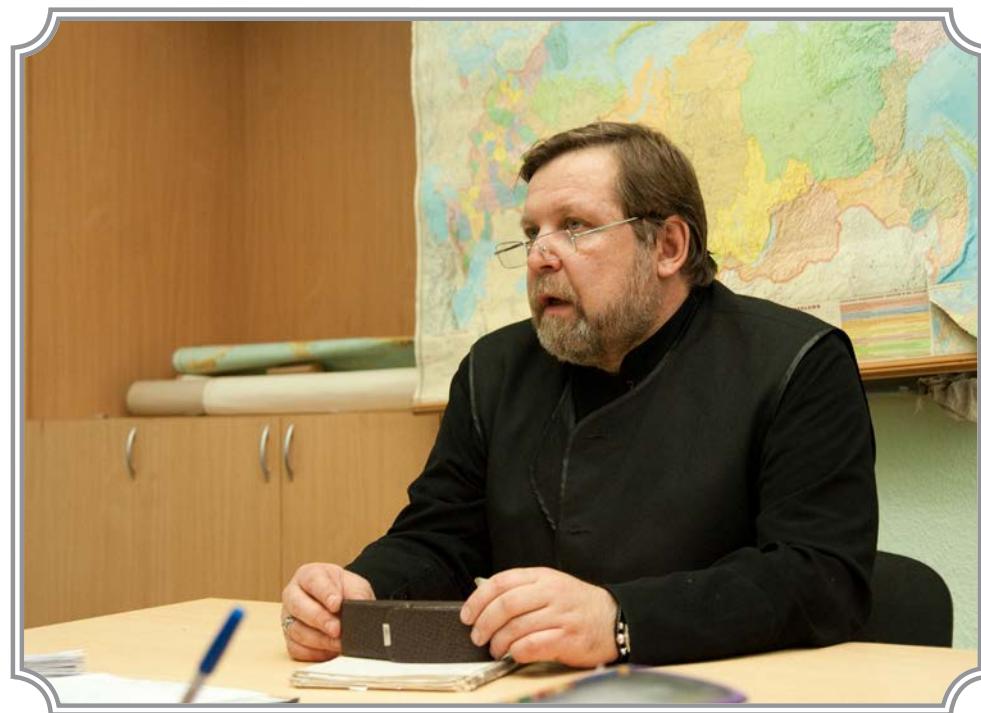
Но есть и семинаристы, которые отличаются хорошей памятью, что дает им возможность не отягощать себя зазубриванием материала. Поэтому бывает так: не очень ревностный студент, волей-неволей, хорошенко покопавшись в своей памяти, может внезапно вспомнить, как однажды он услышал на лекции именно то, что его спрашивают сейчас на экзамене. А потому с почти торжествующим видом отвечает преподавателю: «Да, я помню, вы говорили на лекции!..» И получает похвалу.

Здесь мне бы хотелось отметить одного находчивого студента из Орла — Дениса Костомарова. Он выучил одну тему к экзамену по предмету, который иные студенты не раз пересдавали, — по истории Древнего Востока. Так вот Денис вышел отвечать без шпаргалок, задал сам себе вопрос и сам же уверенно, без остановки, рассказал все о Египте

и проанализировал карту. Профессор не мог и слова вставить, а лишь прервал его спустя время словами: «Достаточно! Вы хорошо подготовились! Садитесь! Отлично!»

Но такая находчивость не гарантирует счастливую и малотрудную сессию. Поскольку методы опроса по различным учебным дисциплинам разные.

Например, на первом курсе семинарии нам предстоял экзамен по истории Русской Православной Церкви, которую читал профессор Алексей Константинович Светозарский. Прокоскоть у него просто невозможно — нужно как следует повторять весь пройденный материал. Но так получилось, что по послушанию я готовил храм к встрече гостей из Зарубежной Православной Церкви — накануне подписания акта об историческом ее воссоединении с Русской Православной Церковью. Тогда на всенощном бдении присутствовал предстоятель Зарубежной Православной Церкви — ныне покойный митрополит Лавр. В итоге в ночь перед экзаменом сил у меня хватило только на прочтение акафиста моему небесному покровителю — святителю Алексию, митрополиту Московскому. По милости Божией и по молитвам моих родителей, на экзамене я вытянул билет № 25, все вопросы которого были связанны с жизнью и деятельностью этого святого. Почти без подготовки, с огромной радостью

Преподаватель
семинарии — профессор
А.К. Светозарский

я пошел отвечать билет. И все прошло благополучно.

Еще на память приходит экзамен по катехизису на первом курсе, когда протоиерей Николай Скурат спрашивал весь изученный материал. Так же мы сдавали и литургику на втором и третьем курсах.

Непростым для меня оказался экзамен по древнегреческому языку. Но здесь опять внимание было сосредоточено на том, что я усвоил хорошо: грамматический минимум и знание наизусть основных молитв.

Однако самым сложным оказался для меня экзамен по сравнительному богословию на четвертом курсе, поскольку отец Максим Козлов задавал вопросы опять-таки по всему пройденному материалу и отвечать на них надо было без подготовки. Зато даже самый ленивый троечник усвоил для себя: в чем разница заблуждений католиков и протестантов или, например, что говорил Мартин Лютер о предопределении и какова точка зрения Жана Кальвина на сoteriологию.

Также пришлось нелегко на экзамене по патрологии на пятом курсе, когда новый преподаватель Павел Кириллович Доброцветов, обучающий еще и студентов в Московских духовных школах, подробно спрашивал не только и не столько жития, сколько доктринальское учение отцов.

За истекшие годы я убедился: если педагог умеет заинтересовать студентов своим предметом, это говорит и о его твердых знаниях, и о мастерстве. В этом смысле студентам Сретенской семинарии очень повезло с профессорско-преподавательской корпорацией!

Я уже говорил о том, что понятия о дисциплине призваны формировать дежурные помощники, которые, среди прочего, занимаются распределением послушаний. Работы у нас много: в библиотеке, канцелярии, ризнице, издательстве, столярной мастерской, компьютерном классе, гостинице, воскресной школе, проректорской и мн.др.

На первом курсе я выполнял так называемые общие послушания: уборка территории и помещений монастыря, пономарство, работа в трапезной, бане, на книжном складе, в профилактории, чтение Неусыпаемой Псалтири. Потом некоторое время трудился в столярке: что-то мастерил, чинил, собирая мебель и т. п.

Также мне посчастливилось (о чем я уже говорил) некоторое время петь в семинарском хоре, что, уверен, пригодится мне в моем церковном служении.

Со второго семестра первого курса меня благословили нести послушание в ризнице. Конечно, когда я только воцерковлялся, мог только мечтать о том, чтобы каждый день, утром, днем и вечером, трудиться в алтаре. Встав же на это послушание, понял его чрезвычайную сложность и объемность. В будничные дни, когда работы не так много, оно воспринимается с восторгом. А в праздники бывает тяжело. И на ум даже приходит лукавая мысль: «Вот ребята все в городе гуляют, а ты тут...» Поэтому при исполнении послушания в ризнице важно не потерять благоговение к святыне, к алтарю, церковному убранству, а главное — нельзя привыкать к храму (в негативном смысле слова).

С третьего курса я начал преподавать Закон Божий и церковнославянский язык в третьем, пятом классах, а также подросткам из воскресной школы прихода храма в честь святых благоверных князей Бориса и Глеба в московском районе Зюзино. Мне всегда отрадно наблюдать, как учащиеся усваивают материал, отвечают, грамотно рассуждают, задают заинтересованные вопросы. Не раз случалось так, что какой-нибудь шустрый возмутитель спокойствия, когда я спрашивал у него, о чем говорилось на уроке, не просто правильно отвечал, но даже цитировал Священное Писание. Старшие ребята задают много серьезных вопросов о Промысле Божием, о невидимом мире, о поступках людей, о вечной жизни, приводя поучительные примеры.

Безусловно, одним из самых запомнившихся моментов семинарской жизни для меня стало благословение наместника монастыря на ношение подрясника. Это произошло, по традиции нашей духовной школы, в день зимней памяти священномученика Илариона. Именно с этого торжественного момента настоящему ощущаешь себя семинаристом.

Помню я и очень правильные, чеканные слова преподавателя по библейской истории Олега Викторовича Стародубцева о должном отношении к подряснику.

Не могу не рассказать о том, какую активную миссионерскую работу проводят Сретенский

монастырь и семинария, помогая тем самым обрести Бога огромному числу людей.

Отец Тихон является вдохновителем и организатором различных миссионерских проектов, в которых задействованы наши студенты. Мы плодотворно сотрудничаем со многими молодежными организациями России. Семинаристы совершают регулярные поездки в школу-интернат в городе Михайлов Рязанской области, над которой монастырь взял шефство.

Во всех этих начинаниях самое деятельное участие принимает наш преподаватель по миссиологии — иеромонах Никодим (Шматъко). Он проводит с семинаристами предварительные консультации, делится многочисленными наработками.

Приезжая в интернат, мы организуем беседы, устраиваем концерты, соревнования по футболу, чаепития. И дети очень ждут наших визитов. Больно видеть на их лицах печаль от того, что они лишены родительской заботы и ласки. И тем приятнее наблюдать, как после каждой нашей встречи оттаивают их израненные сердца, теплеют грустные глаза.

Масштабностью отличается и миссионерско-издательская деятельность Сретенского монастыря. Когда я учился на первом курсе, в конце 2006 года был издан красочный календарь на 2007 год с мыслями известных людей о Священном Писании. И каждый семинарист, уезжая домой на рождественские каникулы, взял с собой несколько экземпляров для распространения. Один я отдал проводнику в поезде, а остальные — родственникам, прихожанам и просто тем, кто интересуется православной верой.

А в 2008 году издательство Сретенского монастыря выпустило красочно оформленное Евангелие от Марка. Благовестие евангелиста Марка отличается краткостью и доступностью языка, что очень важно для людей, которые делают свои первые шаги на пути к Богу. Так вот это Евангелие издали огромным тиражом для раздачи перед Пасхой москвичам и гостям столицы.

И этот почетный жребий — стать ловцами человеков в Страстную седмицу — выпал семинаристам-сретенцам. Мы вставали в пять часов утра, приезжали на уже заранее распределенные между нами станции московского

метрополитена, которые являются наиболее многолюдными, и приступали к раздаче Евангелия всем прохожим со словами «С наступающим праздником Пасхи! Подарок от Святейшего Патриарха к Пасхе — Евангелие от Марка!» Надо сказать, что прохожие реагировали по-разному. Чаще недоумевали и интересовались: не сектанты ли это в длинных черных одеждах и почему вдруг православные так делают? Удостоверившись в нашей принадлежности к Русской Православной Церкви, люди брали подарок. Некоторые просили несколько экземпляров для родственников, знакомых или для воскресной школы, другие — обращались с вопросами о вере, третья — проходили и брали Евангелие просто как очередную уличную рекламу. А некоторые обращались и с такими словами: «Зачем же вы так делаете? Эти Евангелия лежат на полу вагонов метро, в урнах!»

Но ведь, сколько других людей, ищущих смысл жизни, жаждущих правды, возможно, обрели истину именно в эти дни! Ведь Христос распялся и воскрес ради спасения всех нас и ради каждого из нас!

Помню, ко мне в ту Страстную седмицу подошел какой-то писатель-любитель и буквально завалил вопросами о Православии. Особенно умиляли дети, которые даже тянули за руку взрослых, чтобы получить подарок!

Таким образом, мы непосредственно общались с народом и, можно сказать, увидели некий срез его современного духовного состояния. И для меня это стало колossalным опытом миссионерского делания.

Особого внимания заслуживает проект отца Тихона под названием «Общее дело». И это действительно общее дело в спасении России от алкогольной зависимости. Наместник в свое время предложил семинаристам сделать презентацию и буклеты на тему борьбы с пьянством.

Также были организованы поездки нескольких групп семинаристов со священником для лекций и бесед о вере по городам России. Ребята посетили и военный госпиталь имени Бурденко для разговора о Православии.

В этих проектах я не участвовал, так как моя летняя практика проходила в детском оздоровительном православном лагере «Княжеская Русь», где я был отрядным вожатым. Для меня это стало не первым, конечно, но достаточно

серьезным опытом работы с детьми, поскольку, помимо исполнения чисто педагогических задач, необходимо было постоянно контролировать местонахождение ребят, состояние их здоровья, настроение, бытовые условия и т. д. В общем, на эти две недели мы должны были стать для них не просто примером христианского поведения, но и на время заменить нашим воспитанникам пап и мам, чтобы они почувствовали в отсутствие родных и близких нашу заботу и могли обратиться к нам в любое время суток с интересующим их вопросом. Мы должны были действовать исключительно в интересах детей и в то же время не нарушить распорядка, правил и законов «Княжества». А главное, нам необходимо было помнить фундаментальный закон педагогики — не навреди детям и люби их. Делать это было не сложно, так как все ребята, и не только из моего отряда, были очень хорошиими, и я с первого дня нашел с ними контакт. И мне было совсем не обременительно их выслушивать, помогать им, относиться с пониманием к любой — даже самой незначительной — проблеме. И дети

это чувствовали и действительно обращались за советом. Приходилось решать вопросы не только на отрядной «свечке» (это вече «Княжества»), но в оперативном режиме.

Помимо организации интересного отдыха перед нами стояла другая задача — вовлечение детей в церковную жизнь. Для ее осуществления использовались различные методы: приобщение к Таинствам Православной Церкви, совместная молитва, беседы на катехизические темы. В связи с этим соответствующим образом была организована и богослужебная жизнь лагеря. Каждый день в храме читались утренние и вечерние молитвы, причем чтец выбирался из числа детей очередного — дежурного — отряда, а не только из вожатых. В течение дня также читались молитвы перед началом и по окончании трапезы и при иных обстоятельствах (например, перед походом). При поднятии в начале смены и опускании в ее конце флага лагеря все вместе пели троепары Честному и Животворящему Кресту.

При этом утреннее и вечернее молитвенные правила были немного сокращены, что

В летнем лагере

позволило достичь нужного эффекта и удержать внимание детей. Поскольку режим был основан на принципах здорового образа жизни и каждый день насыщен активными мероприятиями, такие молебствия не утомляли наших маленьких воспитанников. Лучшему сосредоточению и запоминанию способствовало и то, что молитва совершалась «едиными устами и единственным сердцем».

А еще у ребят было время и возможность выслушать отрывок из Евангелия и краткую, но поучительную проповедь иеромонаха Ирина (Пиковского) — руководителя и духовника лагеря. К нему мог обратиться любой его наставник.

Весьма замечательным было и то, что наш лагерь был разбит неподалеку от храма в честь иконы Божией Матери, именуемой Тихвинская, в городе Холм Новгородской области. Именно в этой церкви можно было приобщиться к Таинствам Православной Церкви и приобрести навыки церковного благочестия. И я видел, как охотно, с радостью дети принимали активное участие в богослужении: чтении, пении, пономарстве, уходу за лампадами и догорающими свечами. И пусть во время службы было немало желающих посидеть на скамейке, общий молитвенный настрой оставался неизменным. Дети участвовали в нескольких всенощных бдениях и литургиях: исповедовались, причащались Святых Христовых Тайн.

Особенно я радовался успехам в церковной жизни тех ребят, кто самостоятельно вычищал правило ко Причастию и кто именно здесь начал свою интенсивную литургическую жизнь. А один из мальчиков пережил своеобразное церковное возрождение. В то лето он впервые за довольно большой срок принял осознанное участие в Таинствах исповеди и Причастия, охотно пел на клиросе. И это была его главная победа — помимо спортивных успехов.

Ребята также с большим вниманием слушали продолжительные проповеди протоиерея Василия Середы — настоятеля Тихвинского храма. Все это способствовало укреплению в детях навыков духовной жизни.

Помимо богослужебной жизни, мы организовывали отрядные «свечки», посвященные христианской тематике. И здесь мы достигли неплохих результатов. Проблемные темы,

которые поднимались на вече «Княжества», решались сообща, и дети сами находили выход из ситуаций. Темы отрядных «свечек» были самыми разными: о молитве, правилах благочестия и поведения в храме, необходимости исповеди и Причастия. И, конечно же, дети делились своими впечатлениями о проведенном дне. Особенно запомнились первая и, конечно же, последняя наши встречи.

Вся обстановка располагала к откровенным и доброжелательным разговорам: участники лагеря сидели, по кругу передавали друг другу свечку. В начале встречи было трудно акцентировать внимание всех на том, у кого в данный момент находится свеча, так как эмоции по поводу прожитого и увиденного били ключом и каждому было что сказать. Но со временем дисциплина нормализовалась. Очень трогательной была последняя «свечка». Все собирались на отрядном месте, и пока готовился кипяток на костре для лапши и чая, а затем и шашлык, ребята говорили о смене в целом и высказывали друг другу пожелания и благодарность. Некоторые девочки, растрогавшись, плакали. «Свечка» затянулась, и ко времени отбоя ее пришлось подсократить.

Несомненно, успешному решению нравственно-воспитательных задач помогло расположение нашего лагеря в живописном месте, у слияния двух рек — Ловать и Кунья, где проходил исторический путь из варяг в греки. Уже одно это обстоятельство рождает в душах детей патриотические чувства, возгревает любовь к Родине и Церкви.

Нужно сказать еще и о том, что лагерь палаточного типа, коим является «Княжеская Русь», со своим распорядком, правилами и законами вырабатывает способность выживания в экстремальных условиях, содействует приобретению и закреплению у детей таких жизненно необходимых качеств, как послушание старшим и забота о младших, дисциплинированность и аккуратность, честность и исполнительность, кротость и смирение, инициативность и ответственность. Ребята успешно овладели навыками молодого разведчика: разводили костер без спичек, устраивали жилище в лесу и маскировали его.

Еще раз подчеркну: дети нам попались очень талантливые. И при наличии хорошей материальной и технической базы было легко создать

благоприятные условия для творческого развития их личностей.

Особого упоминания заслуживает то, как самоотверженно ребята помогали в подготовке к престольному празднику — чествованию иконы Тихвинской Божией Матери. Несмотря на дождь, была проведена уборка мусора, стройматериалов. Из цветов и травы были изготовлены красивейшие ковровые дорожки, которые настелили вокруг храма для крестного хода. Все это было сделано с усердием, осознанием пользы своего дела и во славу Божию.

Много внимания уделялось в «Княжеской Руси» дисциплине. Особенно во время трапезы. Поначалу детей приходилось постоянно призывать к тишине. Тот отряд, который шумел громче других, выполнял обязанности дежурного вне очереди. За серьезные провинности нарушители пополняли штрафотряд. Такие «штрафники» трудились на территории лагеря. И их работа шла им только на пользу. Обязанности дежурных ребята выполняли без ропота, понимая, что труд этот идет на благо всем наследникам лагеря. Тем самым

у воспитанников формировались представления о взаимопомощи и взаимовыручке.

Понравились детям иочные дежурства, когда из состава дежурного отряда выделялся ночной сторож. Они с необыкновенным воодушевлением ждали своей очереди. Такое дежурство воспитывало в них чувство ответственности.

Понятно, что юным русичам очень полюбились купания. Но и они были организованы. Дети купались небольшими группами для лучшего контроля за ныряющими и резвящимися в воде, который осуществлялся взрослыми — и с берега, и в воде.

Каждый день начинался с зарядки под руководством спортивного инструктора. Занятия состояли из пробежки, комплекса упражнений и эстафеты или веселой подвижной игры. Так что ранний подъем детей скрашивала зарядка, которая давала позитивный настрой на весь день. Кроме того, детей, которые ранее других вставали в строй, награждали гривенником. Вместе с ребятами занимались зарядкой и мы, вожатые.

Во время нашей смены была организована паломническая поездка в Псково-Печерский

Песни под гитару в летнем детском лагере

мужской монастырь. Ребята ознакомились с жизнью обители, побывали на трапезе, посетили Богом зданные пещеры, осмотрели территорию под водительством иеродиакона Александра.

Расскажу немного о системе мероприятий, которые по своему разнообразию и энтузиазму детей, участвовавших в них, вносили в жизнь лагеря не столько соперничество, сколько единство, соучастие, сплоченность, позитивные эмоции и хорошее настроение.

В лагере функционировали интересные кружки: библейский, интеллектуальный, военно-патриотический, хорового пения, рукоделия.

Всем участникам запомнился сплав по реке. По пути приходилось высаживаться из севшей на мель лодки и тащить ее с камней. Здесь проявила себя необыкновенная сплоченность ребят.

Еще одним интересным мероприятием был поход — довольно продолжительный, но все же не обременительный. Ребята шли в колонну по одному, по отрядам. У каждого была своя ноша — рюкзак с пайком и самым необходимым в походе инвентарем. Маршрут проходил через реку, поэтому ребятам нужно было форсировать ее вброд. По пути они пели песни, были и небольшие привалы. Отдохнув

и подкрепившись, дети снова пели песни под гитару, играли в подвижные игры. В конце похода воспитанники и педагоги искупались в реке и двинулись на подъехавших автобусах в старый монастырь — в Воронцово. Там игумен рассказал о храме и показал территорию обители. Ребята спели тропарь, величание, а затем отправились в лагерь.

Еще одно мероприятие порадовало всех своей интригой — необходимо было найти «печенега» по разным подсказкам, которые нужно было периодически находить по пути. И хотя это задание выполнялось не на скорость, но все торопились, обгоняя друг друга, бежали по мокрой траве, через водные препятствия, спуски и подъемы. Все действовали дружно и в трудных местах подавали друг другу руку, бросали доски и ветки и даже успевали по пути петь песни. Найденный «печенег» позабавил всех своим видом и смехом, и дети норовили с ним сфотографироваться. Затем ребята сами без спичек быстро развели костер и принялись с огромным аппетитом поглощать бутерброды. Некоторые смельчаки отправились купаться в водопаде — под зорким наблюдением старших. Периодически подъезжал автобус и забирал группу детей, желающих попасть в лагерь. Другие ждали своей очереди, коротая время у костра, исполняя песни под гитару.

Провели мы и целый ряд спортивных мероприятий. Одно из них началось после получения сообщения от гонца. Это была веселая межотрядная эстафета. Все ее конкурсы имели большой успех — кроме, пожалуй, так называемого «слона».

А еще были у нас самые настоящие олимпийские игры. Это интересные состязания, в которых участвовали все — каждый в определенной ему роли. И дети, часто неожиданно для самих себя, показывали высокие результаты. Например, Настя Малютина из моего отряда даже не хотела участвовать, но после заняла призовые места сразу в нескольких состязаниях. А ее сестренка Света сделала больше отжиманий, чем многие мальчишки. В эстафете ребята показали свою сплоченность, слаженность в действиях. Некоторые показывали поистине олимпийское спокойствие, сохраняя невозмутимость среди шумного ликования болельщиков.

Самыми популярными играми у детей являются лапта и футбол. Все с особым задором следят за ходом игры. А что уж говорить о самих участниках?! В лапте лучшим было «Княжество барсов» со своим бессменным лидером Владимиром Середой, который блестяще отбивал все удары и давал возможность бежать почти всей своей команде за очками.

Но больше всего болельщиков собрал футбол. Здесь были продемонстрированы и отличная игра в пас, и не менее успешные проходы одного игрока. Ребята сами принимали решение в расстановке игроков. Кто-то делал акцент на оборону с последующей контратакой, кто-то сразу рвался в атаку. Хорошо выполняли ребята штрафные удары и пенальти. В створ ворот били и головой, и с разворота. В общем, дети показали «недетский» футбол.

А вот состязаться с вожатыми им еще было рановато. Чего только стоят могучие удары повара Максима Викторовича или ночного сторожа Алексея Михайловича.

По результатам турнира лучшим бомбардиром признан Кирилл Ибрагимов из «Княжества Золотые купола», лучшим вратарем — Глеб Лаптев из «Княжества барсов», а лучшим игроком футбольного турнира — Оскар Мамфорд из моего отряда. Причем финальный матч и призовой матч против вожатых он играл без ботинка на ударной ноге. Неплохие

успехи он показал в лапте и олимпийских играх.

Каждый вечер, после отрядной «свечки», когда дневные мероприятия исчерпывали себя, у детей было свободное время. И они, как правило, занимались подвижными играми и пели у костра под гитару или под караоке...

С улыбкой вспоминаю сейчас, как девочкам пришлось взять шефство над мальчишками при сборах в поход и мыть посуду во время ответственного футбольного матча. Зато мальчики брали инициативу в подготовке отрядного места, помогали девочкам в походе, на сплаве по реке, в поисках «печенега». Разумеется, ребята навещали больных в лазарете.

Очень важно, что дети всегда прислушивались к своему капитану. А она — Екатерина Овчинникова — очень помогала нам, вожатым. Большинство ребят отдыхали в лагере не в первый раз, а потому им не составило большого труда влиться в его режим. И пусть иногда возникали трудности, проблемы, воспитанники старались соблюдать законы «княжества» и хорошо справлялись с возложенными на них обязанностями.

Все это в совокупности делало отряд единым целым. Ребята оказались рассудительными и находчивыми. И это проявлялось не только на «княжеском» вече.

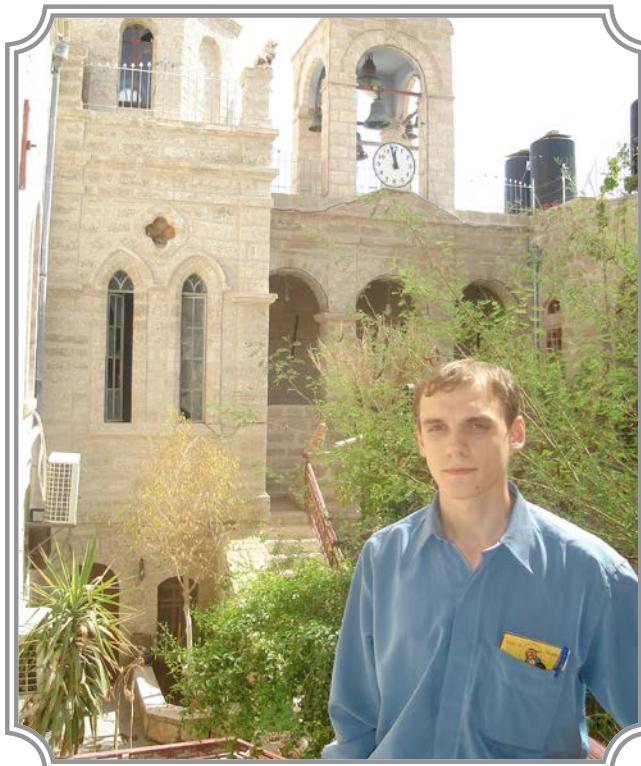
Однажды Иван Старчик заявил одному своему, успешно сыгравшему матч, товарищу: «О, брат, да ты впал в гордыню! Я обязательно прослежу, чтобы ты сегодня исповедался». И действительно тот самый мальчик поисповедался на вечернем богослужении, а на следующий день причастился...

Несмотря на то что наше «княжество» по результатам смены, которую большинство ребят признали самой удачной и хотели продлить еще, по крайней мере, на две недели, не стало лидером по количеству ярлыков и гривенников, оно все же было очень дружным. Это отмечали и другие вожатые, которые, кстати, имеют, как правило, небольшой педагогический опыт, и сотрудники лагеря, и дети, ставшие вожатыми в день самоуправления.

Иначе говоря, я считаю, что наш отряд за время пребывания в Новгородской области очень сплотился, став неотъемлемой частью общелагерного коллектива. В общем, смена удалась на славу!

На следующий год я ездил в этот же лагерь, но уже в качестве руководителя военно-патриотического кружка, и увидел неподдельный

интерес детей к искусству ратного боя. В наш кружок под названием «Ратоборец» приходили не только мальчики, но и девочки. И с такими же горящими глазами бросали учебную гранату, отрывали окопы на отделения, маскировались, ходили в разведку, отрабатывали приемы строевой подготовки, интересовались устройством гранаты, автомата, видами оружия массового поражения, надевали противогаз на время, овладевали принципами работы с топографическими картами, компасом и курсиметром, преодолевали полосу препятствия и т. д.

В общем, судя по отзывам, моим воспитанникам было очень интересно, а я, надеюсь, внес свой — пусть и небольшой — вклад в воспитание будущих защитников Отечества.

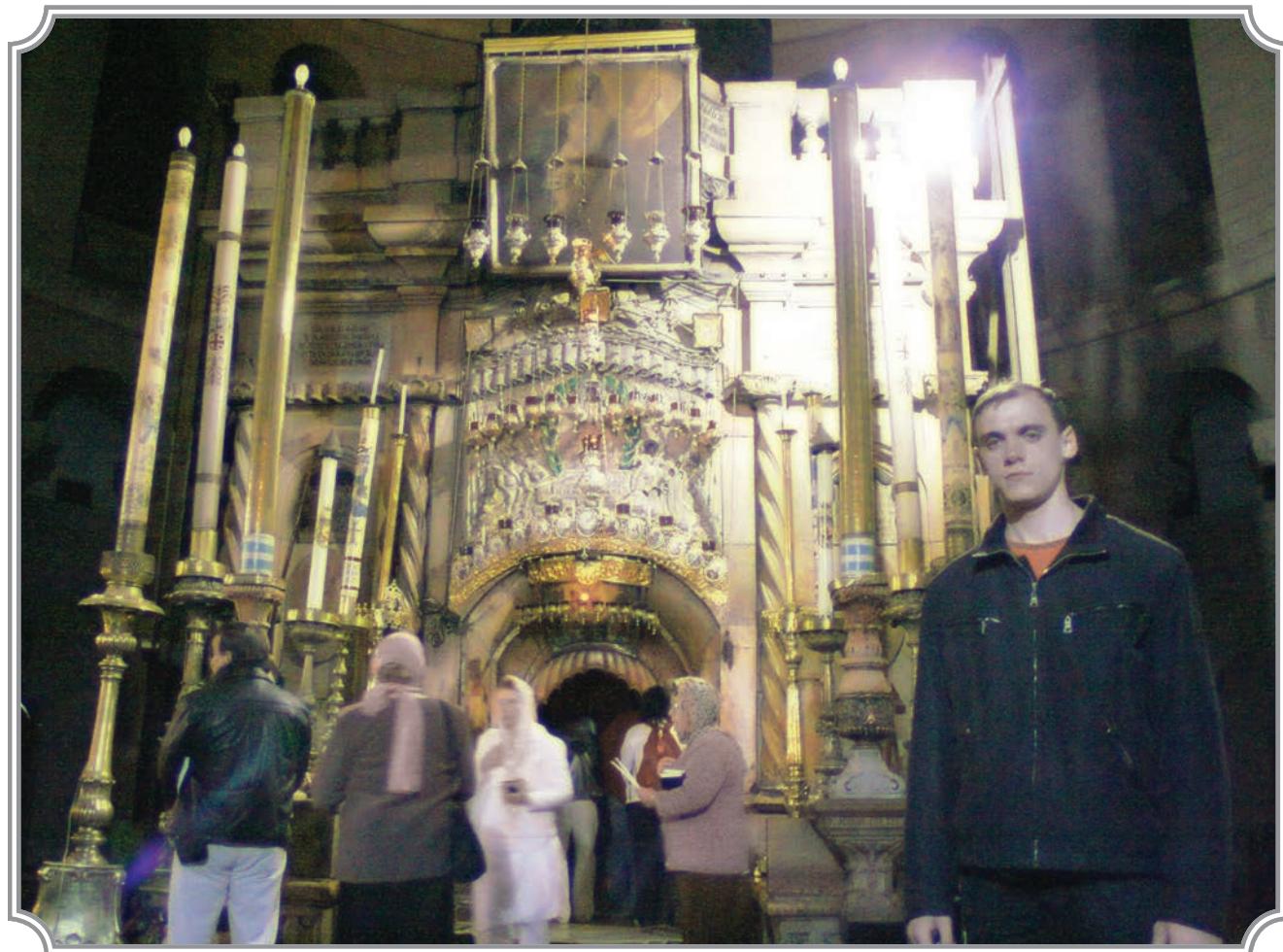
Интересными для меня были паломнические поездки, которые мы совершили в семинарские годы: в Ростов Великий, Ярославль, Владимир, Сузdalь, Варницы, Сергиев Посад, Тутаев, Толгу, Серпухов, Боголюбово.

Но одним из самых важных событий в моей жизни я считаю посещение Святой Земли. Господь сподобил меня дважды побывать в этом месте. Здесь мы посетили самые главные

христианские святыни: храм Воскресения Господня в Иерусалиме, приложились к камню помазания, Голгофе, к гробу Господню, побывали на месте обретения Животворящего Креста. Были в темнице, где держали перед казнью Христа и разбойников. Прошли по Крестному пути, по которому шел Спаситель от Претории до Голгофы. Приложились к отпечатку руки Спасителя на стене, на которую Он облокотился под тяжестью Креста. Были в Сионской горнице, где произошли Тайная Вечеря и Сочество Святого Духа на апостолов. Побывали на Александровском подворье. Помолились на всемощном бдении. А ночью причастились на литургии у гроба Господня. Посетили Гефсиманию, русский монастырь святой равноапостольной Марии Магдалины. Приложились к мощам святой великомученицы Елизаветы. Посетили гробницу Пресвятой Богородицы в Иософатовой долине, Кедронский поток, храм Успения Пресвятой Богородицы, Энн-Карем — град

Иудин. Были на месте рождения Крестителя Господня Иоанна, затем в Горненском православном женском монастыре. Посетили Елеонскую (Масличную) гору и «стопочку» — место, где чудесным образом отобразился след стопы возносившегося Спасителя.

С Елеона открывается красивый вид на Храмовую гору. В Палестинской автономии мы заехали в Вифлеем, побывали в храме Рождества Христова. Там находится крипта пастушков — подземная церковь, устроенная в пещере, где в ночь Рождества Христова пастушкам явились Ангелы, возвестившие о Рождении миру Спасителя, пещерный монастырь блаженного Иеронима, пещера убиенных вифлеемских младенцев. В Назарете семинаристы посетили церковь Благовещения, церковь Архангела Гавриила и испили из источника. На этом месте, по преданию, стояло жилище праведных Иоакима и Анны. Все приложились к Иерусалимской иконе Божией Матери.

Паломничество на Святой Земле

Кроме того, мы посетили Русскую духовную миссию — а именно храм с музеем царственного страстотерпца Николая и приделом святого князя Александра Невского. Здесь же находится игольное ушко, сквозь которое, по слову Спасителя, удобнее верблюду пройти, нежели богатому войти в Царство Божие.

В Иудейской пустыне, в Лавре Саввы Освященного, мы приложились к месту погребения святого Саввы. Там один молдавский монах угостил нас соком с конфетами. Потрясает, что кельи подвижников находятся прямо на отвесных склонах. А внизу протекает поток Кедрон.

Побывали семинаристы-сретенцы и в Лавре Феодосия Великого (пещере волхвов). Были у гробницы святых жен-пустынниц. Посетили монастырь преподобного Герасима Иорданского, который дружил со львом. Там нас угостили монастырской похлебкой. В монастыре есть традиция встречать паломников колокольным звоном. Звонят необычайно красиво!

Ездили мы в Хеврон, там находится Мамврийский дуб. Зашли в Троицкий монастырь. Были в пещере Махпела — пещере праотцев в Хевроне (Авраама, Сары). В Вифании спускались в могилу Лазаря Четверодневного. В Иерихоне были в монастыре преподобного Георгия Хозевита, проезжали гору сорокадневного искушения.

На гору Фавор мы забирались на специальных автобусах по крутым склонам. Интересно, что водители иногда, полагая, что знают дорогу очень хорошо, вовсе не смотрят на нее. На вершине Фавора, как известно, стоит греческий православный монастырь.

И, безусловно, совершенно незабываемо омовение в реке Иордан. Вода теплая, чистая. А вот на прилегающей к нему территории находится зоопарк.

Довелось нам побывать и на родине апостола Петра — Тивериаде, на берегу Галилейского озера (его еще называют Генисаретским, Тивериадским). Там Господь призвал учеников и укротил бурю.

Здесь же в местечке Магдала, как известно, было совершено исцеление Марии Магдалины и произошел чудесный улов рыбы, которая до сих пор водится в Тивериадском озере. Нам удалось попробовать ту самую жареную

петровскую рыбку. Потом мы вместе купались в Генисаретском озере. Здесь произошло событие умножения пяти хлебов и двух рыб.

Много впечатлений мы получили в Капернауме. В Кане Галилейской посетили католическую церковь первого чудотворения Спасителя на брачном пиру. Были на месте, где апостол Петр воскресил праведную Тавифу. В городе-порту Яффе мы купались в Средиземном море. Вода там очень соленая. Тогда я впервые в жизни побывал на море.

Я бесконечно благодарен администрации семинарии и лично отцу Тихону за уникальную возможность таких замечательных паломничеств, память о которых останется в моем сердце.

Конечно же, совершенно бесценным обстоятельством является то, что наша духовная школа находится при монастыре. Мы можем видеть иноческую жизнь, общаться с братией, молиться вместе с ними и имеем возможность испросить совета по духовной жизни. Так, я очень признателен за духовное руководство иеромонаху Иову (Гумерову), который всегда меня поддерживал и находил самые нужные слова. А еще я всегда поражался спокойствию игумена Амвросия (Конькова), доброте иеродиакона Серафима (Чернышку), рассудительности иеромонаха Арсения (Писарева)...

Не могу не вспомнить ночные литургии в Сретенском монастыре. В полумраке храма, среди потрескивающих свечей, под звуки красивого пения, в состоянии всеобщего молитвенного внимания наступает благодатное спокойствие и тихая радость. Из алтаря выносят чащу — и все студенты причащаются.

В семинарии мне предоставилась возможность помолиться в алтаре во время служения Святейшего Патриарха Алексия (Царство ему Небесное!), затем и Патриарха Кирилла, а также первоиерархов Зарубежной Православной Церкви и представителей Сербской, Болгарской, Грузинской Поместных Церквей.

Свободное время семинаристы проводят по-разному: гуляют по Москве, ходят в театр, кино, парки, цирк, готовятся к занятиям, пишут сочинения, курсовые и дипломные работы, читают или отсыпаются. Студенты из Москвы и Подмосковья, конечно, не упускают возможности съездить в свободное время домой. Не раз мы бывали в скиту Сретенского

монастыря, который находится в живописной Рязанской области.

На первом курсе я очень часто гулял по столице, наслаждался красотой ее парков. Дважды ходил в огромный московский зоопарк. Очень люблю посещать цирк Юрия Никулина на Цветном бульваре.

По душе мне и активный отдых. Например, я катаюсь на роликах на ВДНХ или в парке Победы.

Как известно, у нас в семинарии сформировалась своя футбольная команда и нас стали приглашать на турниры по минифутболу среди воскресных школ и духовных школ не только Москвы, но Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Орла и даже Сербии, Грузии, Беларуси. Тренировались мы сначала на уличных площадках и в школьных спортзалах, но именно после занятий на малой арене стадиона Лужники наши результаты заметно улучшились.

Также мне посчастливилось войти в состав Сретенской команды по пэйнтболу и участвовать в турнире среди православной молодежи из разных приходов Москвы. Было очень интересно! Мне удавалось поразить несколько соперников за каждый тур, хоть я и был слабым звеном нашей команды. Мы заняли тогда призовое место.

Еще мы устраивали турнир внутри семинарии по настольному теннису; играли в волейбол, баскетбол.

Кроме того, у нас есть зал, оборудованный несколькими тренажерами.

Очень весело проходят у нас чаепития, приуроченные к дням рождения и именинам. Семинаристы собираются в келье или аудитории, поздравляют виновника торжества, поют многоletие, дарят подарки, поют песни под гитару, баян и без сопровождения.

Но главное, по установленной традиции, после обеда в трапезной все присутствующие священники, диаконы, монахи, преподаватели и семинаристы поют имениннику многоletие. Затем ему вручается богоодичная просфора, из которой в этот день была изъята на проскомидии частичка о его здравии.

...Семинария дала мне многое. Это школа терпения, смирения и неосуждения ближнего, каким бы он ни был. Для этого необходимо увидеть в каждом человеке образ Божий. Здесь я имел возможность общаться с братией

монастыря. Огромное влияние на меня оказал мой духовник — иеромонах Иов (Гумеров). Я получил всестороннее богословское образование, которое пригодится на выбранном мною жизненном пути. За что хочу еще раз выразить благодарность всему профессорско-преподавательскому составу и администрации Сретенской семинарии!

Семинаристам же, настоящим и будущим, желаю не терять драгоценного учебного времени и использовать возможность для подготовки себя к ответственному служению Богу.

Конечно, все православные христиане должны стремиться к духовному росту — регулярно причащаться Святых Христовых Тайн, постоянно вести духовную брань, читать Священное Писание, творения святых отцов. А еще студенты не имеют права забывать, для чего они пришли в духовную школу.

Очень советую по возможности высыпаться. Это просто необходимо, чтобы сохранить силы, здоровье и хорошее настроение. Не стоит забывать и о благотворных занятиях спортом.

И наконец самое важное — желаю укрепляться в вере и в решимости служить Богу и людям!

*Хочу пожелать
семинаристам,
чтобы они слушали
своих наставников
и побольше терпели*

Чтец Максим Воронин

*К*огда мне исполнился год, надо мной было совершено Таинство святого крещения в храме святого пророка Иоанна Предтечи, что на Красной Пресне.

Из школы у меня осталось такое воспоминание. В классе третьем меня спросили: «Ты веришь в Бога?» Я ответил: «Да!» И у меня тогда начались проблемы.

Ходить в храм я регулярно — по праздникам и воскресным дням — начал с 17 лет. Случилось это после того, как однажды, проходя мимо церкви, я заинтересовался: что же там происходит. Это был храм Всех Святых на Соколе. Было неловко, но я все же вошел, и уже навсегда. Стал слушать радиопередачи, читать книги, где говорилось о православной вере.

Несомненно, запомнился мне момент — яркий и неожиданный, когда на крестный ход на Пасху меня благословили на стихарь и я нес хоругви, а потом еще носил водосвятную чашу, а священник кропил народ водой.

В восемнадцать меня призвали в армию. Воинская часть была рядом с Донским монастырем. И монахи вели беседы с личным составом, водили нас на экскурсии в обитель. На территории части они устроили домовой храм и библиотеку, благодаря которой я активно изучал основы православной веры. Туда я ходил по возможности, ведь у нас был свой распорядок дня. Часа за два до общего подъема части я приходил в библиотеку и храм.

Именно в армии у меня появилось желание учиться в семинарии.

Уже на следующий день после демобилизации я пошел в храм Всех святых на Соколе, который посещал и раньше.

А вскоре поступил в кулинарный техникум.

В 2002 году я приехал в Сретенский мужской монастырь, чтобы купить книгу, и увидел на доске объявлений, что обители требуются работники в трапезной. Я подал документы, и, таким образом, началось мое знакомство со Сретенским монастырем. Работать я начал

Отец Феофан и отец Анастасий на Святой Земле

при монахине Сергии. Она была и добрая, и строгая.

Послушание келаря тогда нес покойный схиархимандрит Анастасий, а его помощником был отец Феофан. Когда они приходили в трапезную, моментально возникала живая, радостная обстановка, забывалась грусть, невзгоды, не было человека, который бы ни улыбнулся.

Когда у кого-то возникали духовные проблемы, всегда приходил отец Анастасий и утешал страждущего. Никогда и никому он не отказывал в материальной помощи. Если какому-то сотруднику трапезной нужно было ехать на вокзал поздно ночью, батюшка вез его, а вернувшись, непременно вычитывал молитвенное правило. Однажды мы с ним ночью проводили нашего работника, посадили его в поезд и приехали в монастырь часа в три ночи. Отец Анастасий пошел к себе в келью, и свет у него горел до утра.

Отец Феофан рассказывал: когда они с отцом Анастасием приезжали на продуктовый рынок за продуктами для монастыря, продавцы

сбегались к ним, чтобы поздороваться, каждый предлагал зайти, они уже знали, что нужно купить отцу Анастасию и без лишних разговоров сами приносили продукты к нашей машине и грузили их. Каждый считал за честь повидаться и поздороваться с русским муллой — так уважительно его продавцы-мусульмане называли!

Отец Анастасий преставился, исповедавшись, причастившись и будучи постриженным в великую схиму. Он очень страдал физически. Батюшка был предан земле в праздник Казанской Божией Матери в нашем скиту.

Сейчас келарское послушание несет отец Феофан — очень добрый, отзывчивый, как отец Анастасий, ведь он был его помощником и перенял его ответственность, внимательность и заботливость.

...Устроившись на работу в монастырь, в начале я чистил картошку, затем был грузчиком, позже поваром, а потом меня назначили шеф-поваром.

В 2005 году, на день памяти священомуученика Илариона, я твердо решил учиться

в Сретенской семинарии. Родители, узнав об этом, отреагировали с удивлением, но спокойно. Друзья тоже отнеслись с пониманием.

Сдав вступительные экзамены, я поступил на первый курс.

Семинарские будни после пройденной армейской службы виделись не такими уж сложными. Тем более что отец Иоанн (Лудищев) — наш проректор — очень внимательно относился к студентам и заботился о нас как о детях. Низкий ему поклон!

Как и все учащиеся, я нес общие послушания. Убирал территорию и помещения монастыря, работал в саду, на книжном складе. Иногда по необходимости работал в трапезной.

Все учебные предметы мне очень нравились. Конечно, хотелось каждой дисциплине уделять особое время, но по немощной человеческой природе это невозможно.

При этом все преподаватели нас по-своему заинтересовывали. Они очень старательно, живо, с полной отдачей преподавали свои дисциплины. Спасибо им большое за их честный труд на благо Церкви!

Особо обращу внимание на время сессии. Она позволяла сосредоточиться на каждом предмете и закрепить пройденный материал. Перед каждым зачетом и экзаменом заново повторялся предмет, делались миниконспекты. Порой приходилось подготавливаться всю ночь. Если позволяло время — я ходил в парк, чтобы готовиться в уединении на свежем воздухе.

Всем известно, что, начиная с третьего курса, студенты духовной семинарии произносят проповеди. Для меня в первый раз это было волнительно и страшно. Но борясь с этим, я произнес свою первую проповедь и понял, как непросто проповедовать.

Дежурные помощники мне запомнились своей пунктуальностью и ответственным отношением к делу. Много раз они помогали мне соблюдать режим семинарии, и это, без сомнения, давало свои добрые плоды.

В свободное время я ходил в библиотеку, готовился к занятиям, а также активно посещал спортивные мероприятия. Это были занятия по рукопашному бою и регулярные тренировки по футболу. Ведь у нас даже была своя футбольная команда, которая участвовала в международном турнире по футболу имени святого благоверного князя Димитрия Донского среди

духовных академий, семинарий и воскресных школ. Высшее наше достижение — это финал турнира. Иногда мы устраивали турнир по настольному теннису. Еще я некоторое время занимался переплетением книг.

В церковные праздники мы все вместе молились в храме на торжественных богослужениях и причащались Христовых Таин. Никогда мне не забыть двунадесятые праздники, храмовые праздники в монастыре и, конечно, самые любимые — Пасху и Рождество Христово.

А когда заканчивали очередной курс, наступала вторая «пасха».

Не могу не сказать о наших паломнических поездках. То были счастливые дни. Когда сказали, что мы поедем на Святую Землю, на душе появилась великая радость. Два раза посещал я это место, и хочется еще и еще там очутиться. Там очень хорошо. Также я посещал Египет вместе с братией нашего монастыря. Был в монастырях Антония Великого и Павла Фивейского. А после восхождения на гору Синай мы помолились на литургии, которая велась на греческом языке, в монастыре святой великомученицы Екатерины. Там мы причащались с братией. Это самые незабываемые моменты в моей жизни!

В период летней практики я дважды побывал в детском православном лагере «Княжеская Русь». Там я помогал в столовой Раисе Степановне — главному повару лагеря.

Участвовал я и в крупной миссионерской акции, которую проводил Сретенский монастырь и семинария. Мы раздавали Евангелие от Марка жителям и гостям города Москвы — на крупных станциях столичного метро. С раннего утра нам привозили на машине Евангелия, и мы начинали свою миссию.

Впервые мы прибыли к метро «Павелецкая-радиальная», изучили обстановку, разработали план действий, в том числе и на случай форс-мажора. Но всех проблем предвидеть невозможно.

Когда прибыла машина с книгами, обнаружилось, что парковаться получается в очень отдаленном месте, и, соответственно, разгрузка проходила медленно и утомительно. Решение этой проблемы было найдено с помощью развозчиков багажа, которые на своих тележках в один заезд перевезли нужное количество книг. С питанием трудностей не было.

С милицией, работниками метрополитена у нас сложились теплые и доверительные отношения, и, что очень приятно, уборщицы метрополитена помогали нам: они приносили выброшенные на станции книги, а из вокзальных урн нам помогал вытаскивать Евангелие один узбек, работающий также уборщиком.

Первый день Евангелие мы раздавали, будучи одетыми в «гражданскую» одежду — без подрясников, и не зная, как лучше обращаться к народу. Это, мне кажется, и явилось причиной, что люди выбрасывали немало книг.

Я пытался узнавать у прохожих, есть ли какая-нибудь информация о происходящем в СМИ, но никто ничего не слышал. На второй день я узнал, что об этом мероприятии говорили на радио «Радонеж», с телеэкранов. Да и мы были уже в подрясниках, и люди брали Евангелие охотнее и выбрасывали его значительно

меньше. А уж на третий день москвичи и приезжие сами подходили и просили Евангелие — иногда по несколько экземпляров, улыбались нам и благодарили за нужное дело.

С каждым днем у семинаристов прибавлялась уверенность в полезности этой акции, исчезали разные страхи, в сердце появилась радость.

За те три дня Страстной седмицы я получил бесценный опыт общения с людьми. Я увидел, какой наш народ добрый, красивый, удивительный. С нашими людьми можно горы свернуть. Они любят подарки, внимание, они чувствует и безошибочно определяет, где ложь, пусть и замаскированная, а где истинная правда и добро. Народ обманывать нельзя. Наши люди — это добрая земля, в которой благодатное семя Православия обязательно разрастается в мощное дерево с хорошими плодами.

В семинарии моим духовником был отец Тихон (Шевкунов) — наш ректор. Несмотря на бремена многочисленных послушаний, забот о братии, монастыре, семинаристах, он находил время и для меня. Я всегда поражался его жизненной энергии и вниманию к каждому, приходящему к нему. Отец Тихон для меня — безусловный пример пастыря и человека. Дай Бог, каждому такого духовника!

Духовная школа дала мне ценнейшие знания и знакомства с интересными людьми.

А еще в семинарии у меня появилось очень много друзей. Почти со всей России и мира. Возник хороший повод и возможность съездить в разные города нашей обширной страны и на разные континенты к моим новым друзьям. Гостеприимные ребята всегда примут!

Я получил уникальный житейский опыт, а также духовное воспитание. Низкий поклон всем тем, кто участвует в жизни семинарии. Их труд, без сомнения, дает и даст плод в свое время!

Настоящим и будущим семинаристам хочу пожелать, чтобы они слушали своих наставников и с благодарностью терпели. Поскольку горькое лекарство, которое иногда дается нам, служит исключительно к нашей пользе.

*Общежитие
учит быть
снисходительным,
уважать
сопротивляясь,
следить за своими
поступками*

Чтец Георгий Чирков

Я родился в городе Кургане, в семье священника. Мое детство было тесно связано с приходской жизнью храма.

С раннего возраста я ходил в воскресную школу. После ее окончания посещал молодежную организацию «Братство православных следопытов». Участвовал в различных походах, детских лагерях. Вспоминается мое первое посещение Москвы. На слет православных следопытов была выбрана делегация из нашей епархии, в состав которой вошел и я. Думаю, это было не случайно. С этой поездки началось мое первое знакомство со столицей. В то время я даже не думал, что буду учиться и жить в центре Москвы. После размещения в гостинице мы отправились за товаром для епархии в Сретенский монастырь. Он для меня тогда был еще совсем неизвестным. Монастырь впечатлил своей тишиной, уютом и небывалой красотой. Будучи студентом семинарии, я наткнулся на фотографию с этой поездки и был приятно

удивлен, когда узнал — по-новому узнал — уже родной и дорогой для меня Сретенский монастырь. В тот момент я еще раз убедился, что давнишняя поездка не была случайной.

Мысли о поступлении в семинарию у меня стали появляться в десятом-одиннадцатом классах школы. Много было размышлений о будущем, о том, кем я буду, но одно я знал точно — отдаляться от церковной жизни нельзя.

Во многом на мой выбор повлиял отец. Он с детства прививал любовь к молитве и богослужениям, причем — и это очень важно, все было естественно, без принуждения. Мой отец является настоятелем Богоявленского храма — одного из самых активных и многочисленных приходов в нашей епархии. Там я и был удостоен сделать первые шаги в познании церковной жизни. Началось все с воскресной школы. Потом стал трудиться в алтаре и читать на клиросе. Со временем отчетливо понял, что хочу посвятить свою жизнь служению Церкви Христовой.

Мое решение во многом было определено и тем, что я воспитывался в многодетной православной семье. У меня три брата и сестренка. Все они верующие и имеют светскую профессию: Николай — врач, Дмитрий — программист, Иван — архитектор, Леночка — педагог. Я горжусь своими братьями и сестрой и... даже немного завидую им. Ведь они все уже состоялись, освоили благородные профессии.

А я еще чувствую неопределенность и тревогу по поводу будущего служения. Ведь я еще молод и наверняка не до конца представляю себе, что такое священническое поприще... Братья с сестренкой часто утешают меня и помогают бороться с подобными мыслями. А отец говорит, что служение в Церкви несравнимо ни с какой профессией и что в священниках народ нуждается все больше и больше. Родные, близкие люди очень поддерживают и поддерживают меня в моем стремлении к священническому служению. А это чрезвычайно необходимо при обучении в семинарии.

К тому же мне удалось побывать на Рождественских чтениях в Москве. Именно тогда я увидел и понял, каковы масштабность и значимость Церкви в мире и государстве. Это меня сильно поразило, ведь до этого я был знаком лишь с жизнью отдельных приходов. И тогда мне еще больше захотелось стать воспитанником семинарии. Мой отец всячески поддерживал меня в этом. Вместе мы решили объехать все семинарии в Москве, чтобы познакомиться с ними и выбрать наиболее подходящую. Естественно, первой в списке была духовная школа Троице-Сергиевой лавры, ведь там когда-то учился мой отец. Мне там очень понравилось, но я обратил внимание на слишком строгий, можно сказать, суровый уклад семинарской жизни, и это меня насторожило. И вообще, список был длинный и я не стал принимать поспешных решений. Следующей была Сретенская духовная семинария — она находилась неподалеку от места нашего временного пребывания в столице. Очень мне запомнился тот теплый зимний день, шел снег — погода была сказочная. Мы отправились через Чистые пруды в сторону обители. Монастырь оказался тихим оазисом среди суетливой, мирской жизни. Здесь мне нравилось все! Первый, кого мы встретили, был Дмитрий Дементьев — заведующий семинарской канцелярией. Он нам

подробно рассказал о жизни в духовной школе, о бытовых условиях и пожелал успешной сдачи вступительных экзаменов. Смысла смотреть другие семинарии уже не было. Я решил поступать именно сюда.

Вступительные экзамены прошли довольно быстро. Самым сложным было собеседование. Я сильно волновался, но все оказалось гораздо проще, чем я ожидал. Отец Тихон просил рассказать о Нагорной проповеди, притче о талантах. Вопросы были не сложными, и мне удалось ответить на них. Наместник спрашивал одну из утренних и одну из вечерних молитв, чтение Псалтири и тропарь вмч. Георгию Победоносцу. На самом деле я не знал всех молитв, но мне попались именно те, которые я выучил.

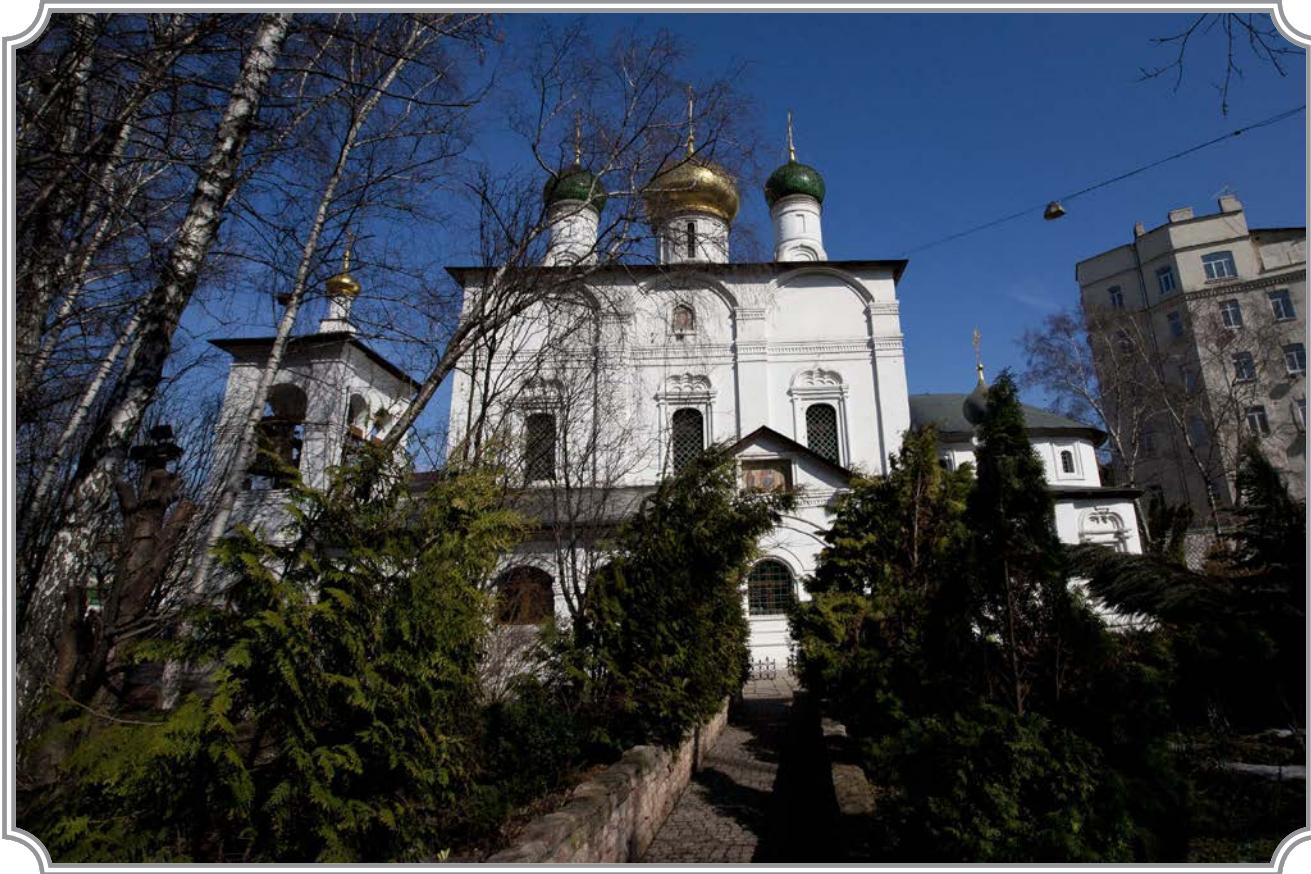
Мои первоначальные представления о семинарии были слишком наивные и до конца не осознанные. Первое время было тяжело влиться в общую семинарскую жизнь — далеко не все было гладко. Многое приходилось терпеть и ко многому привыкать.

Между тем осознание, что это все пойдет мне на пользу, необыкновенно успокаивало. Ведь семинария прежде всего воспитывает будущих священнослужителей.

Проучившись пять лет, я понял, как много дает духовная школа. Она становится настоящей школой жизни. Монастырская жизнь наставляет правильному церковному укладу. Общежитие учит быть снисходительным, уважать собратьев, следить за своими поступками.

Бывали, конечно, моменты когда я вел себя не подобающим образом и получал за это вполне справедливые наказания. Приходилось мыть туалеты, работать на складе, убирать территорию, вне очереди дежурить в бане. Но все переносилось просто, хотя бы потому, что чувствовалась постоянная поддержка со стороны собратьев-студентов.

К концу обучения понимаешь, почему наши воспитатели порой бывают строгими и требовательными. Без этого невозможно добиться дисциплины, которая особенно необходима в закрытом учебном заведении. Ребята, закончившие семинарию, с уважением и любовью отзываются об отце Тихоне, отце Иоанне (Лудищеве) — нашем проректоре, и дежурных помощниках. Все они очень достойные воспитатели!

Понятно, что свободное время в пору студенчества найти трудно, но можно. Я, например, ходил в спортзал, в театр, гулял по городу. Надо сказать, что скучать в семинарии не приходилось. И это заслуга отца ректора. Несмотря на всю загруженность, отец Тихон ни на минуту не оставляет без внимания жизнь духовной школы и делает все возможное для ее улучшения и развития.

Мы не раз бывали в паломнических поездках. Посетили Санкт-Петербург, Владимир. Были в Тутаеве — на колокололитейном заводе и мн. др.

Но особенно запомнилось паломничество на Святую Землю. Многим ребятам с нашего курса удалось посетить Иерусалим дважды. Программа паломничества была очень насыщенной и интересной. Никогда не забудется ночная литургия на Гробе Господнем, поездка в Вифлеем, посещение Лавры Саввы Освященного. Что и говорить, каждому христианину хоть раз нужно побывать на Святой Земле, особенно если это будущий пастырь или ученый-богослов. Я очень благодарен ректору Сретенской духовной семинарии — отцу Тихону

(Шевкунову), и его помощникам за возможность прекрасного обучения и душеполезного воспитания!

Думаю, что только в нашей семинарии такой заботливый и любящий ректор. Чувствуется его отеческая забота о каждом воспитаннике. Именно она становится фундаментом благоприятной обстановки, которая связана с правильным воспитанием будущих служителей Церкви.

Архимандрит Тихон заботится и о культурном росте студентов. Для нас организуют выходы в театр, цирк и т. п. Для бесед постоянно приглашаются интересные, известные люди. У нас в гостях были Никита Сергеевич Михалков, протоиереи Дмитрий Смирнов, Александр Лебедев и др.

В нашей студенческой жизни особое место занимают дежурные помощники. Они помогают отцу Иоанну в управлении семинарией и следят за исполнением ее устава. Без дежпомов, так сокращенно их называют учащиеся, невозможно представить наше житье-бытье.

Главным дежурным помощником является монах Николай. Его, пожалуй, можно назвать

строгим. Но с его строгостью свободно совмещаются общительность и шутливость. Отец Николай ответственно подходит к своим послушаниям, которых у него немало. Он и дежурный помощник, и ответственный за порядок в храме, и за чтение Неусыпаемой Псалтири, и за гостиницу. Тем не менее с монахом Николаем всегда можно поговорить, обсудить волнующие проблемы. Он для каждого найдет время.

Часто приходится дежурить Игорю Максимову. Дежпомы постоянно слышат: «Отпустите меня в город», «У меня плохое самочувствие», «А во сколько завтра молитвы?», «Можно я опоздаю?», «Не трогайте меня, я на постоянных послушаниях», «Я хорошо здесь помыл, это просто преподаватели настоптали» и т. п. От этого, конечно, у них голова кругом. И приходится разбираться: кого стоит отпустить, а кого нет; кому разрешить что-то, а кому нет; кого наказать, а кого похвалить. Это все сложно, ведь на них лежит большая ответственность — ответственность, без всякого преувеличения, за будущее нашей Церкви. Игорю очень хорошо знаком уклад Сретенской духовной семинарии, так как он сам является ее выпускником-мирянином. И это, безусловно, помогает ему в нелегком послушании дежурного помощника.

Одним из самых ответственных дежпомов является диакон Антоний Новиков. Во время его дежурства всегда спокойно и без неожиданностей. Отец Антоний грамотно распределяет послушания и строго следит за их должным исполнением. Пожалуй, отец Антоний — самый понимающий дежурный помощник. Он действительно пытается сделать жизнь семинарии такой, чтобы воспитанники сформировались в ней достойными людьми.

Нельзя не упомянуть об иеродиаконе Севастиане (Астафурове) — еще одном монахе-дежпоме. Да, он очень добрый, тихий и снисходительный. Но несладко (и поделом!) придется тем, кто сумел вывести его из обычного состояния. Отец Севастиан почти никогда не говорит громко, но может сказать так, что лучше было бы, если бы он накричал и заставил работать. Многие пользуются его добротой и порой начинают расслабляться, а этого в семинарии категорически делать нельзя. Разумеется, в большинстве своем старшекурсники это уже

Диакон Антоний Новиков у входа во Владимирский собор Сретенского монастыря

понимают, поэтому достается в основном первачкам.

Конечно же, наша семинарская жизнь связана в основном с обучением. В Сретенской духовной тщательно и с любовью подобран преподавательский коллектив, в состав которого входят крупные специалисты, известные и в церковной, и в светской среде.

Мне, к примеру, очень запомнились лекции отца Максима Козлова по сравнительному и пастырскому богословию. Они всегда содержательные и поучительные. Отец Максим умеет найти общий язык со студентами, поэтому его занятия проходят оживленно и интересно.

Олег Викторович Стародубцев преподавал у нас библейскую историю и церковное искусство. Ему я благодарен за поддержку и советы, которыми он часто делится с учащимися.

Вспоминается его речь, обращенная к нам в связи с благословением на ношение подрясников... Олег Викторович настолько умело преподает материал, что усваивается он легко и довольно хорошо запоминается.

Никогда не забуду я и занятия профессора Ларисы Ивановны Маршевой. Она преподавала у нас на первых двух курсах русский и церковнославянский языки. Лариса Ивановна — удивительный человек. Всегда готова прийти на помощь и поддержать в трудную минуту, порой даже не жалея своего личного времени, — как, например, сейчас, когда она всячески помогает нам в создании дипломных работ.

А еще мне хотелось бы рассказать о послушаниях, которые я был удостоен выполнять. Постоянных обязанностей у меня не было, то есть мне удалось попробовать себя на разных поприщах.

В основном я трудился на уборке территории и монастырских корпусов.

Одно время я работал в столярной мастерской, выполнял поручения главного столяра монастыря — Геннадия. Тогда я научился менять замки, штопать линолеум, освоил другие премудрости столярного дела — никогда до семинарии я не сталкивался с подобной работой. Во многом мне помогал мой напарник и со-курсник — Алексей Щербенко. У него уже был опыт, и он легко справлялся с различными поручениями. В столярке я трудился недолго — примерно полгода.

Потом еще было послушание в саду у отца Клеопы (Данеляна). Здесь приходилось трудиться помногу. Не буду перечислять всего, но упомяну самое тяжелое, ведь это больше всего запоминается, — подготовка к зиме. Необходимо было закутать все растения, которых в нашем монастыре растет немало, подготовить их к заморозкам, почистить и плотно закрыть пруд и т. п. Проработал я в саду около года. Было трудно, но в то же время и весело, ведь у меня был напарник — Виталий Ляховский, выпускник 2010 года. Он был настроен всегда исключительно позитивно и многому меня учил по послушанию в саду, давал советы, касающиеся учебы и взаимоотношений с семинаристами.

К четвертому курсу у меня появилось новое серьезное послушание. Иеромонах Ириней

(Пиковский) предложил мне ездить в школу-интернат и помогать миссионерской группе, в состав которой входят прихожане нашего монастыря. Мне это было интересно, и я согласился. И вот уже второй год стараюсь сделать так, чтобы наши поездки в школу-интернат происходили и часто, и продуктивно. Возглавляет это нужное дело Александра Бахманова. Она устанавливает график и тематику наших посещений.

Еще мне хочется рассказать о незабываемой практике по окончании третьего курса. Мне удалось побывать в детском православном лагере «Княжеская Русь». В летних детских лагерях мне приходилось бывать довольно часто, но не в качестве вожатого, а в качестве отдыхающего. И я очень рад, что в 2009 году мне удалось вновь очутиться в детском лагере и пережить все трудности и радости вожатской жизни. Для меня это был первый опыт общения с детьми — в качестве их руководителя. К тому же группы, которые мы опекали, были довольно большими.

Многое, конечно же, приходилось терпеть — непривычный влажный климат, непостоянные погодные условия, холодные ночи, межличностные трения. Но все это, разрешаясь с Божией помощью, безусловно, пошло на пользу не только детям, но и взрослым. А это самое важное!

Мы на время окунулись в атмосферу древней Руси, у нас были свои княжества — отряды, князья — их командиры, великий князь — директор. Все в лагере было устроено так, чтобы наши дети — русичи, вдохновлялись на великие подвиги. Вместе мы бродили по болотам, переправлялись через реку вброд. Ребята познакомились с историей княжеской Руси, с церковнославянским языком, в том числе и письмом. Ежедневная молитва в храме способствовала духовному возрастанию всех участников лагеря. Каждый мог обратиться по личным вопросам к батюшке, а также посетить руководимый им кружок по изучению Библии.

Руководство лагеря следило и за физической подготовкой детей. Утром была обязательная зарядка, в течение дня устраивались спортивные игры и соревнования. Особо запомнились олимпийские игры, где было много интересных конкурсов для детей.

В общем, мне очень понравилось быть вожатым в нашем лагере «Княжеская Русь»! За короткое время я получил неоценимый опыт общения с детьми, так необходимый для каждого семинариста и человека, который хочет стать священнослужителем.

Вспоминается и еще одно благое дело, вдохновителем которого стал наш ректор. Силами семинаристов и насельников Сретенского монастыря на Страстной седмице 2008 года была проведена акция по раздаче Святого Евангелия от Марка. Данное событие произвело громадное впечатление на семинаристов и в очередной раз обогатило их опыт общения с самыми разными людьми — в том числе и неверующими. К сожалению, наши современники плохо знакомы с Церковью; некоторые даже не знают, чем отличается Русская Православная Церковь от других религий и даже сект. Одна продавщица помогала нам, выкрикивая: «Это наши, православные!» После этих слов народ брал Евангелие гораздо охотнее. А еще мы заметили, что люди хотят знать больше о православной вере, хотят читать Евангелие. Многие спрашивали другие Евангелия — от Матфея, Луки, Иоанна. В первый день раздача происходила медленно, но потом, когда народ узнал об этой акции от знакомых или услышал информацию по телевидению, дело пошло легче и быстрее. И это замечательное событие,

уверен, останется в памяти каждого семинариста.

Одним из самых ярких эпизодов семинарской жизни является ночные литургии. Вот уже полтора года все учащиеся и по возможности преподаватели молятся на них, слушают проповедь отца Тихона и причащаются. Такие литургии бывают не часто — примерно раз в месяц. Но они незабываемы. На них испытываешь чувство праздника и соборности. Часто бывает так, что проповедь наместника затрагивает самые волнующие для семинаристов моменты их жизни. Порой словам батюшки прямо-таки удивляешься, ведь сказанное полностью относится к твоим переживаниям, размышлению. После такой проповеди все становится на свое место. Ты находишь для себя ответы на многие вопросы. А главное — чувствуешь отеческую поддержку в дальнейшем возрастании на ниве Христовой.

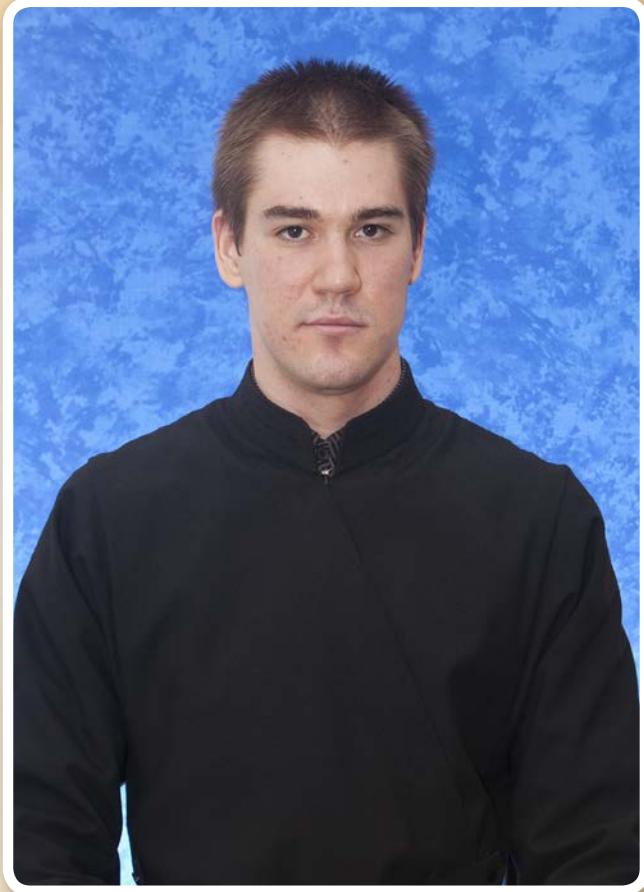
Разумеется, в семинарии много полезного, познавательного и интересного. И мне удалось вспомнить лишь малую часть того, что произошло со мной за пять лет обучения.

В заключение я хочу пожелать нынешним и будущим студентам семинарии стойкости на выбранном ими пути, бесконечного упования на Промысл Божий и непрестанного осознания всей сложности и ответственности величайшего дела — служения Господу и людям.

Раздача Евангелия
на Страстной седмице
2008 года

*Наш преподаватели
заложили в нас
не только глубинное
понимание своих
предметов,
но и правильное
отношение к служению
настыря*

Чтец Вадим Шестаков

Желание поступить в семинарию у меня возникло еще в школе. Этот период для каждого является важным и определяющим всю его дальнейшую жизнь. Я понимал это, и мне хотелось заниматься чем-то действительно важным, на что не жалко потратить всего себя, получив счастливейшую возможность реализовать те таланты, которые дает Господь. При этом отмечу: хотя я ходил в храм, участвовал в Таинствах, все же ничто не принуждало меня к решению получить богословско-пастырское образование. Мои родители и близкие, несмотря на некоторое удивление, никогда не препятствовали мне, а наоборот, поддерживали на этом пути. Конечно, это не простое решение, и они помогали мне понять всю его ответственность.

После того, как я окончательно определился с тем, что хочу поступать в семинарию, я начал усиленно готовиться к этому. Я стал ходить на богослужения в Сретенский монастырь,

пономарить, познакомился с внутренней жизнью обители, и мне все очень понравилось. Особенно мне помог подготовиться к поступлению иерей Владимир Щетинин, также окончивший Сретенскую духовную семинарию. Я многое узнал о быте духовной школы, о тех сложностях, через которые мне предстоит пройти, о том, что могут спросить на экзаменах и мн.др. Все это не раз пригодилось мне как при поступлении, так и при дальнейшем пребывании в семинарии.

А еще в духовной школе уже учился мой брат Сергий, и когда я сдавал экзамены, он, будучи студентом второго курса, помогал мне освоиться в новых для меня условиях.

Среди вступительных испытаний, конечно, самым важным является собеседование с ректором. Но я помню, что не очень волновался: надо было наизусть прочитать молитвы, троепарии, истолковать отрывки из Священного Писания. Я многое не знал, но спокойствие мне придавала вера в то, что все будет по Промыслу

Божию. Конечно, сложно описать ту радость, которую я испытал, когда узнал, что долгий период ожидания окончился для меня благополучно и я стал студентом духовной школы.

Первые полгода в семинарии очень важны. Все то, что раньше я мог себе только представить, получило, что называется, практическую реализацию. Приходилось ко многому адаптироваться, многое менять в себе, формировать себя — иначе нельзя. Все привыкли к жизни в семье, к тому, что о них заботятся и всегда идут навстречу. А в семинарии необходимо было найти диалог со студентами, с дежурными помощниками. Житейские вопросы, связанные с пребыванием в общежитии, рождают определенные трения. Необходимо учиться договариваться друг с другом, быть внимательными, думать не только о себе, что весьма важно для будущего священника. Разумеется, не обходилось и без искушений, и особенно важно на первом этапе сформировать правильное к ним отношение. Обычно все решалось смириением и послушанием, так что их можно назвать универсальными рецептами.

Среди трудностей, конечно, на первый план выходят духовные вопросы. И семинария воспитывает прежде всего умение их решать. Богослужения, которые иногда кажутся слишком долгими, послушания, которые не всегда хочется выполнять, — все это способствует

духовной борьбе, выявляет греховную скверну и помогает ее преодолеть.

Также стоит понять, почему непростая, конфликтная ситуация стала возможна, и постараться вновь не отступаться. Постоянному самоконтролю способствовал четкий распорядок дня, в котором всегда было время на молитву, учебу, питание и отдых. Поначалу это кажется очень сложным, но потом привыкаешь, а затем и вовсе приходит понимание того, что без этого не обойтись. Ведь жизнь священника всегда связана с нехваткой времени, поэтому без умения жить в определенном ритме пастырская деятельность, наверно, невозможна.

В этом смысле чрезвычайно важен день, когда первокурсников благословляют на ношение подрясника. Это некий итог — пусть и недолгого — пребывания в монастыре и семинарии. Именно в этот день принимается решение, достоин ли ты продолжить учиться или нет. Это доверие, которое оказывают тебе, и грустно осознавать, что не все ребята смогли его оправдать.

Исходя из собственного опыта, могу сказать со всей уверенностью: семинарские будни вряд ли можно назвать буднями в полном смысле этого слова — каждый день что-то нес в себе, было много разных событий.

И даже оставалось свободное время, которое я обычно тратил на подготовку к занятиям,

прогулки в город, занятия спортом. Я всегда считал важным и нужным всестороннее развитие человека. А для пастыря — тем более, ведь на приходе много разных людей, со своими интересами, переживаниями, семейными проблемами. И чтобы помочь им в решении различных вопросов, священник должен сам хорошо понимать их, для него не должны быть чуждыми увлечения спортом, искусством и т.д. Но чтобы не было никаких крайностей, пастырь как раз и может помочь в определении тех границ, и временных, и материальных, для хобби, чтобы главным для человека оставался Господь.

В семинарии при желании всегда можно было найти возможность, чтобы заниматься спортом как на территории обители, так на спортивных площадках города.

Нередко мы посещали выставки, ходили в театры, что способствовало формированию нашего художественного вкуса.

Немаловажным для меня было участие в различных послушаниях. Организация и проведение детского лагеря, миссионерские беседы, в частности, в рамках поездки в военный госпиталь имени Бурденко, преподавание в воскресной школе. Все это требовало определенных усилий при подготовке, помогало мне расширять свои знания. При общении с различными людьми, как взрослыми, так и детьми, я получал бесценный опыт в понимании тех проблем, которые волнуют современное общество. Приходилось отвечать на сложные, но важные вопросы, которые нередко требовали дополнительного изучения материала. Я был рад, что те знания, которые мне дали в семинарии, я могу донести до тех, кто к ним стремится, но не имеет возможности обучаться богословию систематически.

Учеба для меня всегда была очень интересна, и хотя объем предметов и изучаемого материала был довольно большой, все же это было не самым сложным. Особенно мне нравилась сессия. В эти дни даже освобождали от некоторых послушаний, давая возможность тщательно подготовиться к экзаменам и зачетам. Да и сами знания принимали завершенную и упорядоченную форму. Приятно было осознавать, что не стоишь на месте, а понемногу развиваешь свой кругозор, начинаешь лучше понимать многие вещи. А по окончании сессии нас вознаграждали за труды, и было радостно

от того, что успешно завершен определенный образовательный этап, и есть возможность отдохнуть на каникулах, чтобы с новыми силами продолжать обучение.

У меня было много любимых предметов. Как правило, на каждом курсе появлялось либо что-то новое, либо что-то совершенно необычное и чрезвычайно интересное.

Да иначе и быть не может, поскольку преподавательский состав семинарии очень сильный. Будучи высококлассными специалистами в своих научных областях, все преподаватели любят свой предмет и сообщают эту любовь нам. Занятия редко разделяются на лекции и семинары, обычно они носят смешанный характер. Всегда, если что-то не понятно, можно сразу задать вопрос и получить ответ, что способствует глубокому проникновению в изучаемый материал.

Особенно было полезным учебное и неучебное общение с преподавателями в священном сане: протоиереями Максимом Козловым, Вадимом Леоновым, Андреем Рахновским, иереем Павлом Бобровым.

Также плодотворными были и занятия у профессора Алексея Ивановича Сидорова, доцента Олега Викторовичем Стародубцева. Все теоретические сведения, которые они доводили до нас, всегда иллюстрировались ими примерами из жизни. Кроме того, с ними можно было обсудить насущные проблемы нашего общества, и их взгляд, взвешенный с точки зрения жизненного опыта и профессиональных знаний, не только не вредил учебному процессу, но, наоборот, помогал нам лучше видеть и понимать многие вопросы.

Наши преподаватели заложили в нас не только глубинное понимание своих предметов, но и правильное отношение к служению пастыря. Они всегда находили для нас время и возможность, чтобы помочь нам в решении различных вопросов — учебных и житейских. Учили нас писать научные труды, консультировали, прививали навык к самостоятельной работе с материалом, изучению источников. А главное — они призывали нас не переписывать то, что было написано до нас, а относиться к своим сочинениям творчески.

Особой частью учебного процесса в семинарии является подготовка и произнесение проповедей. Каждый студент заранее узнает

о дате произнесения, так что время на подготовку всегда есть. Конечно, первую проповедь я готовил с особой тщательностью, старался сделать ее интересной и в то же время понятной. Поэтому, когда я произносил ее в храме, боялся отклониться от написанного на бумаге (мне казалось, что там же было все так хорошо и правильно!) и начать говорить от себя. Это было на третьем курсе, я тогда впервые обращался к большой аудитории и чувствовал себя смущенно. А потому мне было очень приятно после услышать слова одобрения и поддержки от священников обители и старшекурсников — все через это проходили, всем доводилось преодолевать сложности, так что все мои недочеты никто не ставил мне в вину, и в следующий раз я уже знал, что все не так страшно.

Конечно, процесс обучения состоял не только из овладения учебными дисциплинами, с нами происходили и другие события, формировавшие нас как будущих пастырей Церкви. На память приходят особые случаи, которые

до сих пор не потеряли для меня своей актуальности.

Когда я был на втором курсе, по инициативе наместника Сретенского монастыря — архимандрита Тихона (Шевкунова), которая была поддержана и благословлена приснопамятным Святым Патриархом Алексием Вторым, мы раздавали Евангелие от Марка на станциях московского метрополитена. Такая акция проводилась впервые, и поэтому возникло много сложных организационных вопросов, которые, однако, в итоге были успешно преодолены. Данное мероприятие было важным и нужным для многих людей, и мы это понимали. Каждый прилагал максимум усилий для того, чтобы достичь нужного, полезного результата. Конечно, и здесь не обошлось без искушений, ведь все это происходило во время Страстной седмицы. Нам встречались и агрессивно настроенные люди, но в целом та акция оставила самые светлые воспоминания. Я уверен, что она принесла пользу для людей и в их души

В паломничестве на Святой Земле

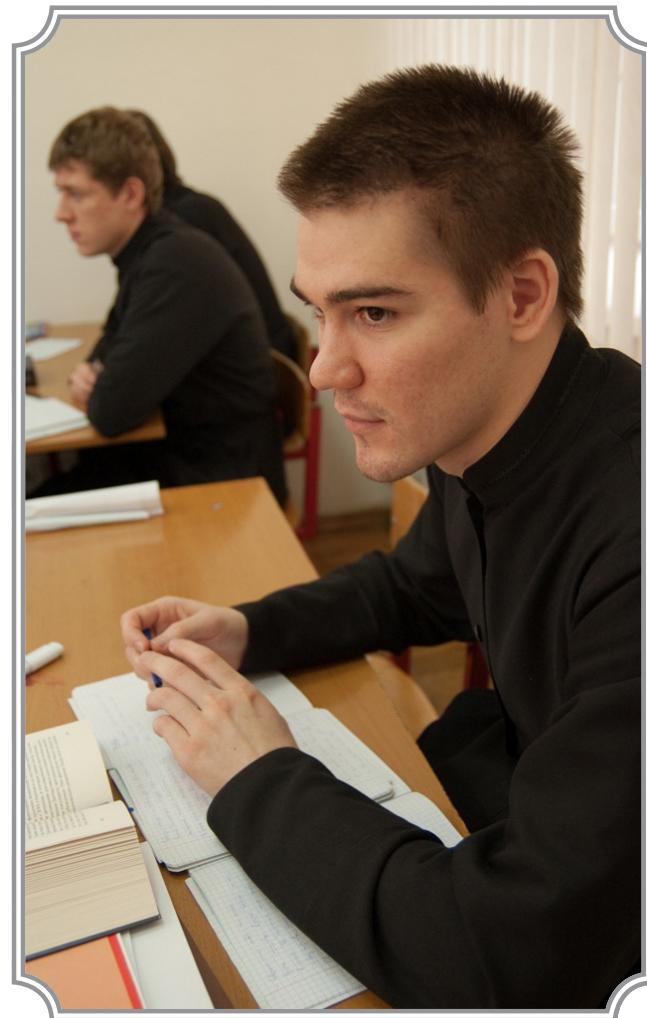
запали благие семена православной веры.

Также навсегда запомнилось мне посещение Святой Земли. Я тогда учился на третьем курсе. Поехало в это паломничество около 50 человек с разных курсов, в связи с чем были даже на неделю отменены занятия. Хотя, конечно, времени, чтобы посетить все места, дорогие сердцу каждого христианина, до обидного не хватало. И во время путешествия нам пришлось соблюдать довольно жесткий график. Но нам это было не в новинку, так как жизнь в монастыре научила нас активизировать свои силы в нужный момент.

Мы побывали в храме Рождества, в храме Воскресения Христова, в Гефсиманском саду, на Елеонской горе и на горе Фавор, смогли погрузиться в воды реки Иордан. Совершили мы паломничество и по другим местам, где жили и проповедовали Спаситель и Его ученики. Это было нужно для каждого из нас, как с духовной точки зрения, так и с учебной — все, что мы изучали за партами и могли только лишь себе представить, предстало перед нашим взором, оживляя историю тех дней, когда Господь так же, как и мы, проходил по этой земле.

Я благодарен отцу ректору и всем, кто организовал эту поездку. И надеюсь, что такая возможность представится всем учащимся семинарии.

Среди тех, кто принимал непосредственное участие в нашем воспитании, прежде всего надо назвать ректора — отца Тихона, проректора — отца Иоанна, и дежурных помощников. Они помогали нам привыкнуть к учебному ритму, режиму послушаний, богослужебной дисциплине. Как я уже говорил, это было не всегда легко, но необходимо. С первых дней пребывания в семинарии дежурные помощники заботились о нашей жизни в монастыре, обеспечивали всем необходимым, всегда были рядом и оберегали нас, не давая нам возможности нарушать дисциплину, опаздывать на богослужения, пропускать занятия. Даже если мы что-то и нарушали, они всегда это замечали и помогали нам исправиться, смириться. Да, иногда они прибегали к взысканиям. У меня их было немного, но они всегда положительно влияли на меня. Было видно, что наказывают нас не с желанием обидеть, унизить, а с желанием помочь нам преодолеть в себе слабости и греховные склонности.

В общем, можно сказать: человек, который действительно пришел в семинарию с серьезными намерениями, быстро находит понимание у священноначалия, и даже, когда возникают какие-то спорные ситуации, они всегда мирно разрешаются. Так что я благодарен руководству духовной школы за работу, которая проводится с нами: наши наставники находят возможность личного подхода к каждому студенту, учитывают особенности характера и жизненные обстоятельства. Хотелось бы пожелать им помочь Божией, долготерпения, мудрости и милосердия в их трудном послушании.

А семинаристов я призываю не терять живой связи с Богом, во всех ситуациях обращаться к Нему с молитвой, не унывать, проявлять любовь друг к другу, с пониманием относиться к взысканиям, ответственно исполнять послушания, на которые они поставлены, и, конечно, расти интеллектуально и духовно.

*С выбором
духовной школы
я определился
быстро —
ею стала
Сретенская
семинария*

Чтец Александр Бобраков

о поступления в семинарию я нес послушания в храме Рождества Иоанна Предтечи города Каргополя. Настоятелем храма и моим духовником был образованный молодой священник, приехавший к нам из Санкт-Петербурга. К батюшке я попал сразу после службы в армии. Он узнал о моем намерении поступать в духовную школу, поддержал мое желание и всячески помогал мне в подготовке к этому. Также мой выбор поддерживали родители, которые очень хотели, чтобы я учился в семинарии, и способствовали осуществлению моей мечты. Желание получить духовное образование и стать священником у меня возникло еще в школьные годы. В то время я уже регулярно посещал храм, видел торжественность и великолепие богослужения и хотел так же, как и батюшка, служить Богу.

И вот, после того, как я получил от духовника рекомендацию на поступление, я поехал подавать документы. С выбором духовной

школы я определился быстро — ею стала Сретенская семинария. Я слышал очень много хороших отзывов о ней — как от большого числа священников, так и от своих московских друзей.

С самых первых дней меня поразило отношение ребят, которые здесь учились, к новичкам-абитуриентам. Студенты приветливо встретили меня в храме, проводили в семинарию, все показали, рассказали о своих первых днях пребывания в стенах духовной школы и обители. Как выяснилось при разговоре, это были старшекурсники, проходившие летнюю практику. Поэтому мое первое личное впечатление о Сретенской семинарии было самым благоприятным.

Волнение от сдачи вступительных испытаний мне довелось пережить дважды. После первых таких экзаменов я не услышал свою фамилию в списке зачисленных в число студентов. Я был в подавленном состоянии. Отец Тихон — наш ректор — поддержал меня

и предложил остаться в семинарии до следующего набора. После получасового раздумья я согласился. Жил в общем студенческом режиме с возможностью посещать в свободное время лекции, при этом нес послушания в Интернет-магазине Сретенского издательства.

К семинарскому ритму — с его строгим распорядком, ранними подъемами, я привык с легкостью, потому что за плечами было два года службы в армии.

Так прошел год моего пребывания — на правах вольнослушателя, в духовной школе, за который я втянулся в семинарскую жизнь и только сильнее утвердился в желании получить богословское образование, а затем служить Богу и Церкви.

Во второй раз вступительные экзамены я сдал успешно. Как сейчас помню, моей радости не было предела. Это был один из самых счастливых дней в моей жизни.

Следующим ярким событием в моей семинарской жизни стало получение благословения на ношение подрясника. Как и все свои сокурсники, я с нетерпением ждал этого. В тот момент, когда впервые надеваешь подрясник, переживаешь какое-то трепетное и в то же

время торжественное чувство. Такие короткие мгновения жизни остаются в памяти навсегда.

Если говорить об учебном процессе, то мне всегда было интересно узнавать что-то новое, расширять уже имеющиеся у меня сведения. Благодаря отличному преподавательскому составу семинарии я получил огромный багаж знаний. Также этому способствовали постоянные встречи студентов с интересными людьми, деятелями науки и искусства.

Помню свою первую учебную проповедь в храме за Божественной литургией. Казалось, ничего страшнее быть не может. При первых словах голос предательски дрожал. Но было видно, с каким интересом и вниманием люди слушают. Это воодушевило и придало смелости и уверенности.

Свой первый научный труд, курсовую работу, я писал по церковному искусству, преподавателем которого является Олег Викторович Стародубцев. Думаю, только благодаря его замечательным лекциям у меня появился такой интерес к этому предмету. В своей работе, которую я писал о памятнике не только архитектуры, но и истории — храме Воскресения Христова на Крови в Санкт-Петербурге,

я наиболее подробно рассказал об истории постройки и архитектурном облике собора. Мои старания были вознаграждены: на защите мой путь и небольшой, но такой важный для меня научный труд оценили на «отлично».

Непременно надо сказать о том, что отец Тихон и отец Иоанн (проректор семинарии) постоянно организовывали для студентов экскурсионные и паломнические поездки. Причем мы побывали не только в старинных русских городах, но и за границей.

Так я сподобился паломничества на Святую Землю, где поклонился величайшим христианским святыням. Помнится долгое ожидание этой поездки, сборы, молебен перед путешествием, ночной прилет, Иерусалим. В памяти запечатлелась Божественная литургия в русском храме Святой равноапостольной Марии Магдалины, где молились все студенты-средненцы. Совершенно незабываемыми были посещение Гроба Господня и Лавры преподобного Саввы Освященного, купание в Иордане, прогулки по ночному Иерусалиму. Каждый раз, как смотришь фотографии, сделанные во время поездки, мысленно переносишься в эти святые места. Побывав там однажды, хочется возвращаться туда снова и снова. Огромное спасибо нашему ректору — отцу Тихону, за возможность такого паломничества.

Неотъемлемой частью учебного и воспитательного процесса в духовных школах является прохождение различных послушаний. С третьего курса меня поставили на постоянное послушание. Оно заключалось в помощи дежурным помощникам проректора. Возможно, поэтому у меня всегда были хорошие, дружеские отношения с ними.

Еще одним моим послушанием было преподавание в детском доме-интернате города Михайлова. Поездки туда совершались примерно раз в месяц. Обычно в них участвовали несколько студентов, которые выступали в роли преподавателей, отец Иоанн и семинарский хор. По приезду семинаристы проводили у детишек заранее подготовленные занятия, потом был общий торжественный обед, а после начинался концерт, который организовывали дети и на котором они выступали вместе с семинарским хором. И каждый раз все это проходило в теплой домашней обстановке.

У Галилейского озера на Святой Земле

После первой поездки, после того, как увидел детские грустные глаза, я понял, насколько нужны ребятишкам такие встречи.

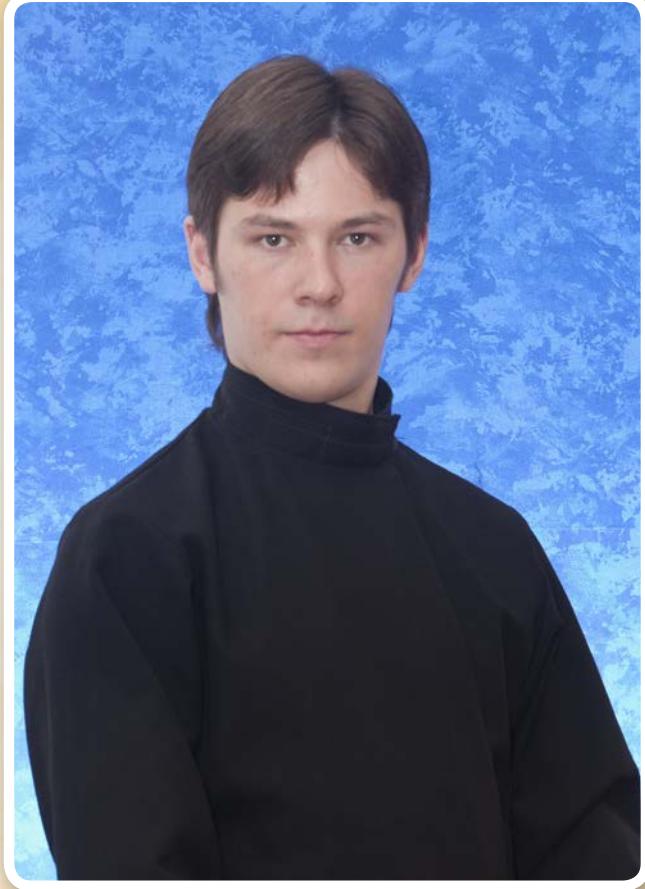
Напоследок хотелось бы рассказать об одном интересном случае, который произошел со мной во время проведения миссионерской акции Сретенского монастыря и семинарии. Первые три дня Страстной седмицы Великого поста 2008 года мы, по благословению почившего Патриарха Алексия Второго, раздавали в метро подарочное Евангелие от Марка.

Так вот, когда я стоял в переходе на станции метро «Пушкинская», ко мне подошел пожилой мужчина приятной внешности. Он представился ученым, преподающим в одном московском вузе. Этот человек рассказал, что, идя по переходу, он увидел валяющееся на полу Евангелие. Он поднял его, сказал, что приведет его в порядок и кому-нибудь подарит.

Глядя на плакат, на котором было изображение Спасителя, мужчина воскликнул: «Кто выбрасывает эти книги?! А выбрасывают те, кто кричали: «Распни Его!»» Сказав это, он заплакал и ушел... Такого не забыть!

*Если воспринимать
семинарию как
очередную ступеньку
на пути к небу,
то принесет она
только несметную
пользу*

Чтец Дмитрий Гизитдинов

о поступления в семинарию я окончил Уфимское командное речное училище, а также с самого детства пел и читал на клиросе. Моя жизнь была тесно связана с Церковью. Мысль о поступлении в семинарию посетила меня во время обучения на третьем курсе училища. Я стал значительно чаще и более осознанно ходить в храм, читать духовную литературу, старался как можно больше узнать о Церкви и духовной жизни. Не представляя без Церкви своей дальнейшей жизни, я ощущал призвание к пастырскому служению. Одно время я даже решил, что уйду в монастырь.

На мой выбор поступить в семинарию очень сильно повлиял дорогой настоятель моего родного Успенского храма — протоиерей Владимир Жданов, который меня крестил. Ему я во многом обязан своим воцерковлением. Еще на своем пути я встретил замечательного батюшку, глубокого, опытного, убеленного

благородными сединами — священника Сергея Лаптева. Он буквально сиял любовью к ближним и постоянной радостью о Господе. Он для меня — один из образцов истинного пастырского служения. Никогда не забуду его мудрые духовные беседы и советы, постоянную улыбку и радостный смех. Всегда буду стараться ему подражать.

Приняв решение получать богословское образование, я вместе с родителями долго думал, в какую семинарию подать документы. На выбор Сретенской духовной школы повлиял наставник Сретенского монастыря — иеромонах Иов (Гумеров), который тогда еще был священником Афанасием. Он давно знает всю мою семью и настоятеля нашего храма. Я всегда буду благодарен дорогому отцу Иову за советы и поддержку, которые особенно важны на первых порах пребывания в новых условиях семинарии.

В духовную школу я пришел вполне осознанно. Это было сознательное, прочувствованное

стремление к служению Богу, Церкви, близким. Я считал, что мое будущее священство — дело всей моей жизни. Тем более я уже имел среднее техническое образование и был более-менее сформированной личностью.

А потому мои родители и близкие всегда поддерживали и одобряли мой выбор. Они все — глубоко церковные люди. Мой старший брат принял сан, и это был настоящий праздник для нашей семьи.

Первым вступительным испытанием было сочинение. Затем самое важное и решающее — собеседование с отцом ректором, архимандритом Тихоном (Шевкуновым). На вопросы по Закону Божьему и церковной истории я отвечал, похоже, неплохо, поскольку батюшка, едва я начинал говорить, задавал мне следующий вопрос. В конце собеседования он очень порадовал меня: «Все, можешь пить лимонад... в честь поступления». После таких слов вместо томительного волнения меня накрыла волна радости и легкости. Слова отца Тихона я буквально процитировал по телефону всем своим родным и близким.

После моего поступления в семинарию отношения с прежними друзьями практически не изменились, так как большинство из них — люди церковные. Мое решение учиться в духовной школе, чтобы в дальнейшем стать священником, было высказано почти всем, кто меня знает, и задолго до 2007 года. Так что это не было новостью. Просто ко мне стали чаще обращаться с вопросами, касающимися Церкви и духовной жизни, и это вполне понятно. Мои друзья из светского круга нисколько не отдалились от меня — вот только понимать мне их стало сложнее. У нас ведь теперь разные интересы и разная жизнь.

Сразу по поступлении в семинарию у меня появилось много новых друзей. Это очень радовало, особенно потому, что они были верующими. И это было сколь прекрасно, столь и непривычно, ведь раньше мне доводилось общаться и с неверующими сверстниками. Кроме того, все семинаристы — очень веселые, добрые, интересные ребята.

Все очень разные, из разных уголков нашей необъятной страны (и не только из нее), разных возрастов, с разным образованием. Но жили мы все равно очень дружно и сплоченно, потому что объединяло нас главное — вера в Бога

и жизненные цели: мы хотим посвятить свою жизнь, свои силы и таланты служению Святой Церкви. Все, кто сюда приходит, как постоянно говорит отец Тихон, несомненно, призваны Богом. И это действительно реальность. *Не вы Меня избрали, но Я вас избрал* (Ин. 15, 16) — говорит Господь Своим ученикам. Призвание Божие ощущается совершенно явно: это мой путь, это мое, в будущем я не представляю себя никем другим, кроме как священнослужителем...

После своего полу военного училища никаких трудностей в семинарии я просто не заметил. Все работы и послушания после стальных судовых тросов и ночных вахт практически не ощущались. Немного привыкнуть пришлось к новому ритму жизни и монастырским обычаям. Единственное, что можно отметить как трудность, то, что предметом обучения теперь вместо обычной светской науки является Божественное Откровение, Священное Предание Церкви, а также все с ним связанное. На это, конечно, надо настроиться, правильно принять.

С преподавателем семинарии — профессором А.И. Сидоровым, и однокурсниками

И вот семинарские будни потекли своим чедром. Здесь все очень четко, почти как у военных — строгий распорядок дня, подъемы и отбои, трапеза в точное время. По силам раздается послушание (труд во благо монастыря), причем учатываются знания, способности и образование студента. Например, один из моих сокурсников — замечательный повар, и он уже давно помогает в трапезной. Занятия как в школе — со звонками и переменами, начало в 9:00, «пары» идут чуть больше часа. Жаль только, что нет общей зарядки. Но желающие могут самостоятельно вполне полноценно заниматься физкультурой. Для этого есть все условия — и оборудованный спортзал, и игровое поле, и место для пробежек.

Что касается учебного процесса, то хочется сказать о преподавателях — они все у нас замечательные люди и интересно ведут свои предметы. Конечно, у каждого свои особенности, свой почерк, свой стиль.

Мой самый любимый преподаватель (и та-ковым он является для многих) — протоиерей Вадим Леонов. Кроме того, что очень интересно и понятно читает лекции (это настоящий Божий дар), он является для меня образцом пастыря. Это очень мудрый, духовно опытный человек. Мало кто дает такие советы, как он, с таким же глубоким рассуждением и исклю-чительно трезвым взглядом на вещи.

Отец Вадим в нашей семинарии преподает догматическое богословие — самый сложный, как обычно говорят, предмет, и один из важнейших. Догматика систематически изучает православное вероучение: о Боге Троице, о Господе Иисусе Христе (Пришествии Бога во плоти), об искуплении человечества, о творении мира, о Промысле Божием, о Церкви и Святых Таинствах и т.д. Честно говоря, я не нахо-жу в данной дисциплине сугубых сложностей. Догматика — интереснейший предмет с глубоким содержанием. Она открывает важные

вопросы вероучения, формирует точный, православный взгляд на мир, обостряет мышление и оттачивает речь, учит более точно выражать свои мысли. Я бы назвал догматическое богословие своим любимым предметом.

Вот уже третий год я занимаюсь исследованиями по догматике под руководством отца Вадима. На третьем курсе защитил работу по теме Евхаристии (Таинства Причащения), на четвертом — по искуплению человечества Спасителем. Моя дипломная работа посвящена святоотеческим подходам к описанию Евхаристической Тайны. В ней я, сопровождаемый полезными консультациями отца Вадима, рассмотрел свидетельства святых отцов о Евхаристии — на протяжении всей истории Церкви, с первых веков. Эта тема очень сложна и глубока, но одновременно чрезвычайно важна, ведь Святое Причастие — Таинство Таинств нашей Церкви.

Мне также очень нравится, как ведут занятия профессор протоиерей Максим Козлов (сравнительное и пастырское богословие), Федор Алексеевич Куприянов (Ветхий Завет), протоиерей Алексий Круглик (практическое руководство для пастырей), Павел Кириллович Доброцветов (патрология), игумен Амвросий (Коньков) (Ветхий Завет).

Так получилось, что моя первая проповедь, которая является частью семинарской учебной программы, прозвучала не в стенах духовной школы. Дома, в моем храме, настоятель в день своих именин достаточно неожиданно попросил меня рассказать о его святом покровителе — князе Владимире. Выходить впервые на проповедь было непривычно, даже немного страшновато, и иногда я сбивался. Но я сразу же не стал читать по листку, а использовал только план. С тех пор это стало для меня правилом. Сухое чтение просто губит проповедь, она почти не воспринимается слушателями. Это оправдывается лишь в тех случаях, когда у человека вообще не получается говорить. Но лучше сказать что-то от себя, кратко и простыми словами, зато живо и понятно, чем прочесть текст по бумаге, пусть даже витиевато и красиво написанный.

Упомяну о зачетно-экзаменационной сессии. Ее время — самое горячее для семинаристов, в принципе, как и в светских техникумах и вузах. Все учат, иногда не спят ночами, осваивая перед экзаменами большие объемы материала.

Объективности ради следует признать, что свободного времени в семинарии очень мало. Особенно если человек занят, кроме учебы, каким-то важным и сложным послушанием — например, в просфорне или в ризнице (в храме). Эти люди иногда приходят в свою келью после отбоя и почти без сил. Но никто старается не роптать. Все знают, что за послушание и труд Господь обязательно вознаградит. Я сам был ризничим три с половиной года. Мне очень нравилось это благодатное послушание, оно неразрывно связано с храмом, подготовкой его к службам, богослужебными облачениями, утварью и святынями. Послушание в ризнице дает много полезных навыков, вырабатывает ответственность и серьезное отношение к своему делу. Бывало, нужно неожиданно оторваться от любых дел, даже от занятий в аудитории, и идти в храм по срочным нуждам, встать раньше всех или же

Пономарское послушание

вернуться в келью позже остальных. Конечно, порой было трудно, но я ничуть не жалею.

Среди моих увлечений и интересов могу назвать в первую очередь музыку и пение. Мы часто с друзьями разучиваем новые церковные песнопения, которые вновь и вновь поражают нас своей красотой. Поем мы и народные песни, романсы. Многие здесь играют на гитаре или фортепиано, многие имеют музыкальное образование.

Говорят, семинаристов хлебом не корми, дай от души попеть. Это правда! Особенно на праздниках, когда мы отмечаем чей-то день рождения или именины. Все проходит тихо, без всяких происшествий, иногда на огонек заглядывает священноначалие. Но такие праздники всегда отличаются веселостью, непринужденностью, и они очень сплачивают нас. В «Записках попадьи» Юлия Сысоева говорит, что коронной песней семинарских посиделок является «Конь» группы «Любэ». Это действительно так. Песня поется и перепевается уже не одно десятилетие.

Не могу не сказать, что в самом начале моей учебы я по результатам прослушивания был зачислен в семинарский хор. И предыдущий опыт пения на клиросе очень мне пригодился. Сначала я просто приходил на спевки, потом стал в них участвовать, после меня благословили петь на клиросе. Этот путь проходят почти все. Что меня всегда в нем подкупало, так это своего рода живое преемство опыта. Часто приходят ребята, совсем не привыкшие к пению — особенно монастырскому, ведь у всех на приходах свои особенности. Но они слушают тех, кто опытнее, и постепенно приучаются. Те, кто не пел до этого по нотам, быстро их осваивают, так как многое уже на слуху. У нас замечательный регент — Александр Викторович Амерханов, настоящий специалист, мастер своего дела. Под его руководством ребята быстро осваивают сложные церковные песнопения и авторские произведения. Хор поет также и народные песни, участвует в концертах в России и за рубежом.

А еще мне очень нравится читать книги — особенно духовные, сугубо богословского или аскетического содержания. Светскую прозу, даже классику, я почему-то не так люблю. Жалко, что на чтение, что называется, по интересам остается совсем мало времени, ведь нужно проанализировать много литературы

по предметам. И это, безусловно, очень важно и полезно, поскольку без книг я теперь своей жизни просто не представляю.

Замечательным событием в жизни семинариста-среденца является его первое облачение в подрясник. Этот день я пережил как посвящение себя и своей жизни Богу. Я почувствовал, будто поднялся на какую-то невидимую ступень, и обратной дороги просто нет. Я решил, что с этого момента в любом случае буду служить Церкви, каким бы путем мне ни пришлось в жизни идти.

Семинарская жизнь почти неразрывно связана с жизнью монастыря. Приходилось зачастую преодолевать себя, привыкать к новому режиму, к другой обстановке. Монастырь все же — совсем иной мир, по сравнению с тем, где каждый из нас жил до этого, даже в независимости от степени воцерковленности. Все же секулярный мир, как говорится, свое дело делает, оказывает на людей свое пагубное влияние. Я бы сказал так: у любого живущего в миру христианина Церковь занимает определенное место в его бытии, а в монастыре Церковь и есть жизнь, и она наполняет собой все. Все, что окружает пребывающего в обители, так или иначе напоминает ему о Боге и вечности. К тому же в монастыре как в духовную крепость почти не проникают соблазны мира. Здесь тишина и покой, отрешенность от суеты и прекрасная возможность как можно больше времени и сил посвятить душе. Для этого, собственно, и созидаются монастыри...

Духовная жизнь — невидимая, но самая важная сторона человеческого бытия. Я бы сказал даже, что она более реальна и важна, чем материальная, потому что именно от внутреннего состояния человека зависят его внешнее поведение и отношение ко всему окружающему. Семинария дает очень многое для духовной жизни. Здесь есть все условия: замечательный храм, прекрасные духовники, огромная библиотека и т.д. Для борьбы со своим самолюбием и греховными страстями также возможностей предостаточно, так как в любом человеческом обществе невидимые наши враги пытаются утраивать различные искушения во взаимоотношениях. Главное правило — не лениться, не давать себе поблажек. Допустив немного, потом сложно остановиться. Можно совсем расслабить себя и свое внимание над собой.

А побеждать себя сложнее всего. Бывает, что хочется отдать краткое свободное время чему-то другому — просто провести его для себя, но лучше всего посвятить его своему духовному миру. И наши усилия, несомненно, принесут заметные плоды. Потом сам себя начинаешь благодарить, что лишний раз почитал Библию, помолился или поговорил с духовником.

В монастыре моим духовником с самого начала обучения является игумен Амвросий (Коньков), который всегда с теплом относился ко мне. На исповеди от него исходила любовь — и только любовь.

А с какой огромной любовью относится к братии монастыря и семинаристам отец Тихон! Иногда он даже балует нас, для него мы как родные дети, а когда надо, он может и пощурить, быть строгим. Но делается это с любовью, именно с отцовской любовью. А потому нисколько не обижает. Он является для нас образцом во всем — в пастырском делании, в отношении к богослужению, в рассудительности и мудрости. Батюшка — достойный преемник своего старца, архимандрита Иоанна (Крестьянкина). В своих проповедях в храме и выступлениях по телевидению, во внешней аккуратности и внутренней строгости,

в молитвенной собранности (при всей своей занятости), а также во многом-многом другом. Можно, без малейшего преувеличения, сказать: у семинаристов и насельников монастыря есть с кого брать пример.

Особенно запомнятся мне наши ночные литургии, когда всего несколько человек приходило помолиться, попеть или почитать на службе, а потом причаститься. В этом было такое единство во Христе и через Христа, что не почувствовать это было сложно.

А теперь я расскажу, как встретил свою невесту. Встретил я ее очень неожиданно. Как и для многих, для меня это стало одним из самых явных проявлений Промысла Божия в моей жизни, Его заботы обо мне. Один мой друг совсем случайно позвал меня поехать в книжный магазин «Православное слово». Я никуда в тот день не собирался, а тут, думаю, отчего же не поехать, может, что-то интересное из книг встречу. И встретил ту глубокую и таинственную книгу, что изучаю до сих пор и буду изучать, наверное, всю жизнь. Поскольку другая личность — чудо Божественного творения, является глубокой тайной, которую можно познавать и никогда не разгадать до конца. Мои родители отпраздновали уже серебряную

свадьбу и говорят, что до сих пор узнают друг друга, до сих пор многому удивляются. Невеста моя очень понравилась мне с первого взгляда. К знакомству был прекрасный повод: она купила целый комплект Миней, и я предложил свою помощь по их доставке. По дороге мы разговорились. Оказалось, что она поет в храме и является церковным человеком... Как все сложится дальше — на все воля Божия!

Семинария дает молодому человеку очень многое. В первую очередь она способствует становлению личности, характера и овладению систематическими духовными знаниями. В семинарии люди заметно взрослеют, становятся самостоятельными, учатся ответственности и серьезному отношению к жизни. Это видно, и об этом многие говорят.

Кроме того, духовная школа формирует в человеке самые высокие, самые лучшие качества — трудолюбие, самоотверженность, честность, уважение к старшим, и христианские добродетели. Если вести себя правильно и честно, то терпение, кротость и смирение воспитываются почти что сами собой. В семинарии все для этого предназначено. На ней почивает

Божественная благодать. Это место явно ненавистно темным злым духам, и совершенно понятно — почему.

Напоследок хочется развеять один живучий миф, связанный с семинарским образованием. Часто говорят, что она портит человека, делает его хладным, незаинтересованным, безблаговейным. Хочу задать встречный вопрос: что именно в семинарии портит? Храм Божий, утренние и вечерние молитвы, богослужение? Или, может, небольшое количество работы, которое здесьдается, изучаемые предметы, преподаватели, духовники? Наверное, это сами стены семинарии или монастыря портят людей?..

Конечно, это полнейший абсурд. Семинария еще никогда никого не испортила. Мы знаем из истории, что в XVII веке в Киево-Могилянской коллегии (что-то вроде семинарии или духовного училища) было все очень и очень строго. Обучение велось сухо, схоластично, почти все предметы изучали на латинском языке, практиковались даже телесные наказания, что просто немыслимо для духовных школ. Основатель коллегии — святитель Петр Могила, вообще учился в Риме у католиков. Но, несмотря ни на что, из этого учебного заведения вышли такие замечательные святые, как Димитрий Ростовский, Феофан Затворник, Филофей (Лещинский). Подобные порядки были и в других духовных школах XVII–XVIII вв. Но кроме революционеров, коих, как говорят, выпустили семинарии, в них воспитывались духовно-нравственные пастыри, деятельные архиереи, и многие из них прославлены в лице святых.

Стало быть, святость человека не зависит от условий его жизни. Все зависит от него самого. За него его духовную жизнь вести никто не будет. Звучит банально, но это очень важный факт, который бы очень хорошо знать тем, кто поступает в семинарии. Нам всем, христианам, стоит учиться идти против течения, стараться жить не так, как нравится окружающим, а как учат святые отцы. Только так можно достичь успеха.

Если пытаться верно строить свою духовную жизнь, советуясь с духовником, стараться хранить благоговение к святыне, читать духовные книги и участвовать в Таинствах Церкви, если воспринимать семинарию как очередную ступеньку на пути к небу, то принесет она только несметную пользу.

Жизнь семинариста в первую очередь складывается из ежедневной молитвы

Чтец Егор Ланцев

До поступления в семинарию учился в духовном училище города Мурома Владимирской области. Оно располагается при Спасо-Преображенском монастыре. Поэтому первое, что поразило меня по приезде туда, были святыни обители. До самого сердца впечатлили хорошо сохранившиеся иконы дореволюционного времени.

Спасо-Преображенский монастырь, как и многие обители, был передан Русской Православной Церкви только в девяностые годы, а до этого там были казарма, психбольница. Представить только: в храм загоняли машины, и там их ремонтировали. Все понимали, что это неправильно, что попираются и оскорбляются святыни. По слухам, которые были очень распространены в Муроме, в монастырском храме часто ночью видели свет над алтарем. Один мужчина ночью вышел покурить и увидел собенного старца. Тот ему пригрозил пальцем и велел бросить курить.

Когда я был студентом духовного училища, в Спасо-Преображенском монастыре готовились к юбилею — девятьсот десять лет со дня основания обители, который торжественно отметили в 2006 году (я уже учился в Сретенской семинарии).

Несмотря на всякие сложности, в том числе и материальные, которые сопровождают любую реставрацию и ремонт, в училище ежегодно принимались студенты, которые обеспечивались всем необходимым.

Все два года, помимо учебы, я исполнял там различные послушания: помогал в гостинице, канцелярии. А самое главное — пел в хоре, занимался Уставом. Петь на клиросе приходилось практически каждый день: певчих было мало, а служб — много. Ритм, конечно, тяжелый, зато самый правильный — богослужебный. Утром вставали, и на службу, вечером — тоже... Насельников там было немного: когда я поступал — пять человек, а когда заканчивал — десять.

Настоятелем Спасо-Преображенского монастыря являлся игумен Кирилл. Недавно он погиб в автокатастрофе. Он нес ректорское послушание. Батюшка отличался простотой. А к своим послушаниям относился необычайно серьезно.

На вступительных экзаменах отец ректор задавал мне не слишком сложные, но очень четкие вопросы, ответы на которые не предполагали ни малейшей двусмысленности. Расспрашивал о жизни, о том, где абитуриенты родились, крестились и прочее.

Отец Кирилл, и я это сразу же подметил, необычайно благолепно служил, любил литургию. Это очень ценил в нем владыка, который часто бывал в обители. Отмечал архиерей и организаторские способности отца настоятеля, который сумел воссоздать монастырь к историческому юбилею во всей его красе.

Понятно, что и студенты училища тоже принимали посильное участие в реставрации и ремонте обители — и это невозможно забыть: древние стены, фрески преображались прямо на глазах! Освятили три престола, отреставрировали главный храм и заложили новую церковь для подворья. И вот тогда появилось у меня новое послушание: меня как певчего ректор благословил каждую субботу ездить на подворье и петь литургию — причем петь приходилось одному. А служил — тоже в одиночку — тогдашний благочинный, отец Иоанн. Вот так и было: батюшка в алтаре, я на клиросе, а в храме поначалу две бабушки. Подворье от монастыря находилось на довольно близком расстоянии — где-то час езды. И после службы хлебосольные старушки кормили нас — и мы сразу же уезжали на всенощную в монастырь.

Время шло своим чередом, и пришла пора задуматься, а что же делать дальше — после училища. Конечно, отец Кирилл благословлял меня на поступление во Владимирскую семинарию, ведь именно там учились и учатся большинство выпускников Муромского училища (при этом принимают их туда без экзаменов).

Но мне очень хотелось учиться в Москве. Выбор мой после долгих размышлений пал на Сретенскую духовную семинарию, о чем я ни разу не пожалел. Хотя были у меня мысли и о поступлении в Перервинскую семинарию. Помню, что на отца Кирилла не действовали

Иподиаконское послушание

мои доводы о том, что я уже ездил туда и даже встречался с ректором — отцом Владимиром Чувикиным. В общем, не раз и не два отец Кирилл пытался отговорить меня ехать в Москву. Наконец он понял, что я непреклонен в своем решении и спросил: «Ты отца Тихона (Шевкунова) знаешь?» — «Видел его по телевизору и в Храме Христа Спасителя — «Так вот отец Тихон руководит семинарией. И его студенты часто принимают участие в общечерковных послушаниях. Ведь тебе это все интересно?» А потом предупредил, что Сретенская семинария строгая, учиться там сложно, студенты живут при монастыре, сообразуя свой режим с ритмом обители. Но я все это слышал в полуха — моя мечта сбылась! Не до конца веря, что еду учиться в Москву, я повторял: «Да все будет хорошо, батюшка, вы не переживайте. Дайте только прошение и подпишите, что вы разрешаете, и все будет хорошо». Отец Кирилл пристально смотрел на меня, качал головой и опять спросил: «Не торопишься ли ты?»

В результате рекомендацию для меня он написал только летом, когда я был дома.

Меж тем я приехал в Троице-Сергиеву лавру — на праздник преподобного Сергия Радонежского. Планы у меня были такие: «Сейчас помолюсь в лавре, потом поеду в Муром, а затем отправлюсь в семинарию». И первый, кого увидел я в Сергиев день, перед храмом, незадолго до службы, был отец Тихон. Я подбежал к нему и начал расспрашивать его о семинарии, в самом начале задав нелепый вопрос, который вызывал улыбку батюшки: «Вы ректор Сретенской семинарии?» Выспросил все: когда вступительные экзамены, в чем они заключаются, как сдать документы. В конце нашего недолгого разговора отец ректор сказал: «Сдавай документы и пробуй поступать, мы посмотрим, каков ты есть и что ты знаешь». Тут зазвонили в колокола — значит, к храму уже приближается Патриарх, а батюшка еще даже не в облачении был.

В этот день мне необыкновенно везло: на службе я встретил владыку Евлогия, которого уговорил подписать рекомендацию.

Так, довольный беседой со своим будущим ректором, я после службы буквально помчался в Муром. Приехав, сразу стал собирать документы, необходимые для поступления.

Но в то время в епархии готовились к приезду Святейшего Алексия Второго на юбилей обители, и отец Кирилл сделал еще попытку: «Побудь хотя бы последние дни, ведь нам еще надо училище Патриарху показать, познакомить его с выпускниками». Мне было очень тяжело тогда, ведь я принимал очень активное участие в подготовке к юбилею монастыря. Мне хотелось увидеть Патриарха в его первый визит в Муром. Я был записан в списки участников и ответственных за это мероприятие.

И все же надо было ехать на вступительные экзамены в Москву. Батюшка махнул рукой: «Поезжай». Я попросил благословения у отца ректора, который очень много для меня сделал. Тот еще раз произнес: «Поезжай, Патриарх еще не раз здесь побывает». И на самом деле Святейший вновь приехал в Муром, и я на этот раз был на Патриаршей службе. Надо же, в обители уже побывал и нынешний Предстоятель...

Вспоминаю сейчас, как впервые приехал в Сретенскую семинарию. Первый студент,

с которым я познакомился, был тогда еще первокурсник — Егор Мовчан. Спросил: «Вы студент?» Собеседник сразу же сказал: «Да! А давай общаться на «ты». Я засыпал его вопросами, которые не смог задать отцу Тихону в лавре: о жизни в семинарии, каков распорядок дня, как живут студенты. Старшекурсник ничего не скрыл: так как духовная школа находится в стенах монастыря, учащиеся должны, среди прочего, быть на ранних утренних молебнах — не все это выдерживают, тяжеловато. Но все трудности обильно покрывает неустанные опека, заботливое понимание со стороны наставников и преподавателей. И никакие послушания, что могут меняться в течение пяти лет, не бывают в тягость, если исполняются с молитвой и радостью.

Я тогда не мог долго говорить, так как опаздывал на электричку в Муром, но впечатления у меня сложились самые благоприятные. Очень расположил к себе и мой тезка. Он сказал уверенно: «Это хорошо, что ты уже отучился в училище и жил в монастыре. Думаю, ты поступишь к нам». Тем самым он подбодрил меня, а впоследствии мы стали добрыми приятелями.

А тогда мы направились в библиотеку, где от поступающих принимала документы Татьяна Анатольевна Хайдина — Царствие ей Небесное! Оказалось, что она хорошо знала владыку Евлогия — мы потом не раз говорили с ней об этом архиерее и возглавляемой им Владимирской епархии. В тот день я принес не все нужные документы, что меня сильно беспокоило. Но Татьяна Анатольевна разрешила подвезти их позже. И мне еще больше захотелось поступить именно в Сретенскую семинарию.

Приложились мы вместе с новым другом и к мощам священномученика Илариона Верейского, зашли в придел. Потом пошли на экскурсию по кельям.

Живы все мои впечатления о вступительных экзаменах. Разыскать дежурного помощника — отца Николая (Муромцева), в мой приезд в конце июля 2006 года мне помог Леша Щербенко, мой будущий сокурсник. Отец Николай расселял абитуриентов, которым сразу давали послушания — пусть и несложные. Сначала я был единственным наследником кельи, но позже туда разместили еще трех человек — из Москвы, Уфы и Крыма. Я быстренько поел

и пошел помогать будущим сокурсникам. Направили меня... в баню. Там произошло серьезное ЧП: прорвало трубы, и нужно было убрать всю воду. Да, забавно это было: абитуриенты, из головы которых, понятно, не выходила мысль о предстоящих экзаменах, промокшие, но веселые, орудуют тряпками в монастырской бане.

Во время послушания мы, быстро перезнакомившись, твердо решили, что будем вместе готовиться к экзамену — читать «Закон Божий». Потом эти книги можно было найти где угодно: в аудиториях, в трапезной. Кстати, те незабываемые мгновения запечатлены на забавных фотографиях, которые так приятно пересматривать...

Среди вступительных испытаний прежде всего нас весьма позабавили психологические тесты. Мы тогда смеялись: «Вот рисунки рисуем!»

Вступительные экзамены, как это заведено в Сретенской семинарии, проходили в два этапа.

Первым шло собеседование, которое возглавлял ректор — отец Тихон.

Отец ректор сразу подвинул ко мне Псалтирь и велел читать любой псалом. Я открыл, кажется, тридцатый. И начал читать с выражением. Отец Тихон остановил меня: «Читай так, как будто ты сейчас в церкви». Далее у меня спросили молитвы. Немного запутался я с кондаком Введения во храм Пресвятой Богородицы. Но при этом, вызнав, что батюшке очень близки творения святителя Игнатия (Брянчанинова), я назвал его имя при ответе на вопрос: «Кого ты читал из святых отцов?»

А еще я вспоминаю вопрос отца наместника о спасении. Я привел довольно известный пример о том, как один священник одновременно и творил беззакония, и служил литургию. Тогда отец Тихон поинтересовался: «Если я буду грешить, я спасусь?» Я выпалил: «Вы — да, остальные — нет». Так члены комиссии не смеялись никогда. Пришлось даже сделать перерыв.

Потом было сочинение, проводила которое Лариса Ивановна Маршева. Уже в тот день она увидела немало лингвистических парадоксов в наших текстах. Мы были весьма удивлены: она говорит очень быстро, но очень красиво. Еще нас подкупило, что она поддерживала нас, рассказала несколько историй, чтобы помочь

написать им сочинение на тему «Молодежь и Церковь», то есть воодушевляла и вошла к нам в доверие. Это очень сильно помогло нам — растерявшимся абитуриентам. Лариса Ивановна является профессором церковнославянского языка и стилистики. А для пятикурсников ведет дисциплину «Методология научного труда», в рамках которой помогает нам писать дипломные работы.

Я выбрал себе тему по философии. Вообще, письменные работы всегда получались у меня с большим трудом, причиняя немало хлопот и мне, и моим наставникам. Итоговую работу за третий курс я фактически провалил. В следующем году одумался, взял тему по философии Сократа и, с Божией помощью, защитил ее на четыре. Да, моя тема — религиозно-мистическая составляющая в философии Блеза Паскаля — немного необычна для семинарской работы. Но философия необходима мне для развития мышления. Она позволяет дискутировать и доказывать свою точку зрения.

Проконсультировавшись с научным руководителем и Ларисой Ивановной, я составил план дипломной работы и подобрал кое-какие материалы. Я знаю, что в любой момент могу обратиться за помощью к своим педагогам. Общаясь со студентами в учебных классах и за их пределами, Лариса Ивановна нередко повторяет слова, которые когда-то, будучи студенткой первого курса, услышала от одной преподавательницы, с которой сейчас они вместе работают в Сретенской семинарии: «Не стыдно чего-то не знать, стыдно — не хотеть знать».

А пока был август 2006 года, и на второй курс, как я об этом мечтал и о чем заранее спрашивал отца проректора, зачислить меня не могли — моих знаний оказалось недостаточно.

Итак, 3 августа, после написания и проверки сочинения, отец Иоанн зачитал списки поступивших. Забавно, но я почему-то опоздал. И после того как результаты были оглашены — в тогдашней аудитории первого курса, я впал в жуткое волнение: подумал, что не поступил. Но все же подошел к дежурному помощнику Игорю Максимову и спросил: «А Ланцев поступил?» Тот повернулся и не моргнув глазом сказал: «А Ланцев отчислен». И все дружно засмеялись. А уж когда за преподавателями

и администрацией закрылись двери, то семинарию огласил крик радости. Ребята начали друг друга обнимать и поздравлять. Кто-то из них даже сказал «Как будто в футбол выиграли!» А позже мы признавались друг другу, что не было у нас доселе такого чувства.

Счастливые и утомленные, мы уже к вечеру стали разъезжаться по домам, чтобы вернуться к 1 сентября и остаться здесь на целых пять лет...

Повторю еще раз: я часто думаю о своих вступительных экзаменах — все тогдашние впечатления и сейчас не утратили своей отчетливости. Я очень переживал, постоянно думал о том, что не поступлю. Долго молился на братском молебне у мощей священномученика Илариона. Просил от всей души: «Просто оставь меня здесь — тут очень хорошо». А меня уже сзади ребята подталкивали: «Давай уходи быстрее, не задерживай».

Погода в тот августовский день была теплая. Да к тому же абитуриентов очень утешила трапеза. Поразило все: и красивые столы,

и изысканная сервировка, и вкуснейшая красная рыба. То был первый абитуриентский обед.

В один из вечеров, после психологического тестирования, некоторые абитуриенты смотрели фильм «Любовь и голуби» с Людмилой Гурченко, а потом обсуждали его. Фильм смотрели с ноутбука. Пили чай, смеялись.

Так же весело отмечали мы свои праздники и впредь. Всегда особенный день для любого семинариста — это именины. В трапезной имениннику поют громкое, дружное многолетие и вручают вынутую за него просфорку. И это является для именинника самым дорогим подарком.

А после занятий ребята, заранее подготовившись, закупив всяких вкусностей, устраивают веселое празднование. Собравшись вместе, дотемна, то есть до отбоя, сидят, поют песни, дружеские многолетия, дарят подарки, обыгрывая их. Такая добрая традиция очень понравилась мне, и я старался звать к себе как

На крестном ходе в Сретенском монастыре

много больше друзей, а иногда и представителей семинарской администрации.

Безусловно, сразу и в самое сердце поразили меня монастырские службы, о которых я только слышал, но не был знаком с ними даже по записям. Когда впервые за всенощной в Сретенском монастыре, под преподобного Серафима, услышал «Аминь» после возгласа, я как будто бы окаменел. Но, оправившись от первого впечатления, даже вышел, как и большинство абитуриентов из придела в храм, чтобы лучше слышать и видеть замечательный хор. Потрясло всех и пение 103-го псалма. Уже после службы ребята долго обсуждали хор. Конечно, все слышали монастырское пение, представляли себе, какими бывают архиерейские хора, но такой моши не помнил никто!

Необычайно взволновало меня и то, что абитуриентов позвали в алтарь под благословение наместника на «Блажен муж». Еще не поступивших ребят — и сразу в алтарь, а может, завтра кто-то на экзамене провалится? Произошел тогда и такой смешной случай. Покойный отец Макарий подошел к шкафу с облачениями,

а рядом стоял Леша Кузьмичев, ныне священник. Он бросился облачать иеродиакона, который, обладая острым языком, сказал громко — так, что все услышали: «Не подлизывайся, все равно не поступишь». После этих слов, конечно, последовал взрыв хохота.

Как это ни странно, но я очень смутно помню, каким был наш первый учебный день. Врезалось в память только то, как мы после службы пошли в трапезную, где нам выдали студенческие билеты и подарили Библии, а затем представили семинаристам постарше. Каждый раз, после оглашения фамилии и имени первокурсника, все хлопали, и возникало удивительное ощущение, будто медаль вручается.

Я немного переживал: как ко мне отнесутся семинаристы. Для меня это было крайне важно — тем более в духовной школе, где все друг другу братья, где все живут, учатся и трудятся бок о бок. И тут были свои курьезы и обиды — куда без них! Так, я стал называть старшекурсников на «вы», а они меня подняли на смех и наставили: «С администрацией надо на «вы», а с братьями-семинаристами на «ты» общайся».

Одним из из первых моих сокелейников по келье номер семь был Степа Бажков — выпускник 2009 года, теперь священник-целибат. Он не слишком любил, когда слушали музыку, не нравились ему и мелодии на мобильных телефонах. Он начинал ворчать — и ворчал долго. А вот Володя Гурылев старался всех примирить. Но он быстро женился и стал жить дома.

Очень трогательным осталось для меня воспоминание о том, как отец Тихон в трапезной зачитывал устав семинарии, а потом рассказывал о правилах поведения. Когда он говорил о вещах, не положенных в ее стенах, смех не утихал. Смеялся и сам батюшка — смеялся заразительно, от всей души!

Смех, однако, мгновенно сменился сосредоточенной серьезностью — и все внимательно слушали послание Патриарха для учащих и учащихся духовных школ Русской Церкви.

Тогда же отец ректор говорил о выборе, который каждый из студентов сделал, поступив в семинарию, и о том, насколько он важен и ответственен. К данной теме батюшка возвращался не единожды. На проповеди после одной из ночных литургий он сказал слова, от силы и значения которых у всех перехватило дыхание и комок подкатил к горлу: «Между каждым из нас и Господом Богом есть незримая и непостижимая миру тайна — тайна, которой мы не можем пренебречь. К сожалению, иногда бывает так: человек становится священником, иногда монахом, а потом в сердце своем предает завет, призыв, услышанный когда-то от Иисуса Христа, предает эту величайшую тайну. Это значит, что такой человек перестает быть апостолом, приванным нести истину пасомым. К несчастью, есть и белые священники, и монахи, которые, когда-то почувствовав призыв и вступив на путь служения Богу, через какое-то время были сломлены сладостями мира и отошли от самого замечательного призыва, которое только можно себе помыслить. И окружающие их люди, к сожалению, начинают осуждать их. Это неправильно — о них надо молиться. Ведь, как они судят сами себя, как не могут себя простить себя за страшное предательство, мы даже не можем представить себе! При этом внешне у них обычно все легко, радостно и беззаботно. Но их тусклые глаза, которые вам придется увидеть не раз,

говорят об обратном. Не дай Бог, чтобы с каждым из нас это случилось».

Непривычно в первый семинарский день мне было идти на вводное занятие, которое провел отец Николай Скурат. Он зачитал нам краткую справку обо всех предметах, которые изучают в семинарии, и сказал нам слова: «Всем, whom владеют современные студенты — все это, безусловно, есть у студентов-среднекурсцев. За исключением негатива, от которого мы стараемся вас уберечь». Начав учиться в семинарии, я не раз вспоминал слова своего тезки-старшекурсника о том, что мне должен помочь опыт предыдущей учебы и жизни в монастыре. Безусловно, все это помогло, однако порядки в Сретенской духовной школе были гораздо более строгими. Некоторые проступки, за которые в училище только наказывали, в семинарии грозили отчислением. Пребывая на первом курсе, я (и не я один, конечно) иногда просыпал молебны. Дошло до того, что семинаристов ходил будить отец проректор. А ректор, отец Тихон,

обещал купить всем по будильнику, чтобы не просыпали и не нарушили Устав...

Как-то я, проспав, начал врать и искать для себя оправдания, но воспитатели поняли, что я лукавлю, и определили мне целый день работы на книжном складе. В конце концов отец Филарет, ответственный за работу там, пожалел меня и даже подарил книгу за труды.

Что скрывать, некоторые дисциплинарные меры поначалу казались мне жестковатыми. Но вскоре я понял, что в будущем мне пригодится воспитываемая в нас привычка к соблюдению режима, ведь священник не может проспать богослужение. Запомнились мне слова отца Николая (Муромцева): «Мы обязаны вас здесь научить всему. И чему вы научитесь, то и понесете дальше. Если вы не научитесь дисциплине, не будете вовремя вставать, потом вас будут стыдить, а значит, будут ругать семинарию и отца Тихона. Это недопустимо».

...Как же нам повезло с нашими наставниками! Уже на первом курсе нам посчастливилось увидеть и услышать людей, которые, без преувеличения, являются гордостью церковной науки: профессор протоиерей Владислав Цыпин, профессора Алексей Константинович Светозарский, Лариса Ивановна Маршева и др. Их знания неисчерпаемы, а опыт — профессиональный, пастырский, житейский — бесценен. Взять, например, Олега Викторовича

Стародубцева. Он славится своим добрым юмором. Однажды он сказал так: «Я, наверное, скоро буду писать как Толстой, ведь чего только не наслушаешься от студентов. Обязательно что-то да перевернут с ног на голову».

А этот случай абсолютно изрядный, хотя и повторяется из года в год. Олег Викторович, приходя на первое занятие, неизменно говорит: «Олега Викторовича не будет, и я его заменю». А потом на протяжении всей лекции то и дело рассказывает, какой же плохой преподаватель этот Стародубцев! После звонка он мимоходом призывает первокурсников посмотреть фотографии семинарских выпускников: «Хоть посмотрите, как он выглядит». И каковым же бывает удивление незадачливых новичков, когда они понимают, что Олег Викторович, выдавая себя за другого педагога, разыграл их.

Но все преподаватели — хочется этого или не хочется (чаще не хочется) — проводят экзамены и зачеты. Подготовка к ним — особенно поначалу — была непростой. По разным причинам. В том числе и потому, что достаточно сложно складывались отношения на курсе. И во время сессии шпаргалки — без них, как не крути, не обходилось, распространяли исключительно среди своих сокелейников, что обижало остальных.

Однако со шпаргалками связаны не только неприятные случаи, но и почти анекдотические

истории. Есть на первом курсе предмет «История Древнего Востока». Материала очень много. Да, он интересный, но запоминается из рук вон плохо. Мы сумели выйти из тяжелой ситуации. Напечатали экзотические названия городов и труднозапоминаемые даты на плакатах. И когда отвечающий вставал, а преподаватель по обыкновению стоял спиной к аудитории, эти листы взмывали вверх — и семинарист получал сносную оценку. Ребята, которые поступили позднее, пошли дальше: они додумались показывать подобные плакаты проектором.

То есть главная учебная сложность заключается, без сомнения, в объеме преподанного материала, особенностях его подачи и контроля. И тут приходится бояться не только итогового экзамена, но и текущего опроса.

Вот Алексей Константинович Светозарский. Он, вызывая к доске, любил повторять: «Вот ваша кафедра, с нее и вешайте». Вот студенты и «вешали» — с переменным успехом. «Вешал» и я. Однажды, стоя у доски, сильно запутался в ответе. Преподаватель сидел ко мне спиной и торопил: «Что молчите, давайте продолжайте». И мой со kursник, сидевший за первой партой, открывает на нужной странице книгу и глазами показывает: читай, мол. Я, конечно, начал читать с необычайным вождевлением. И вдруг преподаватель резко повернул голову и произнес с непроницаемым выражением лица: «Вам даже книгу держат, быть вам архиереем». Ребята прямо-таки грохнули от хохота. Помнится, пожалел он тогда меня, еще первокурсника: троеку поставил. На третьем курсе спрашивал он уже гораздо требовательней.

Протоиерей Николай Скурат преподает в семинарии катехизис. Вроде скучный предмет, а сколько смешных случаев произошло на занятиях. Никогда не забыть следующего: когда отца Николая куда-то вызывали прямо с лекции, онставил запись духовной музыки и уходил: «Вы пока слушайте, я скоро приду». Он хотел, чтобы в его отсутствие учащиеся вели себя тихо.

Один раз на занятии у отца Николая зазвонил телефон, а мелодия была такая распространенная, что за телефоны — в чрезвычайном смятении, ведь они во время лекций должны быть отключены, взялись сразу несколько человек. Несмотря на ни что (на его въедливость,

дотошность, требовательность) все студенты его очень любят — каждая группа по-своему. Отец Николай, работая на первом курсе, учит ребят тому, что такое пастырское призвание. Он охотно вступает в дискуссии с семинаристами — не любой преподаватель на это решается.

Воспоминания об этих спорах почему-то вызывают в моей памяти знаменательные дни 2007 года, когда произошло историческое воссоединение Русской Православной Церкви. На этом пути было немало споров, дискуссий, сложностей, многие из которых приходилось разрешать наместнику Сретенского монастыря — отцу Тихону.

Он же принимал в возглавляемой им обители около пятисот паломников из зарубежных стран, которые приехали на официальные мероприятия, связанные с восстановлением канонического общения.

Я хорошо помню, как батюшка, говоря о предстоящем событии, призывал прихожан — в своих проповедях и беседах, принять у себя, дома, паломников, которые не могли оплатить номер в гостинице.

Акт о воссоединении был подписан, как известно, 17 мая 2007 года. Это период летней сессии в семинарии. И от экзаменов никто студентов не освобождал. Вместе с тем все семинаристы без исключения, были задействованы в подготовке трапезы — в виде отдельных порций — для паломников.

Отцы Амвросий и Феофан — казначей и келарь Сретенской обители, закупили бесконечное количество снеди. Матушки всю ночь пекли и жарили, в основном постные блюда, так как все готовились к Причащению. А семинаристы помогали формировать порции в особые контейнеры, куда складывали рыбные котлеты, бутерброды, конфеты и др.

А на следующий день был экзамен, который проходил как в фантастическом романе. Во время ответов в аудиторию вбегали взбудораженные студенты, быстро говорили: «Нам столов для еды не хватает» — и моментально исчезали, оставляя преподавателей в оцепенении.

16 мая в Сретенском монастыре состоялось грандиозное всенощное бдение, за которым единомысленно молились Предстоятель Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Лавр — уже покойный, огромное

количество архиереев, священников. Народу было столько, что переполнен был не только храм, но и площадь перед ним.

Было такое чувство, что вот здесь, именно здесь, и должно произойти воссоединение двух Церквей в одну. Глаза зарубежных паломников, на которых выступали слезы неподдельной радости, говорили сами за себя.

А наутро я был в Храме Христа Спасителя. И воочию видел, как два предстоятеля — величественные старцы, молитвенники, созидатели, подписали эпохальный документ, значение которого еще предстоит осмыслить.

Потрясло меня и то, что митрополит Лавр, несмотря на свою уже очевидную немощь, благословлял всех, желающих получить его благословение. Его я ощущаю по сей день, а еще помню добрые глаза предстоятеля Зарубежной Церкви.

Теперь расскажу о своем семинарском духовнике. Когда я учился на первом курсе, исповедовался у отца Иова (Гумерова). Мне было непросто осознать, что теперь у меня новый духовник. Но таковы правила семинарской

жизни — и я им подчинился. А когда впервые пришел к отцу Иову на исповедь и рассказал о своих проблемах, батюшка дал мне такие советы, что я не хотел от него отходить. Отец Иов наставил меня по поводу семинарских устоев, межличностных отношений. Все это в первые месяцы учебы очень огорчало меня — я даже подумывал уйти из духовной школы. Очень расстраивался из-за двоек, из-за конфликта с несколькими ребятами сразу. Батюшка развеял мои сомнения так: «Носите тяготы друг друга», вы все равно сдружитесь — рано или поздно». Конечно, он оказался прав: к третьему курсу мы уврачевали все нестроения. А еще отец Иов наложил на меня первую епитимью, ведь я до поступления в семинарию не причащался месяца четыре. Он благословил совершить пятьдесят поклонов. С того дня я ходил на исповедь к отцу Иову — все пять семинарских лет.

Были в моей жизни и другие наставники, учителя. Самым важным человеком, непрекаемым авторитетом был и остается отец — майор в отставке, летчик с 25-летним стажем.

В Серафимовском скиту Сретенского монастыря

Родителей до сих пор нельзя назвать людьми горячо верующими и воцерковленными. Но надо отдать им должное: когда они узнали, что я хочу поступать в духовное училище, они не противились никаких. Мама сказала тогда: «Пусть выбирает то, что ему по душе, лишь бы был человеком». Отец же целиком положился на ее слова... Вот и сейчас никто из семьи в храм не ходит — не получается пока их туда привести. Хотя мои маленькие племянники очень любят читать детскую духовную литературу. Так что, дай Бог!..

В военное училище я поступать все же не стал. Прежде всего потому, что отец никогда не настаивал на этом. Перед моими глазами проходит такая картинка из детства — очень яркая, очень эмоциональная. Когда мне было лет десять, папу наградили орденом на приеме губернатора Воронежской области, где я провел детские и отроческие годы. Испытывая невероятную гордость за него, я казал: «Папа, хочу быть, как ты, после школу сразу иду в военное училище». А отец очень рассудительно ответил: «Не торопись, хорошенько обдумай свое решение». Было и еще одно обстоятельство, которое сильно поколебало меня и обоих моих братьев в желании встать на служивое поприще. Отцу предложили перевестись в Алжир, на что вся семья среагировала резко отрицательно. Все очень переживали, что папу

могут забрать туда — оторвать от родных. Поэтому каждый в нашей семье выбрал свой путь. Старший брат увлекся машинами, окончил техникум, потом лесотехническую академию, сейчас работает менеджером в «Аудио-центре», уже женился. Младший — сейчас отслужил в армии и хочет продолжить юридическое образование.

Очень многое для меня значит бабушка. Она живет напротив храма Казанской иконы Божией Матери, который был заложен в честь коронации императора Николая Второго в селе Латном Воронежской области. Туда-то меня и моих братьев привозили летом на каникулы.

Бабушка в храм ходит крайне редко: «Корова, хозяйство, не могу, некогда». Но при этом она отличается необыкновенным гостеприимством и у нее в доме часто бывает сельский священник. Вот отслужит батюшка службу, и она его зовет к себе обедать, иногда со всем приходит: «А они за меня, грешную, помолятся».

Мне были необыкновенно интересны те разговоры, которые вели за столом эти представительные люди — с большими бородами, басистыми голосами. Вроде их надо было бояться, а я, напротив, удивляясь сам себе, тянулся к ним. Много говорили тогда батюшка и его соработники о восстановлении полуразрушенного Казанского храма, который только-только передали епархии. За столом,

особенно на престольный праздник, собирались до 25 человек. Благо, дом у бабушки большой.

Именно в этой деревне, где-то лет в восемь, и состоялась первая моя встреча со священником. Тогда батюшка подарил мне молитвослов, который мне очень понравился. Я с радостным рвением начал читать молитвы — понять их помогала бабушка. Так прошло года два, а отец Иоанн, оказывается, не забыл о том, что подарил мне молитвослов, и однажды спросил, выучил ли я молитвы. Потрясенный, я ответил: «Да, выучил». Так выяснилось, что батюшка подарил молитвословы еще десятку мальчиков, но никто из них, кроме меня, не проявил интереса к слову Божиему. Тогда отец Иоанн сказал бабушке: «Вероятно, он станет священником, потому что он единственный исполнил священническое послушание».

А как не выполнить? Мама и папа с детства учили: «Если сказали, значит, надо обязательно сделать». Тем более если просит священник. Ведь он служитель Церкви, отец своей пастве. И его поручения нужно выполнять так же, как и поручения родителей.

Так я начал регулярно ходить в храм — с 11 лет. Вскоре батюшка благословил меня пономарить, прислуживать в алтаре.

Отец Иоанн — настоящий сельский батюшка, стал моим первым духовником. Никогда

не забуду я свою первую исповедь — точнее, не исповедь даже, а улыбку батюшки. Отец Иоанн отпевал моего дедушку — отца мамы. Приехав в нашу воронежскую квартиру, он попросил меня помочь разжечь кадило. А после подарил Псалтирь, которую я храню до сих пор — как добрую память о уже почившем батюшке, на могилке которого я бываю всегда, когда приезжаю в Латное.

Отец Иоанн очень хотел, чтобы я сосредоточился только на храме. Но, вступив в переходный возраст, я начал, как говорится, искать себя. Для этого записывался в разные кружки, занятия в которых, однако, определили одно из самых любимых моих церковных послушаний — пение. Сейчас мне немного странно вспоминать, как я делал замысловатые оригинами, с упоением играл в хоккей, занимался шитьем и даже немного танцевал. Планов было много, но нигде я не находил себя.

А вот в музыкальной школе я задержался на долго. До сих пор я вспоминаю свою учительницу по скрипке — Валерию Ивановну Парфенову. Милая бабулечка, которую я считаю самым важным, самым теплым, что ли, человеком после матери. Она во всех принимала участие — участие не показное, а искреннее. Когда я приезжал к ней с другого конца города, она всегда встречала меня на пороге школы и интересовалась, как я доехал. Очень стеснялась, когда

ей дарили подарки. Если это были конфеты, то она непременно ставила чайник и угождала ими своих учеников, а сама съедала одну конфетку. И, конечно, она не мыслила себя без музыки — только о ней были все ее разговоры. Очень сожалею я о том, что после переезда на другую квартиру пришлось расстаться с занятиями у дорогой Валерии Ивановны.

Все вновь встало на свои места, когда мне исполнилось лет шестнадцать и я встретился с отцом Александром Дубановым — настоятелем Свято-Троицкого храма Воронежа. Дорога в этот храм была для меня тернистой — и из-за переходного возраста, из-за искусственных жизненных событий. Учась в восьмом классе, я неожиданно для себя (как тогда казалось)... попал в кружок вышивания. Руководила им протестантка, которая, однако, не занималась никакой религиозной агитацией. Освоив азы вышивания, я решил подзаработать немного денег. Так я стал вышивать детские распашонки и костюмчики, получая за свой труд 500 рублей. Но это совсем не важно — важно то, что по дороге на работу я проходил мимо храма — Благовещенского собора, который сейчас готовится к освящению, а тогда, в 2001 году, был только заложен Патриархом и митрополитом Мефодием. И мне было очень любопытно, почему церковь так долго строят и какой же она будет в итоге. Обо всем этом был, конечно, осведомлен настоятель собора — отец Александр, но как же добиться встречи с ним? Здесь опять помог случай — вроде бы случай. Наша соседка — тетя Лида, пела на клиросе. И Господь так управил, что после того, как крест водрузили на собор, она пришла к нам домой. Я начал спрашивать о Церкви, о Боге, дивясь своим вопросам. Тетя Лида, оценив мое рвение, пригласила меня в Троицкий храм, обещала поговорить за меня перед батюшкой.

И вот подошел праздник Троицы — особенно красивый в Воронеже, и я впервые — правда, опоздав немножко, приехал к отцу Александру.

Меня очень поразило то, что служили в маленьком вагончике-времянке. Теснота была такая, что я, поставив свечку, решил уйти в самый конец.

Позже пришлось много выслушивать со стороны родственников и друзей: «Зачем туда ходишь, там же душно — это разве храм? Вот если хочешь ходить, то ходи в нормальный, каменный, расписанный храм, а не в вагончик».

Да, в вагончике было действительно душно — особенно когда было много народа, на престольный праздник, например, а уж на Пасху нельзя и протолкнуться. Народу столько набивалось, что многие теряли сознание. Но люди тянулись в этот храм. И каждый раз вагончик набивался до отказа, очень много было маленьких детей — родители их всегда приносили на Причащение.

...А тогда батюшка вышел из алтаря, и я, по детским впечатлениям, вспомнил, что это начало службы. Отец Александр поклонил храм, заметил меня (тетя Лида, разумеется, рассказала ему обо мне), вернулся в алтарь, а потом вышел оттуда и жестами позвал к себе. Я от нахлынувшего волнения даже и не понял сразу, меня ли он зовет или кого другого. Но все же решился подойти к нему. Тут здорово помогла тетя Лида. Она подсказала, что надо взять благословение — первое в жизни осознанное благословение! Да еще какое! Встать на клирос. Батюшка вручил мне последование всенощного бдения. Понятно, что, будучи ребенком, я не раз был и за всенощной, и за литургией, но не помнил ничего — совсем ничего. И я начинал все с начала — заново пришел в храм. И меня теперь совсем не смущало, что слово Божие звучит в неказистом вагончике.

Очень быстро появились у меня и свои церковные послушания. Сначала я раздавал прихожанам святую воду после воскресных водосвятных молебнов. Потом, немного освоившись, начал петь в хоре, участвовать в спевках, а иногда даже пономарить.

Но нельзя забывать, что я тогда еще учился в школе — в девятом классе. И частенько пропускал уроки, пропадая на службах.

Тогда же я впервые познакомился с семинаристами, ведь моя школа находилась через две остановки от Воронежской семинарии — на левом берегу реки. И как только выдавалось время, я бежал в семинарский храм, на богослужение. Особенно мне полюбились службы Светлой седмицы — пронзительно радостные и величаво торжественные: «Христос воскресе!» Из рассказов семинаристов я узнал, что такая духовная школа.

Отец Александр стал для меня мудрым наставником и любящим духовником. Он учил относиться ко всему серьезно, поскольку сам не давал себе ни малейшей поблажки. Он

всегда говорил, чтобы я никогда не лицемерил: «Нельзя ходить в церковь и одновременно совершать всякие беззакония».

Очень радушно приняли меня и батюшкины домочадцы. Это была настоящая семья, малая Церковь, которая выстояла вопреки всем ударам судьбы. Батюшка с семьей приехал из Туркменистана, претерпев там немало притеснений. Что скрывать, не все гладко было у отца Александра и в Воронеже. Но он никогда не жаловался. А однажды, когда я не слишком лицеприятно отозвался о батюшким обидчике, приложил к моим губам ладонь: «Молчи, ничего не знаешь, не говори». А матушка Ирина какая у него замечательная! Хозяйка образцовая, да к тому же бессменная, самая надежная помощница для мужа — и организационным комитетом занимается, и в женском епархиальном совете трудится. Жизнь их изрядно потрепала, но и одновременно проверила их веру и супружескую любовь. Они явились для меня замечательным образцом того, что нужно много терпеть, чтобы чего-то достичь.

Сейчас, спустя десять лет, изменилось многое. Но всегда, когда я навещаю Воронеж, я прихожу в храм, к батюшке Александру. Нет уже больше того вагончика, есть собор — большой, каменный, и все с нетерпением ожидают его освящения. К сожалению, многие труженики, так много сделавшие для созидания церкви, уже почили в Бозе. А ведь они своими руками и крест на купол устанавливали, и камень-кирпич носили, и спонсоров находили, и сами отдавали последнюю копеечку.

Радостно, что в храме по-прежнему много молодых людей, а воскресная школа живет кипучей жизнью. И так же, как когда-то, едут сюда люди со всего Воронежа: «Какой же у вас батюшка замечательный! А какие он проповеди говорит!»

Постоянные прихожане, зная, что я учусь в семинарии, очень поддерживают меня. Особенно трогательно внимание бабушек, которые искренне интересуются моим житьем: «Мы за тебя всегда молимся, ты у нас в синодиках». И я их не забываю — стараюсь никогда не приезжать без подарка. Вот привозили в Москву мощи святителя Спиридона Тримифунтского. Так я попросил в Храме Христа Спасителя побольше иконочек — специально для своих бабушек.

С большим теплом я вспоминаю свою родную воронежскую школу, где провел четыре счастливых года. Теперь там институт. И это меня немного возмущает. Ведь там мне довелось соприкоснуться с великолепными учительями — иных уже и в живых нет.

Школа была организована по типу пансиона. И я находился там постоянно — с понедельника по субботу.

Так что мне не привыкать жить в общежитии! В пансионе в одной огромной комнате весело и беззаботно — представить только! — сосуществовал весь класс. Жили на самом деле хорошо, не ссорились. А если и были какие-то мальчишеские конфликты, то все друг за друга становились стеной.

В школе постоянно отмечали какие-то праздники — серьезные, а иногда и нелепые: к примеру, день влюбленных, встречу осени. Собирались в актовом зале, ставили маленькие сценки и целые спектакли. Все это чрезвычайно увлекло моего младшего брата, который решился перейти в эту школу.

А еще в нас воспитывали чувство патриотизма, что было совсем «не модно» в те годы. Покойный директор Михаил Сергеевич был военным, прошел войну в Афганистане. И он по-настоящему любил свою Родину. К ребятам часто приглашали ветеранов, организовали конкурс военно-патриотической песни — «Катюшу» всем классом пели так, что у многих взрослых слезы выступали на глазах.

В общем, не приходилось ни скучать, ни отвлекаться на всякие глупости. Ребята были всегда заняты, одно мероприятие сменяло другое, и при этом никто не уставал и не жаловался.

Родители, бабушка, отцы Иоанн, Александр, Кирилл, Валерия Ивановна, Михаил Сергеевич и многие другие достойные люди — клирики и миряне, верующие и ищащие дорогу к Богу, просвещенные и не очень... Им я многим обязан, за них я постоянно молюсь, у них прошу прощения за свои резкие слова и необдуманные поступки!

Вот, например, я, даже и с родителями толком не посоветовавшись, пошел после девято-го класса сдавать документы в Воронежскую семинарию. И мне отказали, потому что туда брали только с полным средним образованием. Но меня это не расстроило — я знал, что потом обязательно поступлю в семинарию. А пока,

Митрополит Иларион (Алфеев) подписывает свою книгу «Православие»

по совету родителей, решил учиться в кулинарном техникуме. Но три положенные года там не выдержал — очень тянуло в духовную школу. Необычайно сокрушало и искушало и то, что в кулинарном техникуме, разумеется, не могло быть никакой речи о соблюдении постов — студенты там постоянно что-то жарили-парили и дегустировали. Да и на службы меня не отпускали.

Поэтому по окончании первого курса я, открыв церковный календарь... наугад выбрал себе духовное училище. Им оказалось Муромское духовное училище — что-то вроде филиала Владимирской семинарии: «Это же древний Муром с множеством храмов и святынь!» Правда, я хотел сначала ехать в Псков, но от поездки туда меня отвратило то, как резко и неприветливо со мной поговорили по телефону. Я подумал тогда: «А вдруг там все такие?»

Как бы то ни было, я взял благословение у отца Александра. Тот сам поехал к архиерею, чтобы подписать необходимую в таком случае рекомендацию. И вот, сев в машину, всей семьей мы отправились в Муром — почти в неизвестность, как тогда представлялось всем моим

родным. До вступительных экзаменов оставалось целых три недели. Родители решили пожить со мной немного: все-таки новый город, где их сын никого не знал...

Только теперь — повзрослев, я могу сказать наверняка, как это пагубно не слушаться старших, прекословить им, как страшно не приступить к Таинствам исповеди, Причастия в течение длительного времени. Я назубок затвердил слова отца Тихона «Тем, кто редко исповедается, Господь посыпает скорби». Если не каяться в грехах, неминуемы тяжелые последствия: это как шарик с водой — переполненный, он непременно лопнет, а значит, перестанет быть шариком.

Сполна осознал, почувствовал я и то, что жизнь семинариста в первую очередь складывается из каждодневной молитвы, с нее начинается день и ею же заканчивается. Вот помолишься хорошо утром, и этого заряда хватает на целый день до вечера — до вечерней молитвы. И все у тебя хорошо — все выдерживаешь, не скорбишь, не обижашься! А ведь какие-то десять лет назад все было совсем иначе. Как же

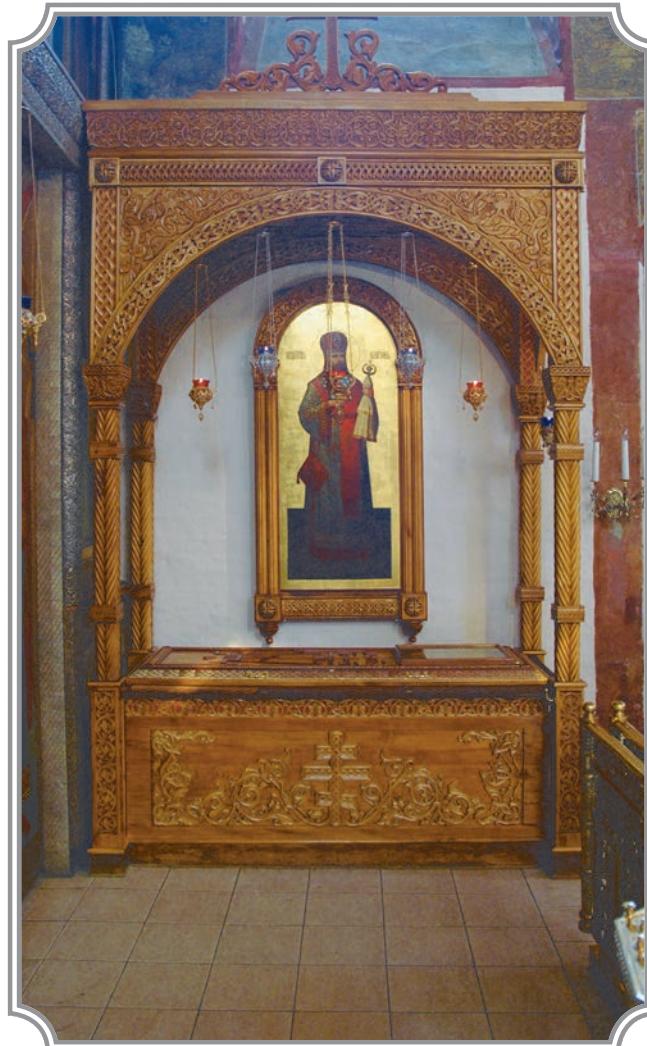
огорчался я, когда многие мои воронежские друзья по школе и кулинарному техникуму, узнав, что я хожу в церковь, да и еще прислуживаю там, начали дразнить меня попиком. Однако было это недолго — наверное, все поняли, что это всерьез, что я живу теперь новой, настоящей жизнью. Сейчас же меня окружают только верующие и духовные друзья.

Очень болезненно пережил я и первую любовь. Это была моя одноклассница. Чувства нас охватили сильные — насколько сильными они бывают у подростков. Мы ничего друг от друга не скрывали. И однажды я поделился с девушкой очень сокровенным и важным: «Знаешь, а я хочу стать священником». И она перестала со мной встречаться, объяснив свое решение по-подростковому резко и жестко: «Не хочу быть женой попа!»

Очень многое для моего духовного становления дали и проповеди, которые разные батюшки читали за богослужениями в Сретенском монастыре: кто-то говорил очень просто, кто-то обращался к сложным аналогиям. Но их слова всегда пронзали сердце.

Произносил проповеди и я сам — этого требует учебная программа. Первую свою проповедь я... проспал. А потому читал ее в трапезной позже положенного срока. Меня тогда прямо-таки колотило. Второй раз я проповедовал уже в храме. Волновался меньше, зато в тот день, посмотрев на лица слушающих, я понял слова, которые не раз повторяли семинарские наставники: «Вас учат тому, чтобы вы не молчали»...

...Знаете, за трапезой в семинарские годы нам часто читали письма архимандрита Иоанна (Крестьянкина), который почил в 2006 году. Господь не сподобил меня встретиться с батюшкой. Хотя многие мои друзья и знакомые ездили к нему, в Печоры. Готовясь к поступлению в духовное училище, я собирался в Псково-Печерский монастырь, но семейные обстоятельства воспрепятствовали поездке. Однако я попросил тетю Лиду написать ему письмо с просьбой о молитве. Отец Кирилл — ректор училища, был духовным чадом отца Иоанна (так же, как и отец Тихон). И когда старец скончался, все скорбели, совершали заупокойные службы. У отца ректора был портрет архимандрита Иоанна с его автографом, написанный с фотографии. Его-то и поставили в храме, на самую середину. Устроил отец

Рака с мощами священномученика Илариона

Кирилл и поминальную трапезу, на которой рассказал одну поучительную историю. Когда отец Иоанн служил в Рязани, жил там и батюшка Кирилл — совсем еще молодой человек. У отца Иоанна была староста, которая постоянно жаловалась, что у входа в храм стоит большой сундук. Она грозно предупреждала: «Или вы его выбрасываете, или откроете и покажите, что там». Батюшка ничего не предпринимал, а женщина настаивала на своем. И вот настал день, когда она окончательно решила выбросить сундук. Тогда отец Иоанн подошел к нему, сам отнес его к алтарю и тихо сказал: «В этом сундуке лежат мои грехи, и носить их буду только я».

Несколько слов хочется сказать о наших послушаниях. Поначалу я нес общие послушания: мытье посуды, уборка двора и корпуса, дежурство по трапезной. С трапезной все

и началось. Я ничего не понимал: что нести, куда и когда идти. Спасибо старшекурсникам — они подсказывали. Но когда позвонили первый раз в колокольчик, я все же забыл, что надо нести первое, и понес на столы второе, но был вовремя остановлен.

Как и в училище, я выполнял разные послушания и все больше и больше убеждался: нет ни одного ненужного дела — все они важны. Можно привести самые простые примеры: матушки не приготовят обед — и все будут голодными: если не подготовить к службе ризницу — священнослужители останутся без облачения. Хотя на первых порах — из-за невероятной усталости, я задавался вопросом: «Зачем это все нужно?» Ответ пришел очень быстро, сам собой: чтобы семинария и монастырь жили полноценной жизнью.

Основным моим послушанием, которое я нес с первого по пятый курсы, стало пение в хоре. Я стремился туда всей душой. В первую же учебную неделю регент семинарского хора — Александр Викторович Амерханов, прослушал весь курс и отобрал несколько человек. Он еще возмущался немного: «Как же мало поющих

ребят в новом наборе». Участие в семинарском хоре, несомненно, развило мои музыкальные способности. Я научился исполнять сложные произведения, которые ранее только слышал, но не имел возможности петь.

Поначалу я присутствовал только на спевках, которые проходят несколько раз в неделю. Там, кропотливо и методично, изучаются музыкальные произведения — в зависимости от календарной приуроченности.

Прошло некоторое время, и меня благословили петь за богослужениями в монастырском храме. Регенту семинарского хора я могу говорить слова благодарности бесконечно. Он замечательный руководитель, так как всей душой любит свою профессию. А потому очень требователен к поющим. Иногда он делит группы спевок по голосам: сначала басы, потом тенора и т. д. С каждым годом семинарский хор становится все сильнее и сильнее. Иногда учащиеся поют то, что не под силу даже «правому» хору. Это особенно отметил отец Тихон на одном из чаепитий первого курса — после первой седмицы Великого поста, во время которой семинаристы пели все службы. В этом

огромная заслуга Александра Викторовича. Учащиеся с ним даже выпустили отдельный диск — в 2008 году. И записи очень полюбились церковному народу.

Конечно, службы в храме обители — это основное послушание певчих семинаристов. Но деятельность хора очень разнообразна. Так, ребят приглашали в Калужскую область, где они пели на освящении храма.

Много сложных эмоций принес мне и концерт, посвященный памяти Патриарха Алексия. Хористы репетировали целый месяц. Народу пришло очень много — зал хоровой академии не вместил всех желающих. Среди слушателей были и преподаватели семинарии, что налагало на певчих еще большую ответственность. Состоявшийся концерт явился ярким свидетельством того, что люди очень нуждаются именно в духовной музыке.

Умения, полученные мной в семинарском хоре, позволили перейти, по благословению отца Тихона, в так называемый «большой», или «правый» хор. Произошло это неожиданно. Сказали: «Наместник благословил, значит, иди и пой». С «большим» хором я объездил много российских городов: летали в Иркутск, участвовали в юбилейных торжествах в Ярославле. И, конечно, очень часто пели в Кремле — на Патриарших богослужениях.

Если задуматься над тем, что же дала мне семинария, прежде всего я скажу: я научился здесь смотреть на жизнь трезво, а не витать в облаках фантазий. Повзрослел и научился терпеть. Хорошо понял, что в жизни придется преодолеть много испытаний, искушений. Знаете, я сейчас вспомнил слова отца Иова о том, что слово «семинария» с латыни переводится как «рассадник». И в ней должны духовно возрастиать люди, которые бы благоухали добродетелями, как цветник благоухает разными ароматами, и не забывали бы о том, семинария — духовная колыбель, в которой находится будущее всего Православия. Здесь воспитывают священников. Вроде бы и так понятно, но я понял это не сразу, а когда понял и прочувствовал, мой выбор, который я сделал давно, в юношеском возрасте, — служить Церкви Христовой, только укрепился. «Всякая добродетель и сила Божия — это счастливая возможность улучить в нашу душу некое семя вечной жизни, семя мудрости, семя дара рассуждения,

семя смирения и семя строительства Церкви. И нам дается возможность приложить нашу ревность, наши способности и таланты на этом благословенном поприще», — именно эти слова, сказанные отцом Тихоном на проповеди перед началом последнего для нас учебного года, станут для меня и всех моих однокашников безошибочным ориентиром на будущее.

Недавно я женился на очень достойной девушке и горячо уповаю на то, что она станет для меня любящей спутницей и надежной супружницей, которая поможет, если сподобит Господь, идти по пути служения Церкви.

В семинарии я сумел поладить с братьями-студентами, что зачастую давалось с большим трудом, а потому особенно ценно. Мои новые друзья приехали учиться в Москву не только из разных городов, но из разных стран. Мы многое рассказывали друг другу о своей Родине, и это, безусловно, расширило наш кругозор. Слава Богу, что мы так крепко сдружились, вопреки всем сложностям. Уверен: пройдут годы, а мы будем с теплом помнить своих семинарских товарищ и наш рассадник — Сретенскую духовную школу.

Пожелания
выпускников 2011 года
студентам Еременской
семинарии

Черомонах Зосима (Мельник)

Дорогие отцы и братья! Поздравляю вас с завершением учебы в нашей семинарии. Надеюсь, за пять лет вы приобрели полезные знания, которые помогут продолжить вам в служении Богу и людям. Именно продолжить, потому что все то время, которое вы проводили здесь, не проходило даром, но было настоящим церковным служением. Чему-то учились вы, а чему-то и мы, насельники Сретенской обители учились у вас и в общении с вами. Вспомнить хотя бы ту энергию и готовность послужить Церкви, с которой вы распространяли подарочные Евангелия, другую просветительскую литературу, общались с посетителями катехизических лекций в Политехническом музее, как с любовью участвовали в организации летних лагерей, посещали интернат и т.д. С благодарностью вспоминается ваше благоговейное отношение к богослужебным обязанностям.

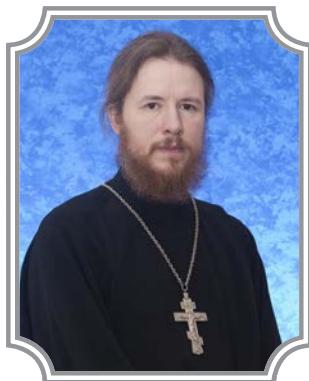
Еще хочется верить, что и от общения с братией вы получили пользу, ведь за эти годы нас объединяла не только общая молитва и Евхаристия, но и совместный труд, увлекательные паломнические поездки.

Хочется пожелать вам, братья, чтобы милость и любовь Божии пребывали с вами неотступно. Чтобы желание угодить Богу своей жизнью и служением не покидало вас никогда.

Христианство — религия любви и воскресения, но надо помнить, что настоящая любовь всегда жертвенна. Приготовьтесь отдавать каждому частицу себя — минутку времени, каплю внимания, доброе слово — и Господь вернет все сторицей. Бог любит чистоту, и молитва чистого сердца всегда будет Им услышана.

Благодарю вас, дорогие отцы и братья, за радость общения с вами, за ваши труды и молитвы. Не забывайте Сретенскую обитель, поминайте нас в святых молитвах.

Священник Михон Кречетов

Хочется пожелать нашим студентам стараться взять все, что дает семинария, не прокопчить мимо каких-то важных знаний, ведь некоторые по молодости стремятся лишь бы скорее сдать предмет — и все. Семинария дает очень много и, в частности, незаметный настрой богослужениями, режимом, дисциплиной, всеми послушаниями. Хочу пожелать с вниманием относиться к каждому предмету, потому что где еще найдешь таких прекрасных преподавателей? Так, после курса сектоведения я по собственной инициативе у себя на приходе прочитал лекцию для взрослых по истории и учению «Свидетелей Иеговы», потому что знаю, что от них ходят агитаторы, и людей надо подготовить. И в заключение хотел бы сказать, что великое благо в том, что ребята получают бесценный практический опыт от преподавания в воскресных школах города Москвы.

Священник Евгений Марков

Хочется пожелать, чтобы студенты действительно берегли то время, которое им предоставлено для учебы в духовной семинарии, старались впитать в себя как можно больше, а обнаружив пробелы, немедленно их восполняли. Я, например, понимаю, что мне нужно самым внимательным образом изучать Священное Писание, разбираться в догматических тонкостях. Семинаристам необходимо помнить: все то, что они получат в духовной школе, станет багажом, с которым им идти по жизни. Приобретенные здесь знания и умения, преподанные уроки духовного воспитания — все это, несомненно, будет востребовано при их дальнейшем служении.

Священник Алексий Кузьмичев

Я хочу пожелать семинаристам, чтобы они не растративали попусту быстротекущее время учебы, со вниманием относились к преподаваемому, любили и понимали богослужение. Кроме того, необходимо бережно хранить традиции и устои, которые отличают Сретенскую духовную школу от всех остальных. И еще нужно помнить, что подлинным нравственным идеалом для нас является Христос.

Ищец Валерий Мешалкин

Вскоре всем выпускникам предстоит самостоятельный путь. Жизнь — это жестокая плавильня, в которой из жизненной руды через многие искушения должна выплавиться либо чистая, незамутненная примесями суевийных забот вера, либо вся эта руда превратится в груду шлака.

Где бы вы ни оказались, в каком бы чине не служили Богу, каждый день, каждый час и каждую минуту доказывайте верность Христу.

Не забывайте уроков, полученных в семинарии, будьте всегда благодарны своим родителям, духовникам, отцам и братьям монастыря, вместе с кем вы делили трапезу и кров, и возносили соборную молитву.

Храните дружбу и единство курса, приобретенные за время учебы, и постарайтесь не потерять друг друга из вида на долгие годы, а может быть, и на всю жизнь.

Итец Алексей Шербенко

Семинаристам же, настоящим и будущим, желаю не терять драгоценного учебного времени и использовать возможность для подготовки себя к ответственному служению Богу.

Конечно, все православные христиане должны стремиться к духовному росту — регулярно причащаться Святых Христовых Таин, постоянно вести духовную брань, читать Священное Писание, творения святых отцов. А еще студенты не имеют права забывать, для чего они пришли в духовную школу.

Очень советую по возможности высыпаться. Это просто необходимо, чтобы сохранить силы, здоровье и хорошее настроение. Не стоит забывать и о благотворных занятиях спортом.

И наконец самое важное — желаю укрепляться в вере и в решимости служить Богу и людям!

Итец Максим Воронин

Настоящим и будущим семинаристам хочу пожелать, чтобы они слушали своих наставников и с благодарностью терпели. Поскольку горькое лекарство, которое иногда дается нам, служит исключительно к нашей пользе.

Итец Георгий Чирков

Я хочу пожелать нынешним и будущим студентам семинарии стойкости на выбранном ими пути, бесконечного упования на Промысл Божий и непрестанного осознания всей сложности и ответственности величайшего дела — служения Господу и людям.

Имец Вадим Шестаков

Я призываю семинаристов не терять живой связи с Богом, во всех ситуациях обращаться к Нему с молитвой, не унывать, проявлять любовь друг к другу, с пониманием относиться к взысканиям, ответственно исполнять послушания, на которые они поставлены, и, конечно, расти интеллектуально и духовно.

Имец Александр Бобраков

Проводить время с пользой, не растратывать его понапрасну.

Понимать и не забывать, что годы, проведенные в стенах семинарии — одни из самых лучших в жизни.

И самое главное не терять веру в Бога!

Имец Виталий Бровко

Дорогой брат! Время — понятие условное, тем более для нас, православных. Люди мира сего либо ждут чего-то от будущего, либо питают себя какими-то воспоминаниями из прошлого. Мы же всегда должны осознавать, что предстоим Богу Живому, у Которого один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день (2 Пет. 3:8). Не важно, кем ты был раньше, не важно, кем ты будешь — не все здесь в нашей власти. Важно, кто ты сейчас!

Спеши делать добро, ищи поступать правильно (уверен: ты знаешь как!) по отношению к равным себе, к начальству, к родным — в этом ключ к свободе души, а значит и к богословию, и к славословию, и к спасению. И все это недалеко от нас. Бери же!

Итей Георгий Ланцев

Пожелать хотелось бы юным студентам в первую очередь не отступать с выбранного пути. Пока учишься в семинарии, Господь посыпает нам — Его избранникам различные искушения, дабы укрепить нашу веру и уверенность в будущем служении. И, как ни странно, но именно в семинарии это все познается. Вот и я призываю ребят к терпению и твердому изучению предметов. Не забывая слова Спасителя: «В малом был верен, над многим тебя поставлю». Пусть это будет стимулом во всем учебном пути.

Итей Дмитрий Гизитдинов

Всем поступающим желаю в первую очередь быть самими собой. Так советуют почти везде, и это справедливо, потому что та «роль», в которую мы играем, не нужна ни кому из окружающих, ни тем более нам самим. Неестественность, подстраивание под других, человекоугодие и лукавство приносят человеку огромный вред, а простота и естественность радуют и нас, и близких.

Желаю побольше читать Священного Писания и святых отцов. Очень хорошо, если есть любимые отцы, если чей-то стиль, чьи-то труды особо близки. У нас часто это называют «вкусом» к духовной литературе.

Желаю не плыть по течению. Это вроде бы банально, но очень важно. Если человек будет жить «как все», то мне кажется, он никогда не станет истинным пастырем.

Инок Иларион (Баширов)

Хотел бы по-братски пожелать всем нынешним и будущим семинаристам отнестись к годам учебы в семинарии с благодарностью и добрым христианским рассуждением. Годы эти больше не повторятся, и то, получим мы пользу или нет, зависит сугубо от нас.

Фотогалерея

Сретенский монастырь

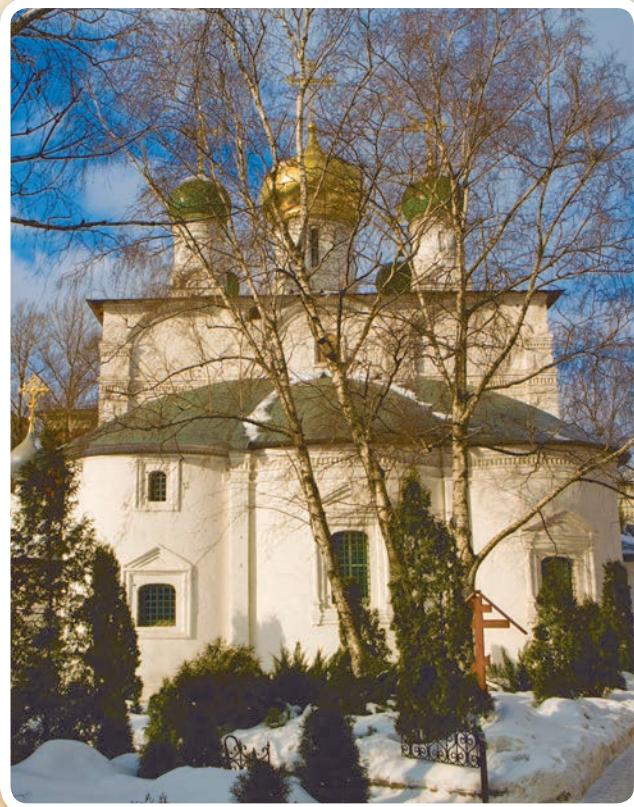

Сретенский монастырь. Художник С.Н.Ивлева

Соборный храм Сретения Владимирской иконы Божией Матери

Из истории монастыря

Монастырь в 1930-е годы

Никольский храм, разрушенный большевиками

Храм Пр. Марии Египетской, разрушенный большевиками

Монастырь в советское время

Часть собора монастыря и корпус наместника

Восстановление монастыря

Место братского корпуса, где расположен медпункт и баня

Вид на корпус наместника и братские корпуса

в 1990-е годы

Семинарский корпус

Здание трапезной

Современный вид монастыря

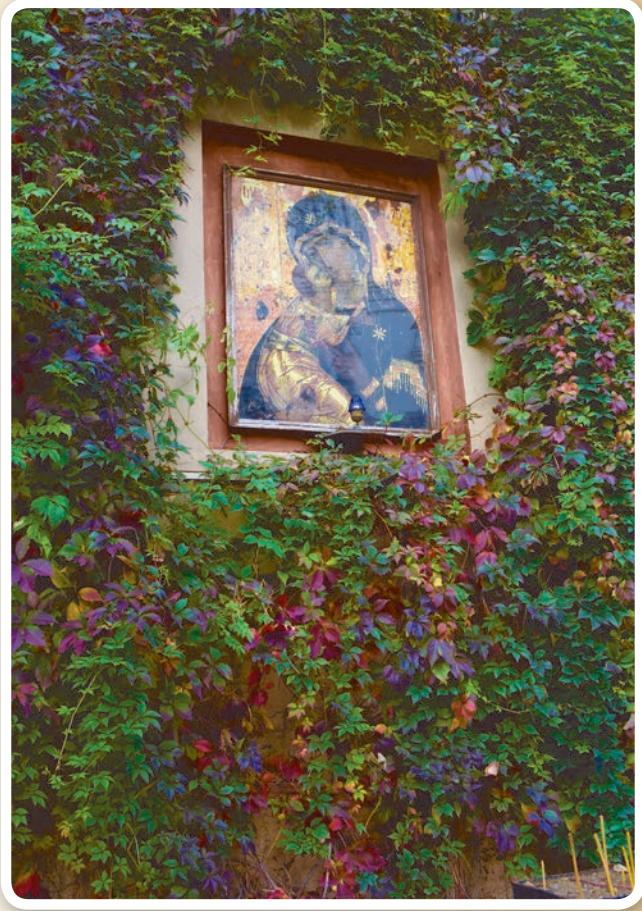
Братский корпус

Корпус наместника

Крест в память новомучеников

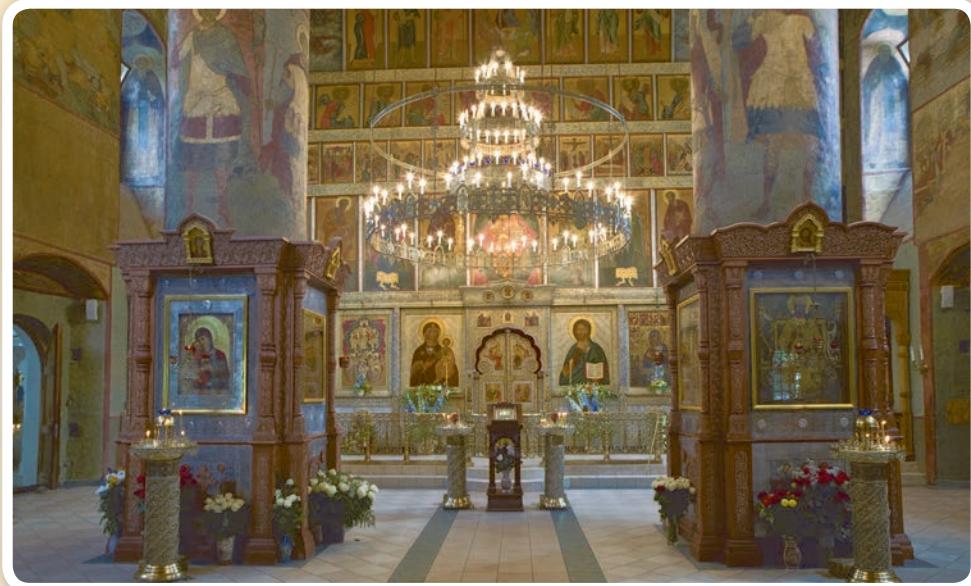

Икона Владимирской Божией Матери

Административный корпус

Главный придел Соборного храма Владимирской иконы Божией Матери

Придел Рождества Иоанна Предтечи

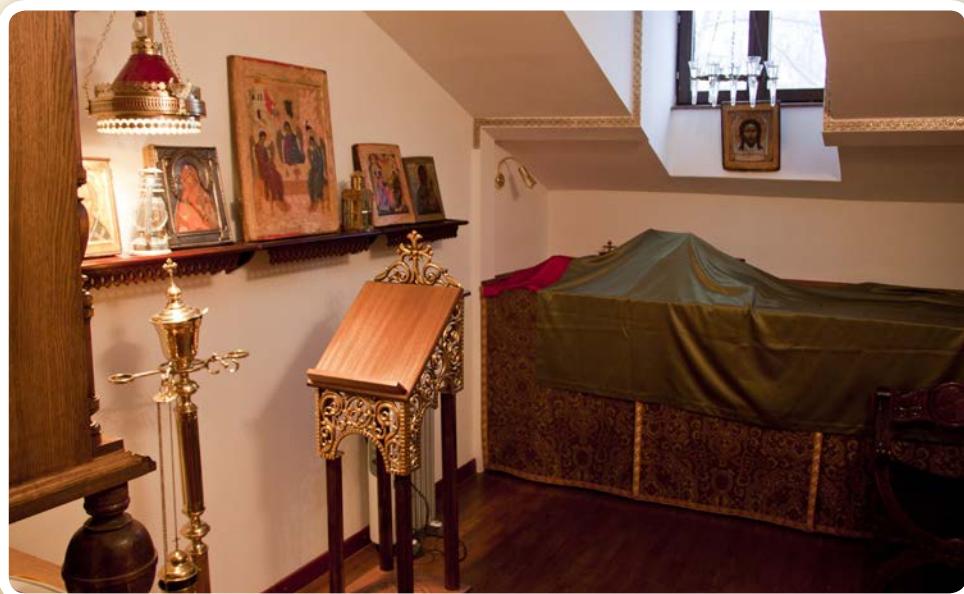

Придел преподобной Марии Египетской

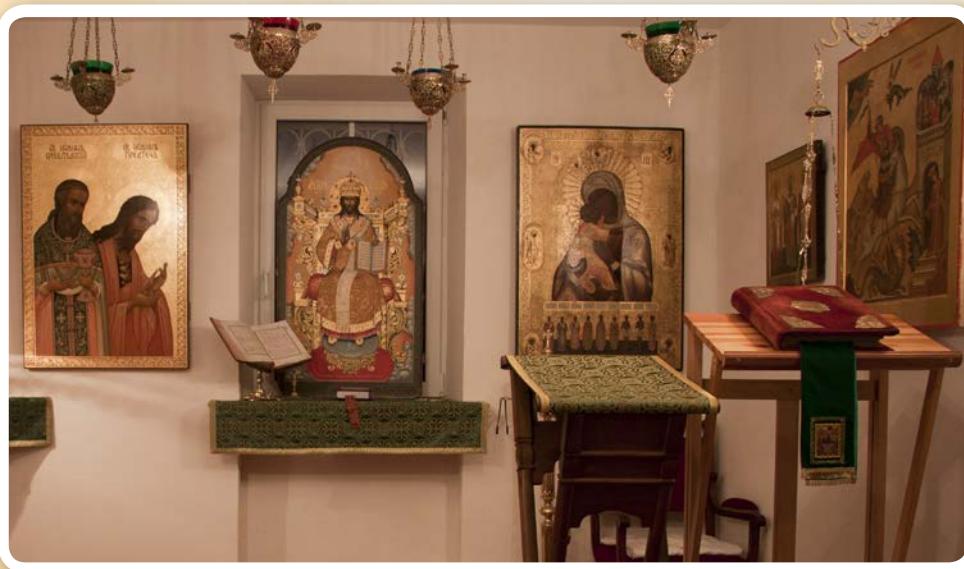

Крипта Воскресения
Христова

Домовой храм в честь
Пресвятой Троицы

Домовой храм
Святого праведного
Иоанна Кронштадтского

Святейший Патриарх Кирилл

Святейший Патриарх Алексий

Руководство семинарии

Ректор семинарии — архимандрит Тихон (Шевкунов)

Проректор — иеромонах Иоанн (Лудищев)

Секретарь — Дмитрий Дементьев

Дежурные помощники

Иеродиакон Севастиан (Астафуров)

Монах Николай (Муромцев)

Диакон Антоний Новиков

Игорь Максимов

Семинарские духовники

Архимандрит Тихон (Шевкунов)

Игумен Киприан (Парцс)

Иеромонах Иов (Гумеров)

Иеромонах Никодим (Бекенев)

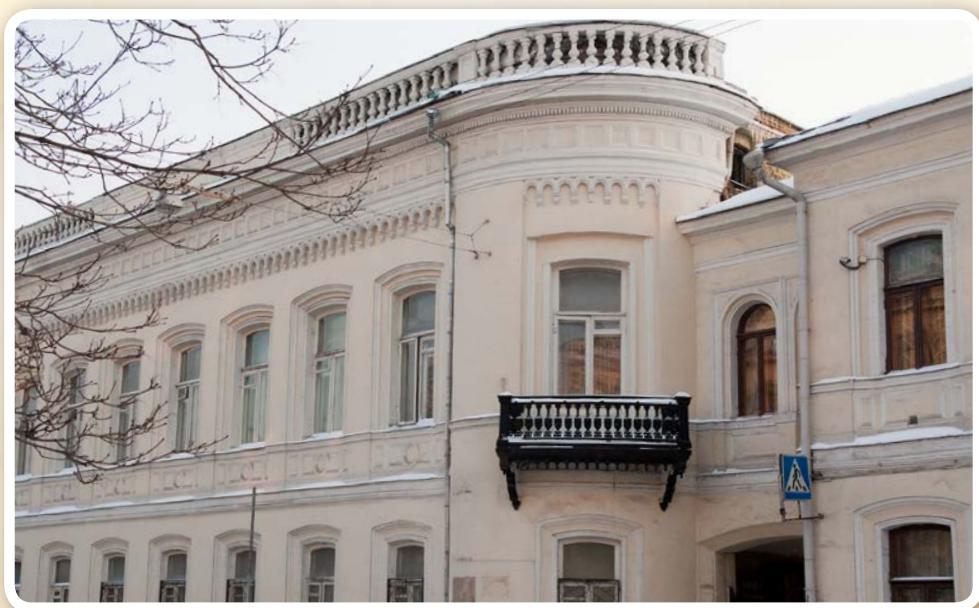

Иеромонах Павел (Щербачев)

Игумен Амвросий (Коньков)

Наша семинария с 2006 по 2011 годы

Монастырь во имя святой Екатерины 10 мая 2011 года

Выпуск 2004 года

Выпуск 2005 года

Выпуск 2006 года

Выпуск 2007 года

Випуск 2008 року

Випуск 2009 року

Выпуск 2010 года

Выпуск 2011 года

Выражаем благодарность

иеромонаху Симеону (Томачинскому)
с сотрудниками издательства
Сретенского монастыря
и преподавателю Сретенской духовной
семинарии Маршевой Ларисе Ивановне
за помощь в редактировании данного сборника.

Благодарим также сотрудников Сретенской
семинарии: диакона Новикова Антона
Вячеславовича, Тихонову Елену Владимировну,
преподавателей: игумена Амвросия (Конькова),
Трубицыну Галину Ивановну,
Ковыневу Ирину Евгеньевну,
студентов: Щербенко Алексея, Шахмирзояна
Романа, Матвеева Алексея,
сотрудников типографии «Аскон»: Быкова
Сергея и Бакулина Михаила за помощь
в подготовке данного сборника.

Благодарим фотографов: Родионова Михаила,
Поспелова Антона, Бармашова Бориса,
Правдолюбова Ивана.

Сборник подготовлен под общей редакцией
ректора Сретенской духовной семинарии
архимандрита Тихона (Шевкунова),
при участии иеромонаха Иоанна (Лудищева)
и иеродиакона Матфея (Самохина).